ISSN 0236-2910

ВЕСТНИК

МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

3 — 4

2001

Основан в январе 1990 г.

Выходит один раз в квартал

3 — 4
2001

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель Мордовский университет

Журнал зарегистрирован Исполкомом Ленинского районного (городского) Совета народных депутатов МАССР 13.11.90.
Регистрационный номер 1

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Экономика

Шичкин П. В., Левчаев П. А. Системное рассмотрение финансовых ресурсов предприятия как основа их эффективного функционирования 3
Дюдяев П. Ф. Критерий эффективности затрат в непроизводственной сфере 8
Аверина О. И. Генезис теоретических взглядов на цикличность экономического развития 12
Куликов Н. Д., Каргин Ю. И. Перспективы повышения устойчивости производства семян высших репродукций 18
Зинина Л. И. Ценовые отношения в системе молочного производства 21
Вечканов И. И. Интеграция производства, образования, науки и кадровое обеспечение сельскохозяйственного производства 27
Литяйкин С. В. Свеклосахарный подкомплекс АПК Республики Мордовия: проблемы и перспективы 32

Философия и социология

Грыжанкова М. Ю. Толерантность как консолидирующая идея раннего византинизма 39
Соловьев Д. Е. Функционалистский и метафизический подходы к анализу кризиса морали 49
Лазарева З. Н., Девяткина Е. Н., Кузнецова Е. В. Организация адресной социальной помощи на муниципальном уровне 52

Юриспруденция и история

Левин В. Ф., Пилипенко С. Г. Исполнительные органы в системе местного самоуправления 57
Петухов В. Ц., Тонкихин О. О. Исполнительное производство: вопросы теории и практики 61
Автайкин И. Е. Некоторые аспекты культурного строительства в Мордовии в 1930 — 1950-х гг. 66
Кульков П. И. Руководящие кадры Мордовпотребсоюза накануне и в годы Великой Отечественной войны 68

Филология и журналистика

Феоктистов А. П. Освоение классической метрики в мордовской переводной поэзии 72
Васильков Я. В. Индоевропейская поэтическая формула в мордовском обрядовом тексте ... 79
Мишанин Ю. А., Радаева Г. Литературно-художественный процесс на страницах газеты «Известия Мордовии» 87
Потапов П. Ф. Этнополитическая информация в республиканской прессе 91
Шенкина Е. М. Женская пресса в России: экспансия иностранного информационного товара 94

Культурология

Бурнаев А. Г. Особенности развития кинетической структуры мордовского танца 97
Жесткова О. В. Эклектика в музыке: трактовка явления и перспективы исследования 102
Гулая Т. П. Фортепианная музыка композиторов Мордовии 105

Педагогика

Конакова Ж. А. Психолого-педагогические особенности воспитательной работы с детьми подросткового возраста 108
Кутеева В. П. К проблеме формирования социальной активности современного специалиста 112

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Медицина и биология

Белоногов Н. И., Бесов В. А., Юртайкин О. Г., Рощин А. Б., Ноздрачев А. Е., Баринов Д. В. Иммунологические аспекты язвенной болезни, осложненной кровотечением 115
Санаев Н. Ф., Лукашевич М. И., Горчакова Н. Особенности проявления экологически значимых и хозяйственно-ценных признаков у люпина при интродукции на территории Мордовии 117
Ивойлов А. В., Ивойлов Д. Флористический и агрофитоценологический анализ сорной растительности Республики Мордовия 119

Математика

Чернов Н. П., Климаш Е. М. Некоторые граничные задачи для бигармонического уравнения 125

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лаврухин В. П., Калгин Ю. И., Ерофеев В. Т. Усталостная долговечность асфальтобетонов на модифицированных битумах 128
Тюряхин А. С., Черкасов В. Д. Эффективные модули упругости двухслойной сферы 135
Черкасов В. Д., Карташов В. А. О диссипативных свойствах композитов со сверхвысоким наполнением 140
Сонин Ю. П., Гуляев И. В., Никулин В. В., Тутаев Г. М. Математическая модель асинхронизированного вентильного двигателя 143

ХРОНИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Фурманова В. П. Иностранные языки: традиции и новации в системе гуманитарного образования университета 149
Акимова Э. Н., Комарова Г. С. Филологический факультет: годы и люди 153
Гагаев А. А. Калейдоскоп тем русской культуры (рец.) 156
Жаткин Д. Н. Новое исследование языка А. И. Полежаева (рец.) 160
Ломшин М. И., Назарова Н. Б. Воспитать на традициях родного народа (рец.) 162
Белянка Н. Ф. Новое имя в поволжско-уральской этнографии (рец.) 165
Файбусович Э. Л. Памяти Марка Михайловича Голубчика 169

Главный редактор **Н. П. Макаркин**

Редакционная коллегия:
Черкасов В. Д. (зам. гл. ред.), *Мишанин Ю. А.* (зам. гл. ред.), *Бусарова Р. П.* (отв. секретарь), *Воскресенский Е. В., Ерофеев В. Т., Мокшин П. Ф., Мосин М. В., Ревин В. В., Савкин Н. С., Семин П. Д., Сухарев А. И., Федоткина Л. К., Фомин Н. Е., Шичкин П. В.*

Адрес редакции: 430000, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Экономика

СИСТЕМНОЕ РАССМОТРЕНИЕ ФИНАНСОВЫХ РЕСУРСОВ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ОСНОВА ИХ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

П. В. ШИЧКИН, доктор экономических наук,
П. А. ЛЕВЧАЕВ, кандидат экономических наук

Многие проблемы эффективного использования финансовых ресурсов предприятий могут быть решены или предупреждены в рамках предлагаемого нами системного подхода. Следует отметить, что достаточно часто приходится слышать о системном подходе, но не всегда эти утверждения верны, так как не учитывают основополагающих принципов системности.

Итак, по порядку. Система — это совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, реализующих общую цель. Для научно обоснованной системы важными являются: процесс целеполагания, выделение элементов, реализующих принцип синергии, установление межэле-ментных связей.

Целеполагание — установление цели существования системы. Оно достигается посредством реализации функций. Функция есть внешнее проявление свойств, действие изучаемого явления во вне. Мы полагаем, что финансовые ресурсы выполняют две функции: производственную и инвестиционную (воспроизводственную). Производственная заключается в обеспечении производственных потребностей предприятия необходимыми ресурсами. Эта функция обусловлена целью предприятия — удовлетворить общественные потребности путем выпуска продукции. Инвестиционная функция заключается в постоянном прибыльном воспроизводстве временно свободных финансовых ресурсов. Она обусловлена тем, что у предприятия могут иметься средства, не используемые в производственной деятельности (для обеспечения ликвидности или выгодных финансовых вложений).

Выделенная совокупность *элементов* должна реализовать общую цель системы, которая имеет более высокий уровень, чем цель отдельно взятого элемента. Здесь важен принцип синергии, ибо система, не реализующая его в полной мере, может считаться таковой лишь условно, так как достигаемый эффект ниже осуществляемых затрат, а следовательно, в системе происходят процессы разложения либо она вступила в фазу упадка — этап, характеризующийся убытком предприятия, когда система «отдает» ресурсы вовне. Данный принцип является еще и наглядным критерием «правильности» выделения системы. Но он не всегда может быть точно оценен. Итак, исходя из принципа синергии, на наш взгляд, можно выделить три типа систем:

1) синергетическая (эффект от совокупного действия элементов выше, чем их суммарная эффективность); 2) с нулевым эффектом (эффективность системы равноценна суммарной эффективности элементов); 3) деструктивная (общая эффективность системы меньше суммарной эффективности элементов, потому

© П. В. Шичкин, П. А. Левчаев, 2001

что последние отрицательно влияют друг на друга).

Межэлементные связи — это отношения взаимной зависимости, обусловленности, общности между элементами системы. Они отражают как тенденции развития в самой системе, так и характер воздействия внешней среды. Внутренняя упорядоченность элементов характеризует структуру системы, которая подвержена изменениям.

Мы изложили основные положения системного подхода. Теперь рассмотрим, что следует считать финансовыми ресурсами.

По нашему мнению, существуют два подхода к определению сущности финансовых ресурсов. Первый — общепризнанный, заключающийся в том, что под понятием «финансовые ресурсы» понимаются доходы, поступления, накопления, формируемые у субъектов хозяйствования и предназначенные для осуществления затрат по расширенному воспроизводству, материальному стимулированию работающих и т. д. Здесь нелишне вспомнить уже упоминавшуюся функцию — производственную. Этот подход основан на том, что ресурс — источник чего-либо, в данном случае прежде всего развития предприятия.

Но с другой стороны, финансовые ресурсы — это материальные носители финансовых отношений, т. е. отношений по поводу распределения созданной стоимости. Заметим, капитал — та же стоимость, но приносящая доход. И если понятия капитала и финансовых ресурсов предприятий коммерческого сектора (цель такого предприятия — получение прибыли посредством удовлетворения общественных потребностей) отождествляются, то мы приходим к мнению, что все активы предприятия могут быть рассмотрены и как капитал, и как потенциальные финансовые ресурсы. Второй — расширенный — подход предполагает рассмотрение финансовых ресурсов как фактора производства, а именно — капитала.

Таким образом, в первом случае — это только доходы, накопления, а во втором — все активы коммерческого предприятия, которые рассматриваются как овеществленные финансовые ресурсы и могут быть превращены в денежную форму либо сразу использованы как знаки стоимости. Различие в их ликвидности. Например, в качестве оплаты могут быть использованы как денежные средства предприятия, так и его вложения в виде ценных бумаг или даже задолженность, суть одна – движение стоимости.

Мы показали определенную тождественность финансовых ресурсов и капитала, следовательно, — это один из факторов производства (наряду с другими: труд, земля, предпринимательство), для которого характерны определенные экономические законы.

Закон убывающей доходности характеризуется тем, что увеличение использования одного фактора (в данном случае финансовых ресурсов) при неизменности остальных приводит к сокращению предельной производительности (т. е. производительности каждой последующей дополнительно используемой единицы финансовых ресурсов). Верно и обратное — при пропорциональном увеличении всех факторов происходит рост доходности на основе увеличения масштаба производства (например, увеличение использования всех факторов на 10 % приводит к еще более масштабному росту выпуска, что как раз и составляет эффект синергии). Вместе с тем всегда есть альтернативные возможности использования капитала. Например, при ограниченности финансовых ресурсов мы можем добиться желаемого результата с помощью изменения пропорций других используемых факторов — труда, земли. Альтернативная стоимость фактора производства — важнейший показатель, характеризующий направление его эффективного использования. Например, мы анализируем, что дешевле — купить дополнительную единицу финансовых ресурсов или рабочей силы либо произвести нужную продукцию, получив тот же самый эффект. Следует напомнить об экстенсивном и интенсивном использовании фактора производства (финансовых ресурсах) и, как следствие, типе экономического (в нашем случае финансового) роста. Экстенсивный финансовый рост вызван использованием дополнительных финансовых ресурсов, а интенсивный — более эффективным использованием той же величины ресурсов (здесь полезно вспомнить показатели обо-

рачиваемости основных или оборотных фондов).

По аналогии с вышеназванными факторами производства можно выделить факторы финансового производства, цель которого — получение прибыли на вложенные средства (инвестиционная функция ресурсов). К таким факторам, по нашему мнению, относятся:

1) предпринимательство (финансовое), т. е. талант и умение выгодно комбинировать и использовать ресурсы;

2) финансовые средства как первоначальный источник последующего расширенного воспроизводства;

3) финансовый рынок как сфера приложения финансовых ресурсов;

4) право собственности на конечный результат для его обоснованного измерения и последующего распределения.

Итак, мы уточнили сущность финансовых ресурсов и понятие их системы. Но это, в первую очередь, открытая система, а следовательно, важность приобретает ее адаптивность к внешней среде, ибо, не удовлетворяя требованиям более крупной и мощной системы (системы финансовых ресурсов государства или других крупных институтов), она теряет обособленность или погибает. Системный подход к финансовым ресурсам есть концепция, рассматривающая и изучающая наиболее рациональное поведение системы финансовых ресурсов предприятия по отношению к внешнему окружению. Именно реализация подобного подхода позволяет неопределенно долго существовать и развиваться системе финансовых ресурсов предприятия для достижения поставленных целей. Функционирование финансовых ресурсов влияет на все стадии воспроизводственного процесса на предприятии, поэтому устойчивость и адаптивность системы финансовых ресурсов предопределяют устойчивость функционирования самого объекта хозяйствования.

В системном подходе принципиальным становится вопрос о внешней среде и ее составляющих. Логичным следует признать рассмотрение функционирования финансовых ресурсов в контексте денежно-кредитных отношений предприятия. Деньги есть всеобщий эквивалент и знак стоимости, которая распределяется при финансовых отношениях. Различают наличный и безналичный оборот предприятия. Кредит есть категория более высокого порядка, чем финансы, ибо она характерна для развитых финансовых отношений, так как предполагает помимо распределения стоимости временной аспект функционирования и получение прибыли. Доходом по кредиту служит процент, который не всегда сопровождается созданием новой стоимости (речь идет о спекулятивном характере такого кредита). Другая важнейшая сфера финансовых отношений возникает при распределении части стоимости в пользу государства, т. е. налоговых отчислениях. Таким образом, к факторам внешней среды прямого влияния логично отнести всевозможные финансово-кредитные отношения предприятия, а все остальные следует считать косвенными. Однако цель и результат их воздействия один — перераспределение стоимости в другую систему финансовых ресурсов.

Движение финансовых ресурсов в условиях рынка, когда любой фактор производства рассматривается как ограниченный, обусловлено стремлением субъектов хозяйствования к получению прибыли (или ссудного процента в случае кредитных отношений). Иными словами, потенциальная прибыль, обеспечиваемая любой системой финансовых ресурсов, есть важнейший показатель направления их движения. Он показывает места желательной интеграции в другую систему финансовых ресурсов (например, доступ к высокодоходным финансовым или производственным, сбытовым рынкам).

Вместе с тем прибыль соизмеряют с потенциальным риском, уровень которого конкретизирует направления возможного использования ресурсов. С развитием финансовых и других видов рынков средняя норма прибыли и рисков стремится к нулю. Здесь необходимо указать, что универсальным показателем, учитывающим совокупное влияние многих факторов внешней среды, является средний уровень цены, сложившийся на том или ином рынке, который не может быть превышен предприятием.

Нужно отметить еще один аспект внешней среды: именно для реализации

собственных функций финансовых ресурсов предприятия стремятся к интеграции с другими системами финансовых ресурсов. Примером могут выступать банковская система, когда предприятие интегрируется в ФПГ, или государственные финансы — интеграция с внебюджетными фондами научной или экономической направленности. В этом случае предприятия интегрируются в другую сферу приложения капитала, выходя за рамки производства.

Теперь о внутренней среде финансовых ресурсов. Это прежде всего их структура, показывающая соотношение между различными источниками и конкретными видами финансовых ресурсов. Важность изучения структуры характеризует высказывание нобелевского лауреата и основоположника молекулярной биологии Ф. Крика: «Не знаешь функцию — изучай структуру». Оно подчеркивает определяющее влияние структуры на внешнее проявление системы в реализуемых ею функциях. И действительно, структура финансовых ресурсов часто обусловливает возможность и эффективность реализуемых функций.

Особенностью любой системы является ее основополагающий элемент — системообразующий, в виде которого выступают собственные ресурсы предприятия, и именно поэтому так важны показатели, характеризующие структуру средств предприятия. С другой стороны, финансовые ресурсы есть сфера приложения управленческого труда, а следовательно, велика роль менеджера, управляющего ими. Именно он отвечает за оптимальную структуру средств и качество производительности (способность производить стоимость) вверенного ему капитала.

Следующим фактором внутренней среды является информационное обеспечение, предполагающее оперативность принятия и передачи информации, а также объективность контроля за состоянием ресурсов. Результирующим показателем состояния внутренней среды финансовых ресурсов мы считаем себестоимость единицы продукции или финансовых ресурсов, с помощью которых она произведена. В отличие от цены, обусловленной воздействием внешней и часто не контролируемой среды предприятия, уровень себестоимости подконтролен субъекту хозяйствования в большей мере.

Итак, зная цену товара (предопределенную внешней средой) и его себестоимость (обусловленную внутренними составляющими), мы можем рассчитать эффективность. В данном случае эффективность функционирования системы финансовых ресурсов, характеризующая либо наращивание финансовой мощи в случае прибыли, либо разрушение, когда ресурсы «уходят» вовне. Не это ли один из критериев адаптивности системы? Вероятно. Но вместе с тем существенны и ликвидность средств предприятия и его платежеспособность, характеризующая степень выполнения требований внешней среды (кредиторов и т. д.) и устойчивость предприятия. С этих позиций итоговый показатель адаптивности должен учитывать эффективность и ликвидность.

Здесь целесообразно уделить внимание процессу управления. Мы полагаем, что наука об управлении должна носить название «Менеджмент финансовых ресурсов», ибо объектом управления выступают финансовые ресурсы предприятия, а не отношения (финансовый менеджмент), которые возникают лишь при реальном движении стоимости, и управлять нужно прежде всего ресурсами, а не отношениями, так как вторые обусловлены реальным движением первых. Итак, управляемая система (финансовый аппарат) стремится к наиболее полной реализации функций финансовых ресурсов. В своем движении они проходят стадию формирования и использования, и задача менеджера — добиться приращения стоимости на каждой из них.

На стадии формирования ресурсов актуальным является вопрос об их структуре, и здесь поможет финансовый рычаг, эффект от действия которого проявляется в приращении к рентабельности собственных средств, получаемом благодаря использованию кредита, несмотря на его платность. Это обусловлено тем, что в случае использования только собственных средств предприятие имеет доход на них, а привлекая временно в оборот заемные средства, оно получает больше прибыли и на свой капитал, пусть даже расплачива-

ясь в последующем за кредит и по налогам.

Безусловно, речь идет о реальных для промышленных предприятий ставках за кредит. Кстати, здесь необходимо вспомнить о том, что в условиях рынка важность приобретает показатель платности ресурса, а не только их источник (собственный, заемный, временно привлеченный). И здесь общее правило, по нашему мнению, таково: менеджер должен знать цену предельной единицы ресурса и, выбирая на основе этого критерия из альтернативы, стремиться получить максимально предельную эффективность от ее использования. Под предельной эффективностью мы понимаем рентабельность каждой дополнительно привлекаемой единицы ресурса.

При использовании средств применяется производственный рычаг, действие которого проявляется в том, что любое изменение выручки от реализации продукции порождает более сильное изменение прибыли. Изменяя соотношение между постоянными и переменными издержками, объемом реализации, можно решать вопрос об оптимальном объеме производства и прибыли.

Эффективность использования финансовых ресурсов должна непременно учитывать чистую, реальную стоимость потоков средств, т. е. необходимо применять понятия «дисконтирование» и «нивелирование инфляции».

Дисконтирование связано с тем, что временная ценность финансовых средств неодинакова: средства, полученные через определенное время, неравноценны затраченным сегодня. Подобный подход позволяет не просто оценить эффективность вложений, но и рассчитать их чистую эффективность, а также ответить на вопрос о том, сколько сегодня стоит доход, который будет получен в будущем. Таким образом, связываются воедино этап вложения средств и этап получения дохода от этого вложения.

Инструментом оперативного и стратегического контроля за состоянием и движением финансовых ресурсов предприятия является бюджетирование, т. е. составление и исполнение бюджетов. Бюджет — инструмент менеджмента, который позволяет наглядно отобразить систему финансовых ресурсов предприятия, спланировать их поступление и расходование, оценить эффективность использования.

Мы полагаем, что система бюджетов должна создаваться на следующих уровнях:

— стратегическом (более 3 лет);
— тактическом (от 1 до 3 лет);
— оперативном (до 1 года).

Каждый уровень предполагает наличие генерального бюджета предприятия, бюджетов крупнейших структурных подразделений, бюджетов наиболее капиталоемких проектов.

Система бюджетов должна быть взаимосвязанной и интегрированной и обеспечивать сопоставимость важнейших показателей. Бюджетная информация должна постоянно обновляться, а эффективность функционирования средств находить отражение в итоговой рейтинговой оценке, рассчитываемой на основе отобранной совокупности показателей, характеризующих все стороны производственно-хозяйственной деятельности по данному виду бюджета. Такой подход позволяет выявить бюджеты предприятия, обеспечивающие наибольшую эффективность использования средств или, напротив, центры затрат. В свою очередь, анализ показателей, используемых в рейтинговой оценке, выявит возможные внутрибюджетные резервы.

Таким образом, суть системного подхода состоит в разработке научно обоснованной теории, изучающей рациональное поведение системы по отношению к внешней и внутренней среде. На наш взгляд, именно такой акцент позволит добиться сколь угодно долгого устойчивого существования и развития предприятия в современных, все усложняющихся финансово-кредитных отношениях.

Поступила 25.04.01.

КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАТРАТ В НЕПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЕ

Н. Ф. ДЮДЯЕВ, доктор экономических наук

Введение рыночных отношений в нашей стране сопровождается значительным ростом одних затрат и резким спадом других, хотя те и другие необходимы для поддержания нормального функционирования экономической системы. Например, за короткий период быстро развилась сеть трансакционных институтов, в это же время наблюдается спад внимания до безразличного отношения к социальной сфере — здравоохранению, образованию и т. д. До катастрофического уровня сокращен государственный общественный сектор. В странах же с развитой рыночной экономикой удельный вес общественного сектора в доходах и расходах общества превосходит его удельный вес как в совокупном капитале, так и в производстве реализуемых на рынке товаров и услуг. Понятно, что в переходный период удельный вес общественного сектора должен сокращаться. Но это сокращение относительное и происходит не за счет уменьшения его масштаба, а за счет развития частного сектора. Доля и масштаб общественного сектора наиболее концентрированно выражаются удельным весом государственных доходов и расходов в валовом внутреннем продукте, который в странах Западной Европы и Японии составляет от 30 до 60 % ресурсов экономики [5, с. 21 — 23].

Заметим, что общественный сектор поставляет товары и услуги в основном в такие отрасли, как образование, здравоохранение, культура, транспорт, связь, энергетика, коммунальное хозяйство и др., т. е. в сферы обслуживания, обеспечивающие непроизводственное потребление.

Сложилась неожиданная ситуация, когда государство контролирует огромные ресурсы, которые не имеют адекватной экономической оценки в качестве реальных или потенциальных факторов производства (интеллектуальный, научно-технический и культурный потенциал, земля, охраняемые природные и другие ценности народа и т. д.), но при этом расходы и услуги предоставляются на нерыночной основе. Стремление всеми путями сформировать рынок привело к тому, что запросы и потоки ресурсов общественного социального сектора оказались вне рыночного оборота, и, как следствие, произошло такое ухудшение макроэкономических показателей, которое характерно для коллапса. «Построенный» рынок в нашей стране отторгает своего родителя — государственный (общественный) сектор. Более того, создается неадекватное представление о «паразитизме» государства. Очевидно, причин такого положения много. Хотелось бы обратить внимание на одну, но очень важную на наш взгляд, — теоретическую.

Общеизвестно, что экономическая теория дает информацию для обоснования как хозяйственных, так и политических решений. Между тем до настоящего времени нет единого мнения о результате, а значит, и критериях экономической эффективности отраслей социальной сферы, общественного сектора, многих институтов и образований, непосредственное предназначение которых — обеспечение различных материальных, духовных и других услуг.

Следует заметить, что проблемой эффективности отраслей социальной сферы занимались всегда, актуальна она и сегодня. Первая попытка расчета эффективности затрат на образование в отечественной науке была предпринята в 1920-е гг. Было установлено, что увеличение грамотности за год обучения способствовало повышению производительности труда на 30 %. Позднее (с 1924 г.) в качестве показателя эффективности народного образования стали применять отношение затрат на образование к приросту национального дохода за определенный промежуток

© Н. Ф. Дюдяев, 2001

времени. Были попытки определить эффективность образования через прирост заработной платы [2].

С переходом к рыночной экономике в нашей стране вновь усилилось внимание к оценке затрат и результатов в образовании. При этом в качестве методологической базы пытаются использовать теорию человеческого капитала, согласно которой, инвестируя «в себя», люди расширяют возможности для улучшения своего благосостояния за счет более высокого заработка. Имеются работы, посвященные интерпретации затрат и результатов в области высшего образования.

В последнее время стали появляться работы, в которых изучаются функции и продукт сферы образования. Цель школы, в том числе высшей, усматривается в удовлетворении потребностей общества в определенной профессиональной структуре трудовых ресурсов и кадрах специалистов, обеспечивающих всестороннее развитие всех членов общества [4]. Роль образования видится в его продукции, т. е. в услугах, создающих совокупность полезных качеств человека, услугах по формированию рабочей силы с необходимым уровнем знаний, умений и навыков. Особую роль образование играет в сфере духовного производства, в которой удовлетворяются потребности общества в росте духовного уровня народа как субъекта производственных отношений. К сожалению, господствующая стоимостная парадигма оказалась тормозом в объяснении адекватного экономического содержания результата сферы образования. С позиции теории стоимости обязательно объяснение всякого экономического результата через материальное производство, а именно по влиянию новой стоимости. Видимо, поэтому экономический результат образовательной деятельности пытаются найти в разных сферах воспроизводства общества: в материальном производстве в виде повышения качества рабочей силы и производстве особого рода как услуге, насыщающей потребности людей в познании действительности, повышении их образовательного и культурного уровня. Отсюда, как следствие, вывод о двоякой роли сферы образования и соответствующие сложности при оценке затрат отрасли. Особые трудности возникают при обосновании затрат на создание духовных ценностей. Труд, затраченный на духовное производство, не участвует в создании стоимости общественного продукта. Остается только утверждать о его общественной полезности и ставить вопрос о необходимости его возмещения [3].

Искусственное разделение результата сферы образования на духовное и материальное производство является причиной соответствующих сложностей при определении хозяйственной политики. Общепризнанно, что продуктом сферы образования является необходимый для экономической сферы специалист. Очевидно, экономическая сфера подготовки его должна определяться экономической необходимостью, ролью этого специалиста в обществе.

С позиции господствующей стоимостной парадигмы также трудно адекватно оценить экономическую эффективность затрат и услуг медицины. Трудность здесь не столько в многообразии услуг, сколько в экономическом признании и измерении результата здравоохранения. Если затраты (текущие и капитальные) можно рассчитать по всем источникам финансирования, то оценка эффекта представляет значительные трудности. Не случайно анализ эффективности здравоохранения, как правило, проводится в трех аспектах: медицинском, социальном и экономическом. При этом эффективность медицинского персонала, техники и медикаментов практически невозможно выразить количественно. Приходится ограничиваться качественными характеристиками.

Медицинская эффективность чаще всего выражается в более быстром выздоровлении больных и тем самым ставится в зависимость от того, насколько удовлетворяются потребности населения в медицинской помощи. Об эффективности здравоохранения судят также по масштабам и качеству профилактических работ, диагностики и лечения заболевания. В частности, в качестве показателя иногда используют загруженность фонда, оборудования, продолжительность лечения. О социальной эффективности здравоохранения судят по улучшению здоровья населения, снижению общей и детской смертности, сокращению инвалидности, репродук-

ции рабочей силы. Экономическую эффективность в лучшем случае связывают с ростом производительности труда и национального дохода. Ряд авторов считают, что медицинская эффективность есть одновременно и экономическая и социальная. Многие специалисты склонны к мнению, что производительность медиков прямо не поддается количественной оценке.

Между тем ни у кого не вызывает возражений то, что продукция медицины — медицинские услуги — имеет потребительную стоимость, общественную полезность, заключающуюся в сохранении жизни людей, обеспечении соответствующего здоровья рабочей силы. К сожалению, оценить экономически, измерить эту полезность и соизмерить с затратами с позиции господствующей затратной (стоимостной) парадигмы не представляется возможным.

С введением рыночного хозяйства предпочтение получил частный сектор, цель которого — получение прибыли, приумножение богатства в виде капитала. За государственным сектором сохранилось производство услуг и благ, удовлетворяющих общие (общественные) потребности, многие из которых требуют колоссальных сил и средств, но не приносят прибыли (сохранение и улучшение природной среды, защита Отечества и т. д.). Государство ответственно за здоровье динамично развивающегося общества.

Развитие рынка сопровождается значительным ростом трансакционных затрат. В широком смысле это издержки господствующих общественных отношений, их «стоимость», издержки рынка. Они отличаются от производственных издержек, во многих случаях превышают их (например, в Италии они достигают 52 % всех издержек, в Индии — 70 %). К ним относят почти все издержки управления и организации общественных производительных сил. В теории трансакции они считаются основной категорией, важнейшим показателем экономического анализа. В качестве критерия принят их минимум, по которому определяются структура и масштабы социальных институтов, необходимых в хозяйственной жизни общества.

Не умаляя достоинства такого подхода, позволяющего в общественной науке добавить к методам качественного анализа количественное измерение деятельности институтов, хочется обратить внимание на существенный недостаток — вне поля зрения остается результат трансакций, который, как и сами затраты, имеет специфические особенности. Трансакционные мероприятия — это услуги, удовлетворяющие определенные потребности системы. Осуществляются они за счет доходов. Трансакционные издержки не создают новую стоимость и сами исчезают как стоимость. Если бы они производили новую стоимость, то были бы производственными издержками и для оценки их эффективности использовалась бы стоимостная теория. Следует заметить, что очень часто поступают так: затраты по трансакциям сопоставляют с соответствующей частью стоимости продукта, чем, по существу, устанавливается зависимость эффективности трансакционных издержек от эффективности производства. Экономия последних способствует росту производственного капитала. Их этой логики следует, что вся социальная сфера работает на производство, на увеличение стоимости. Все экономические и социальные институты — инструмент, средство экономии в сфере трансакций.

Не вызывает сомнений, что вся социальная сфера, вся система соответствующих институтов оказывает влияние на эффективность материального производства. Но это влияние трудно оценить с позиции теории стоимости при замыкании непроизводственной деятельности на создание стоимости (хотя и при минимальных издержках). Результат этой деятельности — повышение благосостояния общества, человека. Об этом писал еще в 1960-е гг. профессор В. Я. Ельмеев. Он обстоятельно доказал, что социальная сфера имеет свой, отличный от продуктов материального производства результат, для понимания которого следует обратиться к потребительному производству, следующему за производственным потреблением этапу процесса — воспроизводству [1]. Здесь труд, опредмеченный в процессе производства продукта, распредмечивается, удовлетворяя потребности людей. В потреблении продукта не только восстанавливается затраченная в процессе произ-

водства рабочая сила, но и создаются новые качества людей. Другими словами, результатом потребительного производства является рабочая сила, сам человек.

В потребительном производстве все издержки проявляют свое истинное назначение и содержание как услуги, необходимые при организации и осуществлении не менее созидательной, чем производственная, деятельности — потребления (разумеется, для этого очень важным условием является социальная ориентированность рынка). Результат непроизводственной деятельности, социальных и экономических институтов, как и всей хозяйственной системы — расширенное воспроизводство самого общества и человека. Реализация потребления связана с созданием соответствующих условий, благ — новых потребительных стоимостей, которые приумножат потребительные стоимости, созданные в материальном производстве.

Способность общества к потреблению часто называют потребительной силой. Надо полагать, что последняя характеризуется не только потребляемой корзиной, обеспечиваемой материальным производством, но и рядом условий и услуг, необходимых для воспроизводства и развития общества. Например, сохранение и улучшение природной среды, защита от внешней агрессии, образование, медицина, культура, наука и т. д. Другими словами, потребительная сила общества на любом этапе развития имеет определенные структуру и содержание. Для поддержания этого содержания на необходимом уровне обществу прежде всего требуется распределить трудовой потенциал, живую рабочую силу по «отраслям» деятельности. Тогда эффективность каждой «отрасли» и всей системы будет обусловливаться экономией живого труда при обеспечении потребительной силы определенного уровня. При такой трактовке эффективности достигается сопоставимость результатов материальной и социальной сфер, а производство и потребляемое производство естественно объединяются в единый процесс воспроизводства, ориентированный на общий результат — сохранение и развитие социально-экономической системы.

По результатам воспроизводственного процесса следует судить об эффективности производства всей непроизводственной сферы, в том числе трансакционных издержек. Поэтому в критерии эффективности должно быть отражено соотношение результата в виде разного рода общественных благ и соответствующих издержек. По уровню потребления данных благ судят о развитии самого человека, общества.

Для количественного выражения этого критерия следует обратиться к теории трудовой потребительной стоимости, согласно которой любая потребительная стоимость значима тем, что несет в себе время, которое не придется затрачивать в материальном производстве, либо обеспечит функционирование рабочей силы в течение определенного времени, будучи предметом индивидуального потребления или услугой. Это время называется общественно необходимыми затратами труда по условиям потребления. Но в каждый момент на производство тех же потребительных стоимостей фактически тратится другое время, которое определяют затраты по условиям производства. Труд по условиям потребления больше труда по условиям производства. Первый — доходная часть, второй — расходная часть трудового бюджета общества. Развитие общества немыслимо без рабочего времени — живого труда. Этот живой труд используется для расширенного воспроизводства, удовлетворяя возрастающие потребности. По степени влияния, т. е. по вкладу в доходную часть трудового бюджета, следует судить об эффективности социально-экономических мероприятий. Сэкономленный живой труд общество направляет и использует в нужном направлении для удовлетворения возрастающих потребностей.

Экономия этого необходимого живого труда и является фактической (действительной) экономией. Такая экономия всегда необходима обществу, она характеризует уровень его развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Ельмеев В. Я.** Методологические основы планирования социального развития. М.: Мысль, 1974. 167 с.

2. **Кильдишев Г. С.** Социально-экономическое значение и задачи экономики народного образования // Актуальные вопросы экономики общеобразовательной школы. М., 1982. С. 19.

3. Образование в условиях перехода к регулируемой рыночной экономике / НИИВО. М., 1991. 37 с.

4. **Сосновская Л. Н.** Рыночная оценка затрат к результатов в высшем образовании // Вуз и рынок. Кн. 1. Коммерческая деятельность в системе высшей школы России. М., 1992. С. 300 – 315.

5. **Якобсон Л. И.** Экономика общественного сектора. Основы теории государственных финансов. М.: Наука, 1995. 278 с.

Поступила 08.01.01.

ГЕНЕЗИС ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА ЦИКЛИЧНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

О. И. АВЕРИНА, кандидат экономических наук

Одной из актуальных проблем современного этапа экономических реформ является проблема оживления деятельности большинства промышленных предприятий. Например, по данным только территориального агентства Федерального управления по делам несостоятельности (банкротства) по РМ, в кризисном состоянии находятся более 50 % предприятий, а в целом по России – 41 % [8, 9]. Одним из решающих факторов, влияющих на эффективность и конкурентоспособность предприятия, является качественное управление, обеспечивающее своевременный прогноз и ликвидацию возникающих кризисных ситуаций. Поэтому очень важна разработка такой системы управления, которая позволила бы обнаружить кризисную ситуацию, вовремя ее локализовать и по возможности ликвидировать или по крайней мере свести к минимуму последствия кризиса.

Новая стратегия управления предприятием позволит найти выход из кризиса, но ее осуществлению должна предшествовать кропотливая работа по мобилизации всех резервов, направленных на решение данной проблемы. Этим вызвана необходимость разработки методов и инструментов диагностики угрозы кризиса, а также выработки практических стратегий управления кризисной ситуацией.

Однако в современной науке еще не установилось общепризнанного представления о кризисах на предприятии. Некоторые ученые предполагают, что понятие «кризис» относится лишь к процессам макроэкономического развития, а на уровне предприятия возникают только более или менее острые проблемы, вызванные непрофессионализмом и ошибками в управлении, и доказывают, что эти проблемы не свидетельствуют о кризисе развития, так как они не вызваны объективными тенденциями, хотя и обусловлены внешними причинами. Если склоняться к этой точке зрения, то при разработке стратегии развития предприятия нет необходимости предвидеть и учитывать возможность кризиса.

Для того чтобы понять природу и механизм действия кризиса предприятия, необходимо исследовать макроэкономические подходы к определению кризиса, а также теоретические и исторические аспекты возникновения самой науки о кризисах.

Кризис как макроэкономическое явление интересовал ученых давно. Экономической наукой к настоящему времени

© О. И. Аверина, 2001

разработан целый ряд различных теорий, объясняющих причины экономических кризисов. Однако считаем, что ключевая роль в объяснении их причин принадлежит теории циклов, которая существует почти два с половиной тысячелетия — с тех пор, как греческие философы, обобщая накопленные эмпирические знания, попытались проникнуть в суть периодической повторяемости явлений, которая отчетливо проявилась в природе и была отмечена в развитии общества. И хотя первоначально цикл отождествлялся с кругом, с тождественными повторениями одних и тех же фаз движения, по мере развития теории циклов на каждой следующей ступени научного познания понятие цикла все более отождествлялось со спиралью, с волнообразными колебаниями, чередованием подъемов и кризисов (при переходе к новому качественному состоянию системы).

Ранние представления о циклическом движении экономики содержатся, к примеру, в «Руководстве по политической экономии» У Филлипса, который высказал предположение о волнообразном движении экономики: «И так как деловой жизни свойственны свои приливы и отливы и дух предприимчивости и производства надлежит временами обуздывать, то чем быстрее будет удаваться различать приближающийся кризис и, насколько это практически возможно, принять против него меры, тем меньше будет общество страдать» [цит. по: 13].

В 1837 г. С. Дж. Лойд дал такое описание цикла: «История того явления, которое мы обыкновенно называем «состоянием торговли», поучительна. Мы обнаруживаем, что это явление подвержено влиянию многообразных обстоятельств, которые периодически повторяются; торговля явно вращается в прочно установившейся форме цикла. Вначале мы находим ее в состоянии спокойствия, затем — в состоянии улучшения — возрастающего доверия — процветания — возбуждения — чрезмерного расширения — потрясения — угнетенности — застоя — бедствия; и все это опять завершается спокойствием» [11, с. 10].

Вышеизложенное свидетельствует, что в самом простом определении циклы характеризуют периодические подъемы и спады деловой активности, проявляющиеся во всевозможных формах несоответствия спроса и предложения. Кроме того, весьма популярным длительное время было представление о циклах как перманентных отклонениях от состояния равновесия, к которому стремится экономика.

Достаточно глубоко и обстоятельно эту проблему исследовал К. Маркс. Он вскрыл причины кризисов и обосновал неизбежность их в условиях стихии и анархии производства. У К. Маркса была своя система взглядов не только на причины, определяющие длительность циклов, но и на саму природу цикличности. Циклический процесс, по Марксу, начинается с подъема, вызываемого ростом совокупного спроса для накопления ради максимизации прибыли, к которой стремятся капиталисты, — это причина; заканчивается цикл спадом, так как растущий в период подъема спрос на труд превышает его реальное предложение и приводит к повышению заработной платы и устранению безработицы, что оборачивается затем снижением нормы прибыли и замедлением накопления, — это следствие.

Принципиальным отличием точки зрения К. Маркса является то, что причины цикличности капиталистического воспроизводства он видел в самой природе капитализма, непосредственно в противоречии между общественным характером производства и частным характером присвоении его результатов. В «Капитале» он не только доказал неизбежность кризисных ситуаций на макроэкономическом уровне, но и обосновал циклический характер развития отдельного предприятия. Во втором томе книги в разделе «Оборот капитала» он пишет: «Ясно во всяком случае следующее: этим охватывающим ряд лет циклом взаимно связанных между собой оборотов, в течение которых капитал закреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, причем в ходе цикла деловая жизнь последовательно переживает периоды ослабления, среднего оживления, стремительного подъема, кризиса» [5, с. 208]. К. Маркс также показал, что кризис несет в себе не только негативное влияние на предприятие, но и некую стимулирующую функцию,

подталкивающую предпринимателя к развитию своего производства на качественно новом уровне. Во время кризиса у предпринимателя возникают побудительные мотивы к сокращению издержек производства, увеличению прибыли, обновлению капитала на новой технической основе. Кризисом как бы заканчивается предыдущий период развития предприятия и начинается следующий.

Немарксистские школы первоначально выступили с отрицанием неизбежности экономических циклов, доказывали возможность преодоления цикличности как явления в рамках традиционного рыночного механизма. Представители неоклассической и либеральной школ выдвигали различные причины экономических кризисов, не связывая их с природой капитализма. Многие из них считали причиной кризисов недопотребление населения, вызывающее перепроизводство. Последовательной представительницей теории недопотребления была Джоан Робинсон, лидер левого кейнсианства. «Лекарством» от кризисов считалось стимулирование потребления. Более близки к марксистской позиции экономисты, считающие причиной кризисов диспропорциональность, или «неравновесие». Кризисы обусловлены отсутствием правильных пропорций между отраслями, стихийными действиями предпринимателей. Теория неравновесия сочетается с другим распространенным взглядом на кризисы как на порождение внешних условий — политических, демографических, природных. Развитие мировой экономики в XX в. привело к отказу от крайностей во взглядах на цикличность процесса воспроизводства.

Первый периодический кризис произошел в Англии в 1825 г., где к тому времени капитализм стал господствующим строем. Следующий кризис в 1836 г. охватил Великобританию и США. Кризис 1847 г. затронул почти все страны Европы. Первый мировой экономический кризис относится к 1857 г. Это был самый глубокий кризис со времени начала капиталистического развития. Кризис 1873 — 1878 гг. охватил большинство европейских стран, а также США и превзошел все предыдущие по продолжительности. Мировые экономические кризисы происходили в 1900 — 1903, 1907, 1920 гг., но все они не идут ни в какое сравнение с мировым кризисом 1929 — 1933 гг. Он охватил весь капиталистический мир и все сферы экономики. Совокупный объем промышленного производства капиталистических стран сократился тогда на 46 %, выплавка стали уменьшилась на 62 %, добыча угля — на 31, производство продукции судостроения — на 83, внешнеторговый оборот — на 67 %, число безработных достигло 26 млн человек, или 25 % всех трудоспособных, реальные доходы населения уменьшились в среднем на 38 %. Кризис сопровождался огромным количеством банкротств. Только в США разорилось 109 тыс. фирм.

После этого кризиса депрессия была затяжной. В 1937 г. наступил новый кризис, характерный тем, что ему не предшествовала фаза подъема. Хотя он был слабее предыдущего, но протекал весьма остро. Общий объем промышленного производства в капиталистическом мире сократился на 11 %, а в США — на 21 %, выпуск автомобилей уменьшился на 40 %. Развитие и обострение этого кризиса было прервано Второй мировой войной.

В 1948 — 1949 гг. разразился локальный экономический кризис, который охватил США и Канаду. В США объем промышленной продукции тогда упал на 18,2 %, в Канаде — на 12 %, а общий объем промышленного производства развитых капиталистических стран сократился на 6 % [1, с. 32 — 33]. Следующий экономический кризис начался в 1953 г. и продлился до середины 60-х гг., хотя внешне все обстояло благополучно — экономика развивалась сравнительно высокими темпами, повышалось благосостояние населения, росла продолжительность жизни, но на экономическую и политическую ситуацию значительное влияние оказывала так называемая холодная война. Разрыв по среднедушевым доходам между развитыми и развивающимися странами составлял 11 — 12 раз, а между США и странами Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии — более 30 раз. Это означало, что индустриальное общество оказалось не в состоянии сократить разрыв между богатыми и бедными странами [2].

Самым глубоким в послевоенный период был экономический кризис, который начался в 1973 г. с мирового экологического и энергетического кризиса. В развитых странах он оказался весьма длительным и включал три кризисных фазы среднесрочных циклов: 1973 — 1974, 1981 — 1982, 1990 — 1991 гг. Вскоре кризис распространился на развивающиеся страны, а с конца 80-х гг. — на большинство социалистических стран, где приобрел наиболее острый характер. Резко упали темпы экономического роста: в 1981 — 1985 гг. по сравнению с 1966 — 1970 гг. в развитых капиталистических странах — с 5 до 1,5 %, среднегодовые темпы экономического роста снизились в 2,5 раза; в развивающихся странах темпы экономического роста упали с 6,6 % в 1971 — 1975 гг. до 2,7 % — в 1981 — 1985 гг., среднегодовые темпы уменьшились в 2,4 раза. В наибольшей степени кризис поразил США и Западную Европу, где годовые темпы прироста ВВП снизились с 4,7 и 4 % в 1966 — 1970 гг. до 2,9 и 3,9 % в 1971 — 1975 гг. и до 2,3 и 1,25 % в 1984 — 1985 гг. С некоторым запозданием кризис поразил Японию (снижение темпов прироста ВВП соответственно 10,5; 8,1; 2,8%). Среднегодовые темпы прироста НД в социалистических странах составили в 1971 — 1975 гг. 6,45 %, в 1976 — 1980 гг. — 4,1 %, в 1981 — 1985 гг. — 3,3 %; в США соответственно 5,7; 4,3; 3,6 %.

На рубеже 90-х гг. разразился очередной экономический и социально-политический кризис. Эпицентром на этот раз стали СССР, другие страны СЭВ, некоторые развивающиеся государства. Доля СССР (СНГ), стран Центральной и Восточной Европы в мировом ВВП и мировом экспорте за 1986 — 1995 гг. сократилась почти вдвое, тогда как доля новых индустриальных стран и Китая значительно возросла (в 1,72 раза). Доля индустриально развитых стран в мировом ВВП снизилась за 10 лет с 57 до 54 %, а в мировом экспорте возросла с 62 до 64 %. Характерной особенностью этого кризиса является переплетение его с глубокими структурными кризисами, поразившими важнейшие сферы производства, а также валютную систему [9, с. 324].

Таким образом, развитие мировой экономики наглядно показало цикличность процесса воспроизводства. Это предопределило необходимость формирования нового видения закономерно-неравномерно меняющегося мира. Это был путь от аналитически-структурной статики к циклической динамике. Такие выдающиеся ученые, как В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский, П. А. Сорокин, Н. Д. Кондратьев, А. А. Богданов, Н. А. Бердяев, Н. И. Вавилов, Ф. Бродель, А. Тойнби, И. Шумпетер, Э. Хансен и многие другие, пытались научно обосновать глубинные корни и механизм экономических циклов. Развитая во второй половине XIX в. теория экономических циклов была дополнена концепцией больших циклов конъюнктуры (циклов Кондратьева). Н. Д. Кондратьев утверждал, что технический прогресс представляет собой колебательное движение и его цикличность связана с экономическими процессами, протекающими в нескольких равновесных состояниях. По его мнению, существует равновесие трех видов.

1. Равновесие «первого порядка» — между рыночным спросом и предложением. Отклонения от него рождают краткосрочные колебания длительностью 3 — 3,5 года, т. е. циклы в товарных запасах.

2. Равновесие «второго порядка», достигаемое в процессе формирования цен производства путем межотраслевого перелива капитала, вкладываемого главным образом в оборудование; отклонения от этого равновесия и его восстановление связаны с циклами средней продолжительности.

3. Равновесие «третьего порядка», которое касается «основных капитальных благ». В эту категорию включаются промышленные здания, инфраструктурные сооружения, квалифицированная рабочая сила, обслуживающая данный технический способ производства. Запас «основных капитальных благ» должен находиться в равновесии со всеми факторами, определяющими существующий технический способ производства, с его отраслевой структурой, существующей сырьевой базой и источниками энергии, ценами, занятостью и общественными институтами, состоянием кредитно-денежной системы и т. д. Пери-

одически это равновесие также нарушается и возникает необходимость создания нового запаса «основных капитальных благ», которые бы удовлетворяли новому техническому способу производства. Согласно теории Кондратьева, такое обновление «основных капитальных благ», отражающее движение научно-технического прогресса, происходит не плавно, а толчками и является основой больших циклов конъюнктуры [6].

Таким образом, Н. Д. Кондратьев подчеркивал взаимосвязь экономических и технологических циклов: «Изменения в области техники производства предполагают два условия: 1. Наличие соответствующих научно-технических открытий и изобретений; 2. Хозяйственные возможности применения этих открытий и изобретений на практике... Научно-технические изобретения могут быть, но могут оставаться недейственными, пока не появятся необходимые экономические условия для их применения... Самое развитие техники включено в закономерный процесс экономической динамики» [4, с. 62 — 63].

Эти положения были подхвачены и развиты Й. Шумпетером [14], Г. Меншем [12], А. Клайнкнехтом [10] и другими исследователями. Обстоятельный очерк теорий среднесрочных экономических циклов представил У. Митчель [7]. Наличие и взаимодействие краткосрочных, среднесрочных, долгосрочных и сверхдолгосрочных циклов в экономическом развитии отмечал Ф. Бродель [3]. Новый подъем изучения циклов развернулся с середины 70-х гг. — с книги Г. Менша, подтвердившего истинность предвидений Н. Д. Кондратьева и Й. Шумпетера о «длинных волнах» экономической динамики — на фоне глубокого мирового кризиса, положившего начало переходному периоду к постиндустриальной цивилизации; с исследований Ф. Броделя, А. Тоффлера и др. П. Самуэльсон в качестве наиболее известных теорий циклов в своей книге «Экономикс» отмечает следующие:

• денежную теорию, которая объясняет цикл экспансией (сжатием) банковского кредита (Хоутри и др.);

• теорию нововведений, объясняющую цикл использованием в производстве важных нововведений (Шумпетер, Хансен);

• психологическую теорию, трактующую цикл как следствие охватывающих население волн пессимистического и оптимистического настроения (Пигу, Бэджгот и др.);

• теорию недопотребления, усматривающую причину цикла в слишком большой доле дохода, идущей богатым и бережливым людям, по сравнению с тем, что может быть инвестировано (Гобсон, Фостер, Кэтчингс и др.);

• теорию чрезмерного инвестирования, сторонники которой полагают, что причиной рецессии является скорее чрезмерное, чем недостаточное, инвестирование (Хайек, Мизес и др.);

• теорию солнечных пятен — погоды — урожая (Джевонс, Мур) [цит. по: 1, с. 32 —33].

На наш взгляд, данную классификацию теорий циклов необходимо дополнить следующими теориями:

• теория промышленных циклов, трактующая возникновение циклов противоречиями капитализма (Маркс, Энгельс);

• теория перенакопления капитала, объясняющая возникновение кризисов в результате образования диспропорций в структуре производства (Туган-Барановский, Кассель, Афтальон и др.);

• кейнсианская теория, рассматривающая цикл как результат взаимодействия между движением национального дохода, потреблением и накоплением капитала (Кейнс);

• монетарная теория, объясняющая циклический характер производства нестабильностью денежного обращения (Фридмен).

Каждая из перечисленных теорий с той или иной степенью достоверности отражает причины циклических колебаний, однако, как мы уже отмечали ранее, сложившиеся теории циклов ориентированы преимущественно на высокоразвитую рыночную экономику и не всегда подходят для анализа периодических колебаний постсоциалистических экономик. В этих условиях вызывает интерес часть теоретического арсенала отечественной теории циклов и кризисов. Развивая ло

недавнего времени главным образом марксистскую концепцию цикла, отечественные ученые-экономисты (Е. С. Варга, С. А. Лалин, М. С. Драгилев, С. М. Меньшиков, А. А. Манукян, Л. А. Мендельсон, Я. А. Певзнер, Ю. Покатаев, В. Шенаев, Ю. В. Яковец и др.) создали определенный научный задел в изучении таких крупных проблем, как кризисы, циклическая периодичность, длинные волны. Обращение к данной концепции на принципиально новом уровне (с учетом современных достижений в области функционального анализа, кардинального пересмотра или отказа от устаревших или не оправдавших себя понятий и гипотез) может оказать положительное влияние на выработку эффективной государственной антикризисной политики в странах с постсоциалистической экономикой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антикризисное управление: Учеб. / Под ред. Э. М. Короткова. М.: ИНФРА, 2000. 432 с.

2. **Болотин Б. М., Шейнис В. Л.** Экономика развивающихся стран в цифрах. Опыт справ.-стат. исслед. 1950 — 1985 гг. М.: Наука, 1988. 616 с.

3. **Бродель Ф.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV — XVIII вв. В 3 т. Время мира: Пер. с фр. М.: Прогресс, 1992. Т. 3. 679 с.

4. **Кондратьев Н. Д.** Избранные сочинения. М.: Экономика, 1993. 542 с.

5. **Маркс К.** Капитал. Критика политической экономики / Под ред. Ф. Энгельса. М.: Политиздат, 1974. Т. 2, кн. 2. 648 с.

6. **Меньшиков С. М., Клименко Л. Д.** Длинные волны в экономике. М.: Международ. отношения, 1989. 269 с.

7. **Митчель У. К.** Экономические циклы. Проблема и ее постановка. М.; Л.: Госиздат, 1930. 584 с.

8. Обзор экономической политики в России за 2000 г. / С. Б. Адашева, А. З. Астапович, А. А. Аузан и др.; Бюро эконом. анализа. М.: ТЕИС, 2001. 528 с.

9. **Яковец Ю. В.** Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: Наука, 1999. 448 с.

10. **Kleinknecht A.** Innovation Patterns in Crisis and Prosperity. Schumpeter's Long Cycle Reconsidered. L., 1987.

11. **Loud S. J.** Reflections Suggested by a Perusal of Mr. J. Horsley Palmer' s Pamphlet on Money Market. L., 1837.

12. **Mensch G.** Das technologische Patt: Innovationen uberwinden die Depression. Frankfurt am Main, 1975.

13. **Miller N. E.** Earlier. Theories of Crisis in the United States // Quarterly of Economics. 1924. Febr. P. 306.

14. **Shumpeter J. A., Business C. A.** Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Progress. N. Y.; L., 1939. Vol. 1 — 2.

Поступила 01.10.01.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЫШЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЕМЯН ВЫСШИХ РЕПРОДУКЦИЙ

Н. Д. КУЛИКОВ, кандидат экономических наук,
Ю. И. КАРГИН, аспирант

Проблема стабилизации и устойчивого развития зернового подкомплекса определяется большой социальной значимостью обеспечения населения продовольствием. В пищевой и перерабатывающей промышленности зерновые культуры составляют значительную часть сырья и во многом обусловливают межотраслевые производственно-экономические взаимосвязи в агропромышленном комплексе.

Одним из факторов устойчивости урожайности и валовых сборов зерна является производство семян высших репродукций. В процессе хозяйственного использования зерновых культур их полезные признаки и свойства ухудшаются, поэтому семена периодически обновляются. В Республике Мордовия к настоящему времени семенами массовых репродукций засеивается почти 80 % площади. Недобор зерна из-за этого, по нашим расчетам, составляет от 60 до 70 тыс. т ежегодно, одновременно ухудшается качество продовольственного и технического зерна.

Неоправданный уход государства из аграрного сектора и прекращение государственной поддержки семеноводства в 1990-е гг. привели к снижению производства семян высших репродукций, к ухудшению устойчивости зернового хозяйства республики. В опытно-производственных хозяйствах Мордовского НИИСХ в 1995 — 1999 гг. производство семян по сравнению с предыдущим пятилетием уменьшилось на 45,9 %.

За последние 20 лет снизились площади пашни. В ОПХ «1-е Мая» за 1985 — 1989 гг. по сравнению с 1980 — 1984 гг. они уменьшились на 11,5 %, за 1990 — 1994 гг. — на 14,4, за 1995 — 1999 гг. — на 15,3 %.

За 1985 — 1989 гг. валовые сборы зерна увеличились на 26,3 %. Качественный сдвиг в области становления и развития семеноводства, наметившийся в этот период, в значительной мере способствовал широкому и рациональному использованию минеральных и органических удобрений и пестицидов.

Снижение валовых сборов зерна в хозяйствах в 1995 — 1999 гг. произошло за счет уменьшения площади пашни, а также доз внесения навоза, минеральных удобрений, снижения энерговооруженности.

Оптимальная доза минеральных удобрений в ОПХ составила 310 кг д. в. на 1 га. При дальнейшем их увеличении снижались валовые сборы зерна. Уравнение регрессии значимо ($r = 0,7$) и имеет вид:

$$y = 3\,585 + 22,09x - 0,0289x^2.$$

где y — валовой сбор зерна, т; x — доза минеральных удобрений, кг д. в. на 1 га.

Урожайность зерновых и зернобобовых культур определяется погодными условиями, уровнем интенсификации. Аналитическое выравнивание динамического ряда урожайности свидетельствует, что снижение урожайности в ОПХ «1-е Мая» составляет 4 кг/га, а в ОПХ «Ялга» — 15 кг/га. Средняя устойчивость производства семян в среднем за 20 лет составляет от 0,72 до 0,79. Наибольшие колебания урожаев были характерны для озимой пшеницы (0,34 — 0,55), вики (0,41 — 0,43), гречихи (0,42 — 0,84).

В группе продовольственных культур произошло увеличение площадей под озимой и яровой пшеницей. В ОПХ «1-е Мая» в среднем за 1991 — 1999 гг. доля озимой пшеницы в посевах зерновых и зернобобовых культур составила 16,9 %, а в 1980 — 1990 гг. — 11,5 %. Валовой сбор зерновых и зернобобовых составил соответственно 23,7 и 14,5 %. Урожайность озимой пшеницы в ОПХ

© Н. Д. Куликов, Ю. И. Каргин, 2001

«Ялга» в 1991 — 1999 гг. возросла по сравнению с 1981 — 1989 гг. на 12,6 %, а в ОПХ «1-е Мая» — на 8,4 %. Согласно динамическому ряду происходило ежегодное увеличение урожайности на 60 кг/га. Коэффициент ее устойчивости составил 0,64 — 0,66.

В связи с повышенным спросом на зерно ячменя площади под ним в 1991 — 1999 гг. по сравнению с предыдущим десятилетием возросли. В 1980 — 1990 гг. ячмень занимал 22,0 — 24,2 % от площади зерновых и зернобобовых культур и 21,7 — 29,9 % от валового сбора, в 1991 — 1999 гг. эти цифры соответственно составили 35,8 — 40,5 и 36,9 — 41,4 %. Аналитическое выравнивание динамического ряда урожайности свидетельствует, что в среднем за год снижение урожайности составляет 38 — 45 кг/га.

За годы исследований уменьшились площади и валовые сборы озимой ржи, овса, зернобобовых и крупяных культур.

Экономическая эффективность производства семян высших репродукций различных культур оказалась неодинаковой. Наименьшая себестоимость характерна для озимых культур, а наибольшая — для зернобобовых. Повышение себестоимости продукции в 1995 — 1999 гг. связано в основном с ростом цен на промышленную продукцию, поставляемую сельскому хозяйству, топливосмазочные материалы, удобрения, с низкими ценами на производимые семена. В опытно-производственных хозяйствах по сравнению со средними республиканскими себестоимость зерна в 1,5 — 1,6 раза выше, что связано с дополнительными затратами при производстве семян высших репродукций.

В структуре затрат доля удобрений была наибольшей в 1983 — 1990 гг. и составляла от 13,9 до 20,3 % от всех затрат. В 1991 г. они снизились до 9,2 %, а в 1992 — 1995 гг. — до 1,5 %. Начиная с 1996 г. затраты на приобретение и внесение удобрений стали увеличиваться и в 1998 — 1999 гг. составили 25,6 — 29,7 %.

Затраты на содержание основных средств в 1980 г. занимали 3,9 % от всех затрат. В 1981 — 1989 гг. происходило интенсивное обновление основных фондов хозяйства и затраты на их содержание составили от 7,5 до 15,9 %. В 1994 — 1998 гг. они достигли 30,8 %.

Себестоимость зерна находится в линейной зависимости от величины основных средств ($r = 0,865$). Уравнение регрессии значимо ($F_{расч} > F_{табл}$) и имеет следующий вид:

$$y = 4,01 + 0,056\ 16x,$$

где y — себестоимость 100 кг зерна, руб.; x — основные фонды, тыс. руб. на 100 га пашни.

Связь между себестоимостью и количеством вносимых минеральных удобрений значима ($F_{расч} > F_{табл}$) и описывается квадратным уравнением

$$y = -0,033\ 53 + 0,087\ 61x - 0,000\ 081\ 08x^2,$$

где y — себестоимость 100 кг зерна, руб.; x — количество вносимых минеральных удобрений, кг д. в. на 1 га.

Влияние энергообеспеченности на величину себестоимости описывается квадратным уравнением. С увеличением энергетических мощностей с 189 до 211 кВт на 100 га сельскохозяйственных угодий себестоимость снижалась, а с их дальнейшим повышением возрастала. Зависимость между себестоимостью и энергообеспеченностью значима ($F_{расч} > F_{табл}$) и описывается уравнением

$$y = 494,55 - 1,65x + 0,001\ 496x^2,$$

где y — себестоимость 100 кг зерна, руб.; x — энерегетические мощности, кВт на 100 га сельскохозяйственных угодий.

Среди показателей эффективности производства семян особое значение имеет выход валовой продукции в расчете на 1 руб. основных производственных фондов. В начале 1980-х гг. происходило быстрое нарастание основных фондов, особенно в ОПХ «1-е Мая». Рост их опережал увеличение выхода семян.

До 1990-х гг. фондоотдача возрастала. Причем в ОПХ «1-е Мая» использование основных средств было более эффективным. На 1 руб. основных средств получали от 5 до 20 коп. В ОПХ «Ялга» эффективность основных средств была в 2 раза ниже.

Выход валовой продукции на 1 чел., работающего в сельском хозяйстве, возра-

стал вплоть до 1990 г. В ОПХ «Ялга» он увеличился в 1980 – 1989 гг. в 2,5, а в ОПХ «1-е Мая» — в 2,8 рала. С 1991 г. он стал медленно, но неуклонно снижаться. В 1999 г. выход валовой продукции по сравнению с 1998 г. возрос в ОПХ «Ялга» на 15,7 %, в ОПХ «1-е Мая» — на 26,0 %.

Одна из причин падения производства семян высших репродукций — несовершенство ценообразования. Согласно постановлению Правительства Республики Мордовия от 18 января 2001 г. (№ 18) предусмотрены дотации на элитные семена — 2 тыс. руб. за 1 т. Но при такой «уравниловке» не учитываются трудоемкость производства и ценность отдельных культур, особенно по содержанию белка. Для стимулирования производства семян высших репродукций предложен новый способ расчета дотаций (за произведенные семена), который позволит создать экономический стимул для производства семян продовольственных, зернобобовых и крупяных культур, учесть их продовольственную ценность и произведенные семеноводческим хозяйством затраты.

Реформирование традиционных организационно-экономических структур, смена экономических ориентиров, нарушение хозяйственных связей и экономического механизма привели структуру управления семеноводством республики к кризису. Субъекты семеноводства и государственные организации разобщены. Для стабилизации обстановки на рынке семян необходимо создать организационно-экономический механизм, регулирующий устойчивость развития производства семян высших репродукций.

С целью стабилизации обстановки на рынке семян и совершенствования хозяйственного управления считаем целесообразным создать принципиально новую организационно-экономическую модель семеноводства — научно-производственную структуру ассоциация «Элитные семена Мордовии». Это позволит улучшить качество получаемых семян; оптимизировать управление, регулирование и стимулирование экономических отношений между субъектами семеноводства, входящими в объединение; без посредников получать и распределять финансовые и материально-технические ресурсы на производство высококачественных семян; разрабатывать и внедрять высокоэффективные технологии производства, подготовки, хранения семян; добиться справедливого распределения прибыли между субъектами семеноводства в соответствии с объемом затраченных ресурсов и труда.

Наши предложения по созданию организационно-методической модели производства семян высших репродукций позволяют увязать в единый комплекс производство, заготовку, сортировку, сушку, хранение, реализацию семян высокого качества, исключив посредников.

Устойчивость производства семян высших репродукций можно в значительной мере повысить за счет внедрения современных технологий. Наши расчеты свидетельствуют, что при размещении яровой пшеницы в севообороте с кострецом по сравнению с люцерной себестоимость 100 кг зерна снизилась на 6,6 %, а прибыль возросла на 72,9 %.

Эффективным приемом управления качеством производства семян является внесение удобрений. Уравнение регрессии между валовым сбором зерна в ОПХ «1-е Мая» и количеством вносимых органических удобрений значимо ($r = 0,48$) и имеет вид:

$$y = 5\ 061,6 + 364,2x + 21,03x^2$$

где y — валовой сбор зерна, т; x — доза органических удобрений, т/га.

Уравнение регрессии между валовым сбором зерна и дозами минеральных удобрений значимо ($r = 0,7$) и имеет вид:

$$y = 3\ 585 + 22,09x - 0,028\ 9x^2,$$

где y — валовой сбор зерна, т; x — доза минеральных удобрений, кг д. в. на 1 га.

С целью повышения экономической эффективности производства семян высших репродукций нами предложен новый способ расчета оптимальных доз минеральных удобрений с использованием статистических программ. Это позволит снизить затраты при производстве семян высоких репродукций.

Следовательно, кризисная ситуация в производстве зерна вызвана не только дефицитом ресурсов, но и существенным ухудшением качества используемых в

республике семян. Рынок семян в РМ характеризуется крайне низким уровнем развития. В рыночных условиях существующая схема семеноводства оказалась неустойчивой. Отдельные ее звенья экономически и организационно разобщены, что привело к резкому снижению производства и реализации элитных семян в Мордовии. Реформирование традиционных организационно-экономических структур, нарушение хозяйственных связей и экономического механизма привели структуру управления семеноводством республики к кризису, к снижению разумного государственного управленческого воздействия на сортосмену и сортообновление.

Учитывая вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

1. На основе анализа состояния семеноводства в опытно-производственных хозяйствах Мордовского НИИСХ выявлены эффективность использования агроклиматических факторов, ресурсного потенциала и на этой основе предложен механизм регулирования производства семян высших репродукций, включающий:

— новый способ расчета структуры зерновых культур, которая обеспечивает получение семян по ассортименту и качеству в соответствии с планом сортообновления;

— усовершенствованный способ расчета оптимальных доз удобрений, с учетом окультуренности почвы, предшественников, что позволяет снизить затраты на производство семян высших репродукций;

— расчет дотаций с использованием коэффициентов, учитывающих произведенные затраты и содержание белка в семенах.

2. Совершенствование организационно-экономической структуры семеноводства путем создания ассоциации с включением в нее Мордовского НИИСХ, его опытно-производственных хозяйств, учхоза Мордовского университета им. Н. П. Огарева, Республиканской семенной станции и сети районных семеноводческих хозяйств позволит учитывать интересы всех членов данной ассоциации. В условиях развития рыночных отношений такая некоммерческая организация является наиболее гибкой и приемлемой формой научно-производственного кооперирования.

3. Предлагаемая модель семеноводства экономически выгодна. По сравнению с существующей она позволяет в первичном, элитном и репродукционном семеноводстве получать дополнительно 3 309,4 тыс. руб. в год за счет более рационального перераспределения государственных дотаций. За счет внедрения предлагаемой модели можно дополнительно получать ежегодно 71 тыс. т зерна на сумму 208 млн руб.

Поступила 21.09.01.

ЦЕНОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ МОЛОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Л. И. ЗИНИНА, кандидат экономических наук

Под *стабильным молочно-продуктовым рынком*, по нашему мнению, надо понимать *рынок, где колебания рыночных цен со временем снижаются независимо от общей тенденции развития цен*, а под *регулированием — поддержание ценовых изменений в разумных (узких) пределах*. Последнее не означает контроль или прямое управление ценовым развитием. В молочном подкомплексе действие

© Л. И. Зинина, 2001

ряда факторов (высокая степень монополизма и инфляционных процессов, эластичность спроса на продукцию и др.) приводит к неполному соответствию спроса и предложения (проявляющемуся скорее как тенденция даже в странах со стабильным рыночным механизмом), а следовательно, к разбалансированности и неравномерности цен: они не могут выражать общественно необходимые затраты на производство продукта.

В связи с этим в качестве концептуальной основы ценовых отношений в подкомплексе должны быть признаны:

а) действие принципа свободного ценообразования с ориентацией на уровень платежеспособного спроса и обеспечение доступности социально значимых видов молочных продуктов для всех слоев населения;

б) применение механизма регулирования цен предложения, государственное регулирование цен и доходов товаропроизводителей, поддержание их равновесного состояния;

в) стимулирование достижения главных целевых индикаторов развития подкомплекса — уровня продуктивности, классности, породности молочного стада, интенсивности ведения молочного хозяйства и его специализации (организация специализированных хозяйств в молочно-сырьевых зонах), качества (повышенные жиро- и белковомолочность, содержание сухого остатка) и экологичности продукции путем введения повышающего (понижающего) коэффициента к базисному уровню цен;

г) совершенствование и упорядочение ценовых отношений между производством и переработкой молока и молокопродуктов в рамках всех организационных форм хозяйствования с целью обеспечения эффективности обменных товарно-денежных процессов на молочно-продуктовом рынке.

Содержанием концепции формирования ценового механизма и ценовых отношений в молочном подкомплексе должно являться следующее.

1. Построение системы цен на продукцию всех сфер подкомплекса на единой методологической основе для осуществления ценового паритета, межотраслевого эквивалентного обмена, устойчивости и равновыгодных условий расширенного воспроизводства на стадиях производства конечного продукта.

2. Создание системы цен в зависимости от каналов сбыта продукции (свободные рыночные, закупочные (гарантированные, целевые, залоговые), биржевые и т. д.).

3. Повышение экономической обоснованности всех видов цен и их стимулирующей роли в развитии молочного производства, обеспечении высоких потребительских свойств и уровня конкурентоспособности продукции.

4. Формирование оптимальных ценообразующих факторов при производстве молока и молокопродуктов (издержки производства, качество сырья и готовой продукции, спрос и предложение, емкость рынка, степень конкуренции, состояние и взаимовлияние внутренней и внешней торговли, уровень инфляции, государственное регулирование и протекционизм, транспортные издержки, пределы доходности (рентабельности) товаропроизводителей).

5. Построение ценовых межотраслевых соотношений и регулирование видов цен в подкомплексе в зависимости от цены на конечную продукцию, выражающую как общественно необходимые затраты труда на производство последней, так и влияние конъюнктурных колебаний спроса и предложения. По мере совершенствования рыночной инфраструктуры и устранения отраслевых и межотраслевых диспропорций, достижения эквивалентности обмена в подкомплексе большая часть продукции должна реализоваться преимущественно по свободным рыночным ценам.

Особую значимость приобретает *механизм формирования цен на молочные продукты, закупаемые для создания государственных продовольственных фондов*, поддерживающих рентабельное ведение производства. Он должен включать: а) закупочные цены, устанавливаемые для закупок продукции в федеральный и региональные фонды; б) надбавки к ним за высококачественную и экологически чистую продукцию, сдачу ее сверх нормы (на региональном уровне надбавки могут быть дифференцированы); в) залоговые цены для осуществления залоговых операций и

формирования резервных фондов продукции; г) целевые цены (либо надбавки до целевой цены) в условиях, когда рыночные цены опускаются ниже прожиточного минимума сельхозпроизводителей. Государство приобретает данную продукцию по целевым ценам или доплачивает товаропроизводителям разницу между целевой и реализационной ценой.

При установлении гарантированных закупочных цен, ставок при залоге сырья и продовольствия, расчете дотаций и компенсаций товаропроизводителям следует исходить из целевых цен (нормативных индикаторов), представляющих собой верхний предел гарантированной закупочной цены. Гарантированную целевую цену на молоко и молокопродукты должны составлять нормативные издержки по всему производственному циклу получения конечной продукции (производство, переработка, реализация), отражающие динамику цен на ресурсы, кредитно-налоговую ситуацию, сложившийся уровень заработной платы, и достаточную для расширенного воспроизводства прибыль. Данная цена устанавливается на следующей методической основе: 1) с учетом состояния производства, демографических, климатических и других особенностей региона; 2) на уровне, обеспечивающем покрытие издержек и 30 — 50 % прибыли для производителей молока (первый вариант) либо возмещение издержек с использованием корректирующих коэффициентов по производственным результатам (второй вариант); 3) с текущими издержками на единицу товарной продукции в качестве затратной базы цены (для оптовых цен — издержками на переработку продукции, розничных — издержками обращения). Нормативы текущих издержек могут быть приняты на фактическом уровне за определенный период времени или найдены расчетным путем.

Если рыночная цена окажется меньше целевой, товаропроизводители должны получать разницу между целевой и фактической ценой реализации. Следовательно, гарантированная целевая цена играет роль стимула и ориентира при осуществлении расчетных операций: с одной стороны, она доводит доходы товаропроизводителей до экономически обоснованных размеров, стимулирует интенсивность производства, а с другой — выполняет социальную функцию, защищая потребителя от высокого уровня цен.

Нижний предел гарантированных цен — залоговые цены, обеспечивающие простое воспроизводство, целесообразны при заключении контрактов под будущую продукцию, что позволит иметь уверенность в реализации произведенной продукции, сократить использование кредитов и улучшить финансирование производства.

Проведение государственных закупочных и залоговых операций должно способствовать: а) поддержке доходов товаропроизводителей; б) формированию федеральных и региональных продовольственных ресурсов; в) регулированию рынка, предполагающему закупку при неблагоприятной конъюнктуре части продукции по ценам выше рыночного уровня и создание резервных ее запасов, а при росте цен и дефиците продукции — сокращение объемов залоговых и закупочных операций, товарные интервенции из резервов по более низким ценам (т. е. увеличение предложения и уменьшение цен).

При этом требуется периодический (ежемесячный и годовой) анализ сложившегося и прогнозного уровня индекса цен в сферах подкомплекса (промышленности и сельского хозяйства) для поддержки ценового паритета и предупреждения подъема цен на средства производства (усиление контроля за издержками производства в фондопроизводящих отраслях, введение предельных цен на промышленные товары производственного назначения, а также налоговых льгот и ценовых скидок на сырье для производства материально-технических ресурсов).

Гарантированные цены необходимо индексировать в соответствии с индексом инфляции, чтобы стабилизировать покупательную способность, денежные доходы товаропроизводителей (с помощью средств федерального бюджета). Кроме того, чтобы преодолеть сезонность в производстве молока и молочных продуктов, добиться равномерного поступления их на потребительский рынок, нужно гарантированные и рыночные цены на сырье варьировать по месяцам хозяйственного года: их уровень должен быть несколько больше в

осенне-зимний период и ниже — в весенне-летний.

Значительная зависимость качества названных продуктов от качества исходного сырья требует дифференцировать все виды цен на молоко (гарантированные, рыночные, биржевые и т. д.) в соответствии с его потребительскими свойствами и назначением. Это касается и государственных закупочных цен, учитывающих качество, биологическую ценность конечного продукта, его потребительские свойства и назначение.

Мы считаем, что существенной проблемой отечественного молочно-продуктового рынка является *необходимость дифференциации цен на главные продукты питания согласно их пищевой и биологической ценности.*

Нетрудно заметить, что из-за разобщенности интересов разных сфер, несовпадения критериев оценки молока и молочных продуктов на разных стадиях производства, транспортировки, переработки и доставки в торговую сеть только молочный жир включается достаточно полно в конечный продукт.

По нашему мнению, надо решать вопросы постепенного перехода на оплату молока по содержанию белка, сухого обезжиренного молочного остатка (СОМО) исходя из того, что ведущими параметрами его качества выступают не только содержание жира, но и белковомолочность, биологическая полноценность, экологическая чистота. Целесообразность учета сухих веществ молока, в первую очередь белка, подтверждается опытом зарубежных стран (США, Нидерландов, ФРГ, Италии, Великобритании) и современной концепцией сбалансированного питания, а также технологией производства продуктов из восстановленного молока. Можно предложить следующие принципы оплаты за молоко:

— дополнительную оплату за каждые 0,1 % белка или СОМО при превышении базисных показателей (для белка — 3,2 %, для СОМО — 8,6 — 9,0 %);

— снижение оплаты за каждые 0,1 % белка, начиная с 2,9 %, и за 0,1 % СОМО, начиная с 8,3 %;

— материальное поощрение хозяйств, в которых экологическая чистота и содержание белка молока улучшены по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года;

— оплату молока по конечному продукту, т. е. количеству продукта, выработанного из 1 т молока.

Вследствие усложняющейся экологической ситуации необходимо *создание общегосударственной системы контроля и управления качеством молочного сырья и молокопродуктов на всех этапах технологического комплекса «поле — ферма — завод — потребитель».* Это тем более актуально в связи с предстоящим вступлением России во Всемирную торговую организацию.

Таким образом, нужна разработка единой системы комплексной количественной и качественной оценки молочных ресурсов на базе их действительной питательной ценности и экологической чистоты. Ее можно осуществлять с помощью автоматизированных приборов для определения белковомолочности и комплексных анализаторов состава молока. Хотя детализация показателей качества усложняет расчеты предприятий молочной промышленности с поставщиками молока, современные уровень экономики и требования потребителя обусловливают необходимость полной информации о его потребительских свойствах при формировании системы цен.

Опыт хозяйств свидетельствует, что наряду с подъемом удоев до 4 000 — 5 000 кг можно добиться роста рентабельности на 15 — 20 % при получении молока повышенной сортности. Закупочные цены по сортам, надбавки к базисной цене могут устанавливаться самими молочными заводами, приемочные цены, зависящие от способов и сроков оплаты сырья, определяться в контрактах вместе с качественными параметрами.

Однако молочная промышленность, приобретая сырье по строго дифференцированным ценам, часто при дальнейшей переработке оставляет без внимания его сортность, включая ее в себестоимость конечной продукции по единой цене. При этом теряются стимулы эффективной переработки высококачественного сырья. На наш взгляд, качество молока должно отражаться в себестоимости конечной про-

лукции, входить в нее в виде дифференцированных цен. Это же должно выполняться и при установлении розничных цен.

Таким образом, совершенствование системы цен при ее ориентации на усиление требований к качеству закупаемого сырья должно быть направлено: а) на увеличение выхода конечной пищевой продукции из единицы сырья, снижение потерь биологических веществ, содержащихся в молочной продукции; б) производство экологически чистых молочных продуктов; в) эффективное использование высококачественного сырья. Ценовой механизм надо формировать с учетом приведенной оценки эффективности работы молочного подкомплекса и его сфер по уровню использования биологически ценных ингредиентов молока. Данный подход целесообразен в практике функционирования предпринимательских субъектов подкомплекса, особенно молочных ассоциаций, кооперативов и др.

Вместе с тем ценовой механизм должен быть ориентирован на *мотивацию* отдельных *направлений и производств, имеющих стратегическое значение* для организационно-экономического развития молочного производства и подкомплекса. Гарантированные целевые цены могут устанавливаться на основе покрытия издержек и применения повышающих коэффициентов за достижение хороших производственных результатов. В отличие от схемы «издержки + прибыль» (30 — 50 %) он более обоснован и имеет стимулирующий характер.

Исходя из предложенного подхода к ценовому стимулированию организационно-экономических параметров развития молочного производства, в сырьевых зонах следует упорядочить и поставить на объективную базу субсидирование производства: выплата надбавок (дотаций) должна быть связана с конкретными позитивными результатами и предоставляться хозяйствам с высокой отдачей вкладываемых средств, чтобы не приводить к увеличению затрат на производство единицы продукции вне зависимости от результатов. Механизм расчета нужно строить на системе прогрессивно возрастающих ставок по итогам предыдущего периода и главных критериях селективной поддержки: эффективному «порогу» продуктивности стада, рациональности использования ресурсного потенциала, уровню рентабельности, объемам реализации, качества продукции и т. д.

Схема мотивации может быть ориентировочной или скорректированной в соответствии с конкретными условиями предприятий, потребностями производства и финансовыми возможностями при организации закупок молока и молокопродуктов.

Мы считаем, что применение механизма гарантированных целевых цен, т. е. формирование их с учетом повышающих коэффициентов, имеет особую значимость для стимулирования улучшения продуктивности дойного стада и интенсивности молочного производства, а в конечном счете для роста предложения товарно-сырьевых ресурсов и расширения емкости молочно-продуктового рынка.

Возможен и другой вариант — введение прямого дотирования (субсидирования) ведущих направлений развития молочного производства либо гарантированных целевых цен (с повышающими коэффициентами) в рамках установленной для каждого региона квоты на объемы реализации молока (при жестких требованиях к его качеству). При этом обеспечиваются стабильные цены, позволяющие товаропроизводителям получать прибыль хотя бы в пределах квоты. Данный вариант целесообразен и реален при дефиците финансовых и товарно-сырьевых ресурсов.

Рассмотренные схемы ценовых отношений, а в сущности ценового стимулирования молочного производства, необходимы для: а) стабилизации и последующего увеличения интенсивности молочного производства в традиционных хозяйствах, мотивации его развития в специализированных предприятиях (при уровне среднегодовой продуктивности не менее 3 000 кг) и молочных ассоциациях; б) формирования интенсивных молочно-сырьевых зон (обеспечения достаточных объемов производства для загрузки перерабатывающих предприятий); в) удовлетворения потребительских нужд региона, усиления межрегионального обмена молокопродуктами.

Для осуществления мероприятий по *экономическому стимулированию и регулированию молочного производства* должна расширяться система ценового мониторинга в подкомплексе. При отслеживании ценовых показателей для соблюдения принципов эквивалентности обмена рекомендуется использование специального коэффициента паритетности цен, отражающего соотношение оптовых и закупочных цен на продукцию.

Для установления реального уровня ценового паритета необходимо обосновать нормативные уровни рентабельности перерабатывающих и сельскохозяйственных предприятий в условиях как простого воспроизводства (рентабельность самообеспечения), так и расширенного (рентабельность самофинансирования). В основу должны быть положены анализ структуры затрат в технологической цепочке и прогнозирование производственно-финансовых результатов в ее звеньях (предприятиях) с учетом их резервов снижения себестоимости производства. Значение коэффициента паритетности цен, как показывают расчеты, может изменяться в сырьевых зонах от 1,2 до 1,9. Его диспаритет, как правило, отражает убыточность производства молока в сельхозпредприятиях при положительном уровне рентабельности перерабатывающих предприятий.

В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно определять предельный размер посреднических (торговых) надбавок к закупочной и оптовой ценам по видам конечной продукции. Это позволит сократить количество посредников, будет способствовать выравниванию доходности сфер производства, переработки и реализации продукции, росту объема продаж и потребительского спроса. Кроме того, возможно и исчисление коэффициентов — соотношений цен на сырое молоко и готовую продукцию молокозаводов.

Несомненно, действенным фактором преодоления кризиса в подкомплексе должно стать экономическое стимулирование производства товарной продукции. Чтобы при имеющихся сырьевых ресурсах увеличить выпуск пищевой продукции, нужно предусмотреть ряд мер:

а) изменить ассортимент молочных продуктов, расширив выпуск нежирной и маложирной продукции с применением зерновых, овощных и фруктовых добавок;

б) для усиления заинтересованности предприятий в более рациональном использовании вторичного молочного сырья установить цены на обезжиренное молоко и сыворотку в соответствии с их питательной и биологической ценностью, т. е. в размере 50 и 20 % стоимости цельного молока, не облагать налогом на прибыль товарную продукцию, получаемую из белково-углеводного сырья (обезжиренное молоко, пахта, сыворотка);

в) освободить предприятия молочной промышленности от уплаты в бюджет налога на прибыль от выпуска продукции сверх уровня соответствующего периода прошлого года; отменить налогообложение прибыли предприятий, поставляющих продукцию в федеральный фонд (с направлением высвобожденных средств на нужды предприятия);

г) отменить (или снизить) для производителей цельномолочной продукции налог на добавленную стоимость, что явится важным резервом уменьшения розничных цен на нее и активизирует спрос;

д) ввести специальный налог на увеличение розничных цен сверх определенного уровня (зачисляя данные суммы в местный бюджет и направляя в первую очередь на помощь остронуждающимся); повышение цен на готовую продукцию допустимо только в меру увеличения реальных затрат на молочное производство;

е) в целях ограничения роста цен проводить их регулирование по регионам; розничные цены на продукцию высокого качества (масло вологодское, 6% цельное молоко и др.) следует оставить свободными и индексировать закупочные цены на сырье в соответствии с подъемом цен на эту продукцию;

ж) осуществлять поддержку предприятий путем льготного (избирательного) кредитования, наделения дополнительными оборотными средствами под увеличение выпуска социально значимой продукции.

Следовательно, основной механизм муж-

но формировать таким образом, чтобы стимулировались стратегические направления развития молочного производства, поощрялись эффективность работы сфер подкомплекса в области использования биологически ценных ингредиентов, его организационно-экономическое совершенствование и выполнение целевых задач.

Обобщая изложенное, отметим, что достижение требуемой результативности исследуемого интегрированного производства возможно лишь при комплексном воздействии ценовых и кредитно-финансовых инструментов-регуляторов, государственном протекционизме, повышении платежеспособного уровня и потребительского спроса населения, т. е. системном экономическом механизме мотивации и регулирования хозяйственной деятельности и социальной сферы. Особую роль должны сыграть обоснование и реализация собственной рыночной стратегии экономических субъектов молочно-продуктового рынка.

Поступила 08.10.01.

ИНТЕГРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА, ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

И. И. ВЕЧКАПОВ, кандидат экономических наук

Внешним фактором возрастания роли субъекта трудовых отношений является переход к рыночным отношениям. Цивилизованный рынок в системе приоритетов отдает предпочтение продуктам интеллектуального труда. При этом имущественные отношения занимают важное, но подчиненное место. Поэтому развитые страны увеличивают вложения в человека. Прилив инвестиций в «человеческий» капитал направлен на поддержание высокого жизненного стандарта и освобождение творческого потенциала людей. При этом необходимо иметь в виду, что инвестиции в человека, т. е. в его здоровье, квалификацию, культуру, становятся самыми эффективными с экономической и социальной точек зрения.

Поэтому в условиях перехода к рыночной экономике специального исследования требует проблема опережающего обучения на основе интеграции производства, образования и науки. Отметим лишь отдельные ее ключевые моменты. Перестройка хозяйственной и социальной структуры села, оптимизация отраслевых пропорций в процессе интенсификации требуют высокой профессиональной, квалификационной, отраслевой, территориальной мобильности работников, универсализма их знаний.

Одной из важнейших предпосылок гибкости трудового потенциала является интеграция производства и образования (в структуре рабочего времени, когда образование превращается в органический компонент трудовой жизнедеятельности, а также в структуре свободного времени). Отставание знаний о передовых технологиях, формах организации труда от их внедрения неизбежно приходит в противоречие с внутренней мотивацией трудового поведения, порождая информационное, техническое и другие виды отчуждения. Инерционность в отношении к обновлению знаний осложняет процесс профессиональной адаптации работника к прогрессивным технологиям, передовым формам организации труда и производства. Эффективное решение этой задачи пред-

© И. И. Вечкапов, 2001

полагает многообразие форм: создание учебно-научно-производственных объединений, формирование региональных центров подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, сохранение профессионального обучения на базе хозяйств, развитие кабельного телевидения, использование ЭВМ для учебных целей и т. д.

Переход к рыночным условиям хозяйствования, формирование аграрного рынка труда требуют коренной перестройки всей системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров АПК. Анализ обеспеченности сельскохозяйственного производства Республики Мордовия рабочей силой и состояния ее естественного и экономического воспроизводства показывают, что имеющийся кадровый потенциал и существующая система организаций АПК и учреждений по специальной профессиональной ориентации, подготовке, переподготовке и повышению квалификации кадров уже не отвечают требованиям современного сельскохозяйственного производства и новым экономическим условиям хозяйствования. Агропромышленное производство вступает в рыночные отношениях с большим дефицитом рабочей силы, сложной социально-демографической ситуацией на селе и недостаточным уровнем квалификации рабочих кадров.

К существующим негативным демографическим процессам на селе добавились новые тенденции: в результате падения жизненного уровня и дестабилизации экономики и производства резко снижается рождаемость на селе и увеличивается смертность населения. По данным Госкомстата Республики Мордовия, в 2000 г., например, в сельской местности родилось 2 803 человека, а умерло 7 707. При этом смертность населения в трудоспособном возрасте составляет около 19 % от общего числа умерших, причем у мужчин она более чем в 6 раз выше, чем у женщин.

Неблагоприятные демографические процессы в последние годы заметно расширились, захватывая в прошлом относительно благополучные районы. Миграция в последние годы не способствовала пополнению численности жителей. В миграционном обмене со странами СНГ число прибывших в Мордовию значительно превышает число выбывших в эти государства, но из республики постоянно идет отток жителей в основном в центральные области страны и Москву.

По данным Министерства труда и занятости населения Республики Мордовия, при сохранении существующих темпов ухудшения демографической обстановки сельское хозяйство в перспективе будет испытывать еще больший дефицит рабочей силы. Следовательно, в новой ситуации социальный (человеческий) фактор должен быть доминирующим, так как, несмотря на определенные капитальные вложения, сельское хозяйство республики при обезлюдевшей деревне продолжает деградировать. Рассчитывать на приток рабочей силы из городов в сельскохозяйственное производство не приходится из-за существующего многократного разрыва в уровне социальных и культурно-бытовых условий города и села. Кроме того, надежды на пополнение недостающих ресурсов труда за счет переселенцев, беженцев, военнослужащих, уволенных в запас, на наш взгляд, также не оправдаются. Дело осложняется отсутствием необходимой профессиональной подготовки большинства работников, территориальным дисбалансом (переселяются в основном жители трудоизбыточных районов), большими материальными и финансовыми затратами на социальное обустройство переселенцев.

Определенную роль в стабилизации положения с трудовыми ресурсами может сыграть процесс ослабления миграционного оттока сельской молодежи в города и крупные районные центры в связи с предстоящим увеличением в них численности безработных в результате спада производства. Заметные структурные изменения в занятости могут произойти только на базе технического перевооружения производства и роста производительности труда, привлечения капитала из других отраслей народного хозяйства.

Относительно определенных сдвигов в профессионально-квалификационном составе рабочих кадров АПК можно предположить заметное увеличение доли работников высокой квалификации как широкого, так и узкого профиля, привлекаемых арендными, кооперативными, акци-

операми и другими предприятиями, образующимися в результате реформирования колхозов и совхозов. При этом необходимо учитывать возможность роста в перспективе количества крестьян-универсалов, арендаторов, которые будут способны самостоятельно производить продукты земледелия и животноводства.

Развитие и совершенствование рыночных отношений в аграрном секторе экономики предполагает коренное изменение производственных функций специалистов и потребности в них. При этом определенная часть специалистов с высшим и средним специальным образованием переквалифицируется в фермеров, арендаторов, предпринимателей. Изменятся также требования к специальной и профессиональной подготовке сельскохозяйственных кадров всех уровней.

По данным Министерства сельского хозяйства и продовольствия РМ и наших исследований, на 1 января 2001 г. обеспеченность кадрами механизаторов, имеющих специальную подготовку и классность (I и II), составляла лишь 63,8 %, доярок — 53,9, скотников — 22,1, телятниц — 28,1, свинарок — 23,6, слесарей-наладчиков — 3,9 %. В агропромышленном производстве Республики Мордовия лишь 62,6 % работников сельского хозяйства имеют базовое профессиональное образование, включая специалистов, окончивших сельские профессиональные технические училища, остальные 37,4 % — это кадры, подготовленные на краткосрочных курсах, и работники, не имеющие никакой подготовки. Крайне низка доля квалифицированных кадров животноводов (28,5 %).

Без достаточного обеспечения агропромышленного производства технически грамотными, теоретически подготовленными, квалифицированными рабочими невозможно эффективно использовать дорогостоящие машины, механизмы и оборудование, рационально организовать содержание животных. Эта проблема актуальна, и ее решение возможно лишь при повышении общеобразовательного и квалификационного уровня кадров.

Следует, на наш взгляд, отметить и то, что в отраслях АПК ежегодно ухудшается возрастной состав работников. Так, например, если в 1991 г. в сельском хозяйстве доля лиц старше 50 лет составляла 20,3 %, то в настоящее время достигла 59,1 %, а удельный вес молодых (до 30 лет) сократился с 34,3 до 14,6 %.

В коренной перестройке и совершенствовании нуждается система специальной и профессиональной подготовки работников (сельскохозяйственные вузы, техникумы, сельские профессионально-технические училища, курсовая подготовка и др.). Существующие методы и формы обучения, структура подготовки в разрезе специальностей и профессий, материально-технической базы учебных заведений не соответствуют тем требованиям, которые предъявляет жизнь.

Подготовка квалифицированных рабочих кадров осуществляется в основном на экстенсивной основе и ориентирована на увеличение объемов выпуска в ущерб качеству. Так, например, сельские профессионально-технические училища выпускают в основном работников с узкой специализацией, слабо адаптированных к будущей профессии (работе), с низким уровнем знаний по экономике, организации и управлению агропромышленным производством, экологической безопасности.

Недостаточное обеспечение сельского хозяйства квалифицированными кадрами, нерациональное их использование и низкий уровень образования занятых сдерживают переход его на интенсивный путь развития. Поэтому, на наш взгляд, необходим более высокий уровень воспитания и обучения кадров массовых профессий, который должен основываться на следующих принципах.

1. Единство системы образования и перспективность всех ее звеньев, которые обеспечат беспрепятственный переход от низших ступеней к высшим.

2. Создание многообразия типов и форм получения образования с дифференциацией по профилю и квалификации.

3. Соединение системы образования с главными процессами развития науки, производством, всей общественной и государственной жизнью.

4. Соединение обучения в любом звене образования с производительным трудом.

Переход на новый уровень подготовки высококвалифицированных кадров дол-

жен предусматривать модернизацию технологии обучения, пересмотр требований к педагогическим кадрам, проведение организационной реформы системы образования, особенно школьного и профессионально-технического, существенное улучшение ресурсного обеспечения.

Некоторые важные положения совершенствования системы профессионально-технического образования, на наш взгляд, сводятся к следующему.

1. Необходимо осуществлять планомерный переход к непрерывному образованию на основе усиления единства дошкольного, школьного, профессионального и производственного обучения, что создает предпосылки для кардинального повышения качества подготовки к труду.

2. Дальнейшее развитие профессионального образования должно предусматривать его преемственность в рамках непрерывного образования, демократизацию (расширение прав, ответственности и сотрудничества учащегося и педагога), гуманизацию, многовариантность и гибкость форм и сроков подготовки, децентрализацию ряда функций управления, опережающее развитие профтехобразования и частичное самофинансирование сельских профессионально-технических училищ.

3. Управление подготовкой, переподготовкой и повышением квалификации кадров массовых профессий для аграрного сектора экономики необходимо осуществлять методами целевого комплексного программирования с разработкой программ «Квалифицированные кадры — агропромышленное производство» с учетом демографических, религиозных, национальных особенностей и традиций.

4. Потребность в рабочих кадрах должна определяться предприятиями на научной нормативной основе, т. е. с учетом возможного сокращения ее в условиях перехода на хозрасчетные отношения.

5. При подготовке кадров массовых профессий следует усилить экономическую подготовку, обеспечить учащихся СПТУ современной базой обучения с использованием ЭВМ и кабельного телевидения. Особое внимание должно быть уделено подготовке и повышению квалификации арендаторов и фермеров, обучению их умению решать практические задачи с учетом реальной экономической ситуации, складывающейся на рынке, а также конкретные социально-экономические задачи, изучению конкретных законодательных, правовых актов, в которых сформулированы механизмы, нормы и правила функционирования рынка.

6. В современных условиях необходимо шире практиковать активные методы обучения: семинарские занятия, практикумы, деловые игры, предметные и технические кружки, работу с тренажерами, персональными компьютерами, использование кабельного телевидения для учебных целей и т. д. Урок не должен сводится к изложению новой темы и опросу учащихся. Самостоятельность мышления и интерес к учебе повышаются, если урок посвящается заранее поставленным вопросам.

7. Учащимся, проявившим повышенный интерес к изучению того или иного предмета, должна быть предоставлена возможность изучать его углубленно.

8. Дифференциация обучения не должна осуществляться без научного прогнозирования ожидаемых последствий.

Не отвечает современным требованиям и качество подготовки кадров в системе высшего и среднего специального сельскохозяйственного образования. Агропромышленное производство нуждается в руководителях и специалистах нового типа, аграрных и промышленных менеджерах, способных не только высокоэффективно работать на государственных предприятиях, но и стать консультантами арендных коллективов, фермерских (крестьянских) хозяйств, возглавить их или трудиться в их составе. Традиционный тип узкого «кабинетного» руководителя (специалиста) со слабой экономической и правовой подготовкой, недостаточными знаниями в области управления и организации производства, экономической безопасности в условиях многоукладной экономики и резкого усложнения производственно-экономических связей сельхозпредприятий уже в ближайшей перспективе станет неконкурентоспособным на рынке труда. Поэтому совершенствование экономических отношений на предприятиях агропромышленного комплекса на этапе перехода к рынку требует высокой квалификации специалистов всех уровней управления.

Специалист, имеющий высшее образование, обязан свободно разбираться в теории, пользоваться методами исследовательской работы, хорошо знать отечественный и зарубежный опыт, владеть одним из иностранных языков и иметь навыки работы на компьютере. К сожалению, нередко приходится встречать выпускников, у которых средний бал едва превышает 3, в том числе и по специальным дисциплинам — технологии, механизации, экономике и организации производства. Думается, что такой специалист не будет востребован производством. Несоответствие системы профессиональной подготовки кадров современным требованиям производства привело к тому, что с каждым годом все явственнее проявляются технологическая неграмотность, консерватизм, дефицит экономических, правовых, социальных, экологических и других знаний у руководителей и специалистов хозяйств, рядовых работников.

Специалисту нужны сегодня не только специальные профессиональные знания, но и системное мышление, способность обоснованно и оперативно принимать решения, а также личная ответственность, коммуникабельность, культура труда и другие свойства, определяющие трудовую этику. В связи с этим изучение курса «Основы рыночной экономики» нацелено на формирование системных представлений о регулируемой рыночной экономике, ее социальной ответственности, целях, структуре и механизме функционирования. Нам представляется очень актуальным формирование навыков и умений предпринимательской деятельности, в частности в области анализа, правоведения, экономической этики, основ маркетинга, менеджмента.

Учебные программы технологических специальностей должны содержать несколько больший объем экономико-правовых дисциплин, включать психологию, производственную педагогику, вопросы социального планирования. Между тем известно, что хорошим экономистом специалист может стать лишь в том случае, если в совершенстве знает технологию и организацию производства. Поэтому при подготовке учетно-плановых работников следовало бы больше внимания уделять изучению указанных дисциплин.

Для определения уровня знаний, умений и навыков слушателей необходимо проводить контроль с использованием современных методов, включая тестирование, на основе его результатов корректировать учебные планы, определять формы индивидуальной работы со слушателями.

Одна из главных задач перестройки системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров — целенаправленное формирование работников нового типа, аграрных предпринимателей для различных уровней и сфер агропромышленного производства: фермеров, специалистов по маркетингу, коммерческой и биржевой деятельности и др.

Некоторые положительные сдвиги в этом вопросе имеются. Так, с 1997 г. в Республике Мордовия началась подготовка и переподготовка кадров для крестьянских (фермерских), арендных и других форм хозяйствования по 4 профессиям в профессионально-технических училищах, учебно-курсовых комбинатах, сельскохозяйственных техникумах, школах управления агропромышленным комплексом.

На базе отдельных сельских профтехучилищ в сельской местности создаются учебно-курсовые комбинаты — крупные учебные центры по подготовке, переподготовке и повышению квалификации рабочих кадров по интегрированным профессиям. В основу стратегии обучения в таких центрах положены принципы непрерывного циклического образования, многовариантности и гибкости организационных структур применительно к разным типам и уровням квалификации рабочих, ступенчатости в получении профессиональных знаний и умений с постепенным их усложнением и интеграцией.

Непрерывно-циклическое образование современного работника обусловливается, на наш взгляд, объективными процессами современной цивилизации: во-первых, лавинным обновлением материальной и духовной культуры под влиянием жизнедеятельности человека; во-вторых, расширением экономических, политических и культурных связей между государствами и народами; в-третьих, увеличением возможностей для широких слоев населения в по-

лучении образования более высоких ступеней; в-четвертых, развитием общегосударственных и региональных систем учебных заведений всех ступеней образования; в-пятых, вхождением в мировую образовательную систему.

Сельскохозяйственные техникумы организуют подготовку по комплексным специальностям новых кадров среднего звена (руководителей арендных коллективов, внутрихозяйственных кооперативов, экономистов, бухгалтеров и др.), в равной степени владеющих агрозоотехническими знаниями и управленческими навыками. Разрабатываются перечень новых интегрированных профессий и их квалификационные характеристики для базовой подготовки кадров.

Необходимость развития рынка услуг в сфере профессионального образования аграрных кадров требует демонополизации системы учебных заведений, которые должны быть основаны на различных формах собственности, многообразии форм и методов работы. Ожидается, что в этой связи существенные изменения претерпит система управления профессиональным сельскохозяйственным образованием.

Поступила 30.12.99.

СВЕКЛОСАХАРНЫЙ ПОДКОМПЛЕКС АПК РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С. В. ЛИТЯЙКИН, преподаватель

Как показывает опыт стран с развитой рыночной экономикой (в частности США), рынок сахара (как и любой другой продовольственный рынок) эффективно функционирует, если экономические интересы сельскохозяйственных, агросервисных, перерабатывающих и торгующих структур совпадают. Многогранность этих интересов требует установления между партнерами взаимовыгодных договорных отношений. Несмотря на конъюнктурный характер этих отношений (каждый из партнеров стремится достичь максимальных конечных результатов при минимальных затратах), именно через сочетание их экономических интересов на договорной основе достигается сбалансированность спроса и предложения на рынке сахара. При этом государство посредством гибкой системы рычагов (налоги, кредиты, программы поддержки и т. д.) эффективно регулирует эти отношения для укрепления экономики взаимодействующих отраслей и в целом национального рынка продовольствия.

Хотя такая контурная основа функционирования рынка в теоретическом плане и признается (при разной интерпретации) в России, на практике же все обстоит иначе.

Сахар является важнейшим продуктом питания для человека. Средний россиянин потребляет его около 40 кг в год. Это один из самых высоких показателей в мире. Даже сейчас, когда уровень жизни населения снизился, спрос на сахар остается на уровне 33 — 35 кг. Высокий уровень потребления этого продукта объясняется отсутствием в стране его заменителей. В Европе, например, около трети сладостей изготавливается именно с их использованием.

Однако свеклосахарное производство в стране сейчас поражено общим экономическим кризисом. Удорожание топливосмазочных материалов, техники, удобрений привело к резкому снижению посевных площадей, урожайности и производства сахарной свеклы, возросла ее себестоимость.

© С. В. Литяйкин, 2001

В последние 10 лет Россия стремительно теряла достигнутый ранее потенциал в области свеклосахарного производства. Причем раньше высокая рентабельность сахарной промышленности достигалась в основном за счет переработки свеклосырья. За последние 10 лет не введено в эксплуатацию ни одного сахарного завода. Износ основных фондов на предприятиях превышает 60 %. Значительная часть оборудования эксплуатируется свыше двадцати лет, что в два раза превышает нормативные сроки. Современному техническому уровню соответствует лишь 1/3 оборудования. Коэффициент извлечения сахара в России составляет 70 — 75 %, в то время как в западно-европейских странах — 82 — 85 %.

В 1996 — 2000 гг. производством сахарной свеклы на фабричные цели занимались более 4,7 тыс. свеклосеющих хозяйств всех форм собственности в 27 субъектах Российской Федерации.

За годы социально-экономических преобразований в России производство сахарной свеклы заметно уменьшилось, особенно начиная с 1996 г. В среднем за год в 1996 — 2000 гг. посевная площадь сахарной свеклы (фабричной) составила 902 тыс. га (в РМ — 8 тыс. га), т. е. уменьшилась по сравнению с 1991 — 1995 гг. на 370 тыс. га (в РМ — на 2,4 тыс. га) и по сравнению с 1986 — 1990 гг. — на 537 тыс. га (в РМ — на 5,6 тыс. га).

Существенным фактором снижения производства явилось и то, что в последние годы сахарная свекла на большей части площадей выращивается без применения химических средств защиты от сорняков и минеральных удобрений. Если в среднем в России за 1986 — 1990 гг. вносилось минеральных удобрений по 413 кг действующего вещества (д. в.) на 1 га, то в 1999 г. — 87 кг, что в 4 — 5 раз меньше нормы, рекомендуемой наукой. Во многих регионах минеральных удобрений вносилось еще меньше, а в большинстве хозяйств они совсем не применялись.

В Мордовии в 2000 г. удобрений было внесено в среднем 149,4 кг д. в. на 1 га посевов сахарной свеклы, или в 2,8 раза меньше нормы. По районам республики колебания также значительны. Так, если в Инсарском районе под посевы сахарной свеклы было внесено 356,7 кг д. в. на 1 га, в Атяшевском — 259, Чамзинском — 188,7, то в Ромодановском — всего 14,1 кг д. в. на 1 га.

За годы реформ материально-техническая база свекловодства значительно ухудшилась, практически не обновлялся парк свекловичных машин и к 2000 г. около 70 % специальной техники выработали свой ресурс, что не позволяло проводить работы на свекловичных плантациях в оптимальные агротехнические сроки. Это привело к неоправданным потерям урожая. В среднем он снизился на 50 %. Свеклоуборочные комплексы нового поколения купить может далеко не каждое хозяйство, а отечественные и иностранные инвесторы не рискуют вкладывать деньги в дорогостоящую технику. Очевидно, без государственной поддержки здесь не обойтись.

По данным Госкомстата РМ, на 1 января 2001 г. парк свеклоуборочной техники хозяйств Мордовии включал 123 ед. Приобретено за 2000 г. всего 4 ед., а списано 12 ед., при этом нагрузка на один свеклоуборочный комбайн составила 69 га (в 1999 г. — 72 га). Снижение нагрузки в основном произошло из-за уменьшения посевных площадей.

В результате значительно снизились урожайность и валовые сборы продукции сахарной свеклы (табл. 1). В ряде хозяйств Атяшевского, Лямбирского, Ичалковского районов урожайность составила от 40 до 60 т/га, несмотря на их тяжелое финансово-экономическое состояние и острый недостаток материально-технических ресурсов. В то же время в ряде хозяйств, как и в прошлые годы, не уделяется должного внимания этой культуре, урожайность на культурных посевах которой не превышает 7 — 10 т/га, как от дикорастущей свеклы.

На наш взгляд, основные причины сокращения посевных площадей и уменьшения валовых сборов корнеплодов сахарной свеклы кроются в отсутствии эффективного механизма экономического стимулирования свеклосеющих хозяйств, в ухудшении материально-технического оснащения свекловичного производства и отсутствии действенных мер защиты отечественного рынка сахара.

Таблица 1

Валовое производство и урожайность сахарной свеклы (фабричной, во всех категориях хозяйств)

Регион	Урожайность, т/га			Валовой сбор, тыс. т		
	1991 — 1995 (в среднем)	1999	2000	1991 — 1995 (в среднем)	1999	2000
РФ	17,9	18,3	17,4	21 660,0	15 214,0	14 040,0
Волго-Вятский район	15,4	21,1	19,3	380,1	326,9	245,5
Республика Мордовия	17,8	21,0	20,3	160,9	194,4	176,5
В том числе*:						
Ардатовский район	17,7	22,2	14,8	29,8	39,4	23,8
Атяшевский район	15,1	24,8	22,8	52,2	67,0	38,4
Ичалковский район	12,8	25,7	26,1	25,3	32,5	34,9
Лямбирский район	13,8	14,3	14,8	6,3	6,3	6,2
Ромодановский район	10,0	18,3	19,4	24,3	27,3	24,3
Чамзинский район	11,9	14,1	18,9	10,7	13,0	18,3

* Основные свеклосеющие районы РМ.

В большинстве свеклосеющих регионов администрациями и руководителями предприятий свеклосахарной отрасли была проведена значительная работа по восстановлению посевных площадей, увеличению урожайности, производства сахарной свеклы и выработки из нее сахара.

Можно с удовлетворением отметить, что в результате такой работы в 1999 г. впервые за 10 лет в стране не только было приостановлено сокращение посевных площадей, производства сахарной свеклы и сахара, но и наметился их рост. Из сахарной свеклы в 1999 г. выработано в целом по стране 1 519 тыс. т сахара, в 2000 г. — 1 569 тыс. т по сравнению с 1 272 тыс. т в 1998 г.

В Республике Мордовия посевные площади в 1999 г. по сравнению с 1998 г. были увеличены на 15 %, урожайность — на 73 %, валовой сбор — в 2 раза. Это позволило довести выработку сахара из сахарной свеклы до 19,3 тыс. т против 9,7 тыс. т, т. е. увеличить в 2 раза.

Однако начатая в 1999 г. плодотворная работа по восстановлению свеклосахарного производства в Мордовии, к сожалению, не была продолжена. Уже в 2000 г. необоснованно были сокращены посевные площади до 8,7 тыс. га (на 0,6 тыс. га), урожайность снизилась до 20,1 т/га (на 0,8 т/га), валовой сбор — до 175 тыс. т (на 19 тыс. т), что привело к уменьшению объемов производства сахара из сахарной свеклы до 16,9 тыс. т (на 2,6 тыс. т).

Сахаристость свеклы при приемке в среднем по стране в 2000 г. составила 16 %, в Мордовии — 16,6 %, при этом выход сахара на Ромодановском сахарном заводе составил 12,33 %, что превышает среднеотраслевой уровень на 0,72 %. В результате заводом недовыработано 936 т сахара, из которых 608 т — собственность свеклосеющих хозяйств. Это прежде всего связано с неоправданно большими потерями свеклы и сахара.

Ряд сахарных заводов уже накопил опыт аренды земли у свеклосеющих хозяйств. Так, площадь земель, арендуемых сахарными заводами в России, составляет в среднем от 60 до 1 000 га (Ромодановский сахарный завод арендует 500 га земель).

Следует отметить, что урожайность сахарной свеклы на арендованных землях значительно выше сложившейся среднерегиональной и в целом по отрасли. Например, в 2000 г. урожайность сахарной свеклы на площади, арендованной Ромо-

дановским сахарным заводом, составила 45 т/га, в то время как в среднем по Республике Мордовия — 20,3 т/га. В 2001 г. этот завод также арендовал землю для возделывания сахарной свеклы.

Повышение экономической эффективности АПК возможно лишь при условии рентабельного производства каждого вида сельскохозяйственной продукции (табл. 2).

Таблица 2

Уровень рентабельности (убыточности) производства сельскохозяйственной продукции в Республике Мордовия, %

Продукция	1995	1999	2000
Зерно	−15,6	22,2	63,0
Сахарная свекла (фабричная)	12,4	1,2	74,0
Картофель	1,2	28,5	36,0
Овощи (открытого грунта)	39,0	34,9	41,0
Молоко	−25,6	24,6	20,0
Мясо:			
крупного рогатого скота	−25,1	−26,0	−31,0
свиней	−34,6	−37,2	−49,0
птицы	30,7	39,2	34,0

Как видно из данных табл. 2, производство сахарной свеклы за анализируемый период в республике всегда было рентабельным по сравнению с другой сельскохозяйственной продукцией. Опыт передовых хозяйств показывает, что для осуществления расширенного воспроизводства уровень рентабельности реализуемой продукции должен быть в пределах 40 %.

Убыточное производство сельскохозяйственной продукции в большинстве сельскохозяйственных предприятий объясняется многими причинами, важнейшей из которых является высокая себестоимость производимой продукции (табл. 3).

Повышение себестоимости продукции обусловлено двумя факторами: с одной стороны, тем, что в большинстве хозяйств за эти годы оставались низкими как урожайность сельскохозяйственных культур, так и продуктивность животноводства; во-вторых, происходило ежегодное увеличение отпускных цен на материально-технические ресурсы, приобретаемые сельскохозяйственными товаропроизводителями, а закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию повышались крайне незначительно. Тем не менее себестоимость производства сахарной свеклы значительно ниже по сравнению с другой сельскохозяйственной продукцией, что еще раз говорит о выгодности возделывания данной культуры.

Таблица 3

Себестоимость производства 100 кг продукции в сельхозяйственных предприятиях Республики Мордовия, руб

Продукция	1995	1999	2000
Зерно	33	93	111
Сахарная свекла (фабричная)	14	25	35
Картофель	46	167	180
Овощи (открытого грунта)	50	153	166
Молоко	77	166	241
Прирост от откорма КРС	875	1784	2545
Прирост от откорма свиней	1428	2492	4384

Учитывая резкое сокращение объемов производства сахарной свеклы в сырьевых зонах, начиная с 1990 г. многие сахарные заводы стали внедрять схемы по переработке импортного сахара-сырца, что позволило им более полно использовать мощности, сохранить рабочие места. В 1999 г. на Ромодановском сахарном заводе было переработано 26,7 тыс. т сахара-сырца, при этом выработано 25,1 тыс. т сахара. Свекловичного сахара за этот же период было выработано всего 19,5 тыс. т (на 5,6 тыс. т меньше, чем из сахара-сырца).

Отсутствие эффективных мер защиты внутреннего рынка сахара позволило отечественным и иностранным компаниям завозить сырец в объемах, значительно превышающих внутренние потребности страны. В настоящее время Россия, по существу, превратилась в одного из крупнейших импортеров сахара, при этом ежегодно расходуется 1,2 — 1,3 млрд дол. США, что составляет примерно 8 % от стоимости всего импорта продовольствия. Уже в ближайшие годы Россия может ли-

шиться своей сырьевой базы и попасть в полную зависимость от международного рынка сахара-сырца, превратиться в основного его потребителя, а значит, в источник субсидирования зарубежных производителей.

В настоящее время в переработке технических культур (сахарная свекла, масличные семена и др.) принята так называемая давальческая модель. Она предусматривает распределение результатов работы (доходов) в натуральном эквиваленте. Например, для сахарных заводов и свеклосеющих хозяйств это составляет, как правило, 30 и 70 % с изменениями по регионам ±5 %. Данная модель объясняется условием ухода от расчетов в безналичной форме. В Мордовии соотношение распределения сахара между сахарными заводами и свеклосеющими хозяйствами при давальческой схеме переработки сахарной свеклы следующее: 40 % причитается сахарному заводу и 60 % — свеклосеющим хозяйствам.

Проигрывают перерабатывающие предприятия, так как, получая треть прибыли, они не могут обеспечить нормальный производственный процесс и загрузить имеющиеся мощности. Проигрывают и сельскохозяйственные товаропроизводители, поскольку реализация конечной продукции обходится им дороже, так как осуществляется через многочисленных посредников (дилеров, финансово-торговые компании и др.). Кроме того, они теряют значительные суммы от налоговых отчислений, потому что сахар рассматривается не как сельскохозяйственный продукт, а как товар. В результате при давальческом способе снижается заинтересованность сторон в выращивании и переработке свеклы, что ведет к свертыванию производства.

Возрождение и развитие свеклосахарного производства в РФ возможно только путем интеграции на новой институциональной и технологической основе. В агропромышленном комплексе страны накоплен определенный опыт функционирования крупных высокоинтегрированных формирований различных организационно-правовых форм, объединяющих на добровольной основе технологически взаимосвязанные перерабатывающие, обслуживающие, торговые, банковские и другие структуры.

Для успешного развития свеклосахарного производства в Республике Мордовия в условиях рыночной экономики важно соединить все звенья от производства сахарной свеклы и ее переработки до реализации готовой продукции. Практика показала, что подобные интегрированные формирования более эффективны и приспособлены к условиям рыночной экономики.

Каждой форме связи соответствует определенная организационная форма интегрирующихся предприятий, их организационно-хозяйственную основу составляют добровольность интеграции и полная юридическая самостоятельность партнеров. В настоящее время среди форм агропромышленной интеграции в свеклосахарном подкомплексе трудно выделить приоритетные.

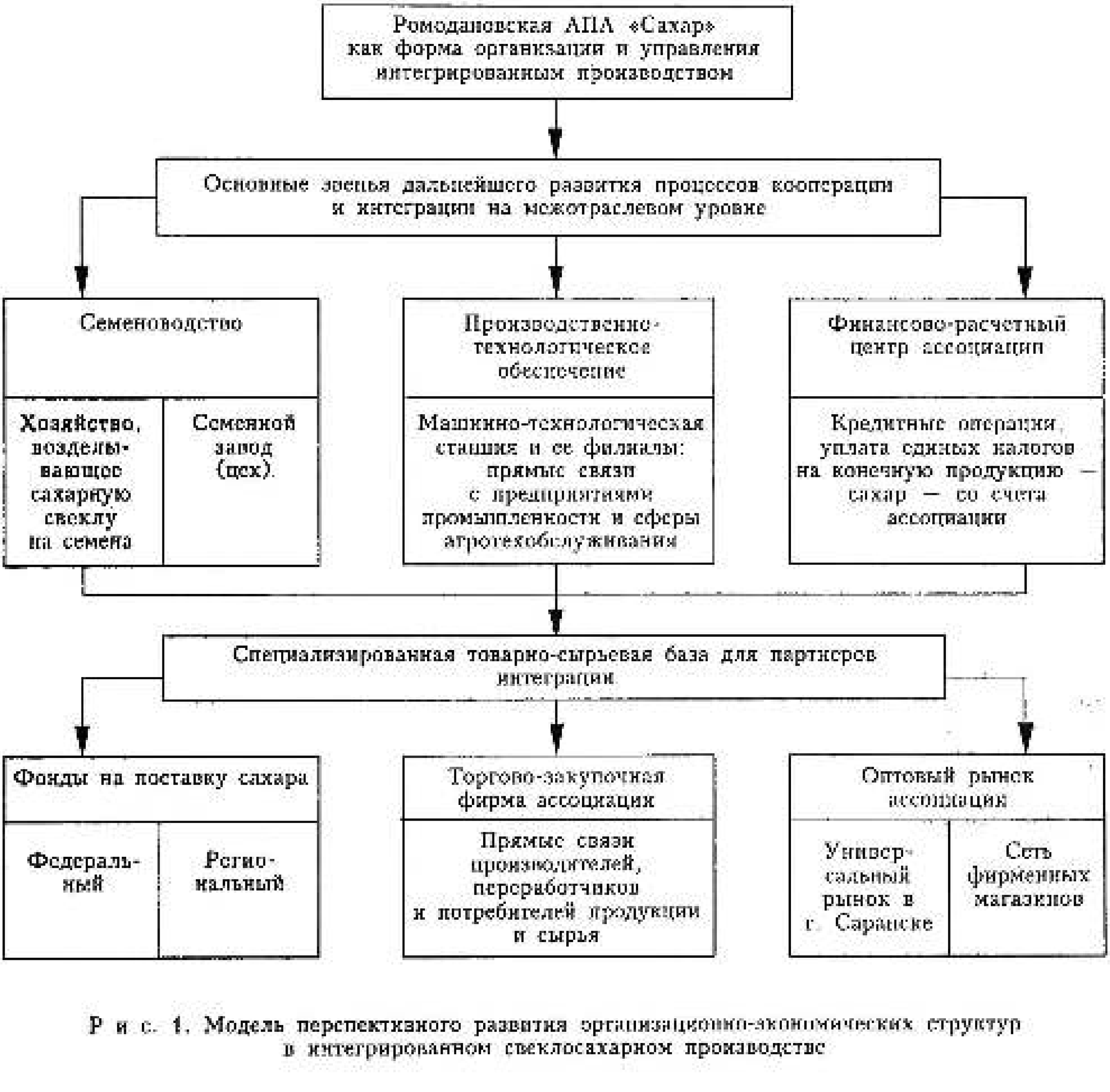
На первом этапе интеграционных процессов необходимо создание интегрированного формирования по производству и переработке сахарной свеклы в виде агропромышленной ассоциации (АПА) (рис. 1). Это наиболее перспективная, по нашему мнению, форма агропромышленного формирования, которая представляет собой объединение сахарного завода и сельскохозяйственных предприятий не только по вопросам производства и переработки сахарной свеклы, но и по сбыту готовой продукции с сохранением их хозяйственной самостоятельности и права юридического лица.

Деятельность производящих, перерабатывающих и торговых предприятий, объединенных в ассоциацию, направлена на увеличение количества и улучшение качества продукции, сдерживание роста затрат на его производство. Эти предприятия дополняют друг друга, а в рамках ассоциации будут развиваться в таких соотношениях и пропорциях, которые исключили бы простой производственных мощностей сахарного завода.

Объединение в ассоциацию производителей сахарной свеклы и предприятий торговли и переработки позволит рационально использовать имеющуюся инфраструктуру.

Учредителем такой ассоциации должен

выступить сахарный завод, объединяя на добровольных началах сельскохозяйственные предприятия и предприятия торговли. Следует иметь в виду, что сельскохозяйственные предприятия сырьевой зоны в своей массе являются многоотраслевыми. В целях обеспечения эффективности работы они должны входить в различные объединения кооперативного типа по разным видам производимой сельскохозяйственной продукции. Тогда процесс доведения продукции до конечного потребителя обеспечит эффективность функционирования взаимосвязанных партнеров во всей цепочке единого технологического цикла и каждого предприятия в отдельности.



Р и с. 1. Модель перспективного развития организационно-экономических структур в интегрированном свеклосахарном производстве

В дальнейшем процесс интеграции в свеклосахарном подкомплексе можно будет углубить и усовершенствовать, создав на базе ассоциации аграрную финансово-промышленную группу (АФПГ) с привлечением банковского капитала.

Аграрная финансово-промышленная группа способствует объединению финансового, аграрного, промышленного и торгового капитала, консолидации потенциальных возможностей отдельных предприятий. Содержанием деятельности АФПГ

будут развитие инвестиционного процесса и усиление технологической, организационной и экономической увязки в производстве конечного продукта — сахара. Успешное функционирование предприятий финансово-промышленной группы во многом будет зависеть от соблюдения принципа экономического интереса каждого предприятия в совместной деятельности.

Таким образом, на наш взгляд, основным источником возрождения и развития отрасли должно быть использование ее внутренних резервов, имеющее целью снять противоречия между участниками отрасли и наладить их взаимодействие ради единой цели. Для этого необходимо следующее.

1. Интеграция всех участников свеклосахарного производства на взаимовыгодной основе с целью обеспечения их общих и частных интересов взаимопомощи и взаимной поддержки.

2. Мобилизация ресурсов путем рационального и целевого использования предприятиями имущества и средств жизнеобеспечения, прекращение их сотрудничества с посредническими и нелегальными структурами, организация внутриотраслевой кооперации по обеспечению исходными материалами по оптовым ценам.

3. Восстановление прав государства на принадлежащую ему часть имущества предприятий и организаций, управление им на плановой основе и осуществление влияния изнутри на свеклосахарный комплекс в направлении повышения его эффективности.

4. Всемерное стимулирование экспорта основной и побочной продукции свеклосахарного производства как источника дополнительных финансовых средств на развитие отрасли.

5. Финансовая поддержка науки, обслуживающей отрасль, путем подключения ее к обеспечению всемерного повышения эффективности производства всех участников отрасли.

6. Повышение оплаты труда всех работников отрасли, особенно малообеспеченных, с учетом того, что эти средства немедленно поступят в оборот и могут быть обращены с помощью собственной торговой сети на пользу отрасли.

7. Прекращение кредитования заведомо убыточных предприятий, не создающих прибавочного продукта, предоставление кредитов только надежным заемщикам, работающим на пользу отрасли.

Кроме того, необходимо государственное регулирование производства и реализации сахара. Это придаст импульс интеграционным процессам в свеклосахарном комплексе, позволит повысить эффективность производства, направить необходимые средства на приобретение техники для хозяйств и оборудования для заводов.

В заключение хочется отметить, что свекловодство в России — исторически сложившаяся эффективная отрасль. Такой она была во времена наших дедов и прадедов, которые много сил вложили в ее развитие.

Поступила 28.09.01.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК КОНСОЛИДИРУЮЩАЯ ИДЕЯ РАННЕГО ВИЗАНТИНИЗМА

М. Ю. ГРЫЖАНКОВА, кандидат философских наук

Начало XXI века ставит человечество перед выбором ценностей, с которыми надлежит идти в новое тысячелетие. Свидетельством кризиса современной цивилизации является глобализация всех ее проблем — экологической, демографической, антропологической и т. д. Мир стоит перед дилеммой: пойти по пути духовного разрушения и взаимоистребления наций, социальных групп, деградации личности или попытаться встать на позиции налаживания диалога, самокритики и консолидации. В последнее время высказывания многих представителей интеллектуальной общественности, обеспокоенных непрекращенностью положения гуманистических достижений и идеалов, чаще всего совершенно противоположны в своем понимании настоящего в его отношении к прошлому и будущему. Рискнем утверждать, что на сегодняшний день в России не сложились единая национально-государственная идеология, национальная стратегия развития, способная объединить все народы, регионы, слои населения. Для страны, являющей собой уникальное «единство в многообразии» (полиэтничность населения, региональные различия, сосуществование ряда религиозных конфессий) эффективная стратегия не может, с одной стороны, быть просто копией развития других государств, а с другой — иметь жестко определенную этноконфессиональную, региональную или социальную окраску.

В условиях неблагополучия в многонациональной России большую актуальность приобретает выработка новых исследовательских стратегий, учитывающих качественную новизну современного этапа. Социальный контекст формирования новой, более широкой картины мира требует привлечения множества типов культурного опыта, характерных для современного человечества. Глубокие пласты российской ментальности, представляющей межэтническую модель совместного выживания, отличают *религиозная и этническая терпимость*, умение актуализировать в сознании идеи, относящиеся к совместной созидательной деятельности, и относить на второй план этническую и конфессиональную специфичность. Иначе говоря, речь идет о *толерантности* как практическом способе выживания, а не отвлеченном философском идеале.

Принцип толерантности имеет давнюю историю, приобретая особую актуальность во времена коренных общественных преобразований: обострения межнациональных конфликтов, утверждения гуманных межгосударственных связей. Механизмы толерантности связаны со всей системой общественных отношений, соблюдением прав и свобод, с уровнем духовной культуры личности и общества в целом.

О путях поиска новых нравственно-мировоззренческих ориентиров, вне которых и без которых вся человеческая деятельность теряет смысл, пишут многие современные политики, ученые-гуманитарии. В этой связи наше внимание привлекла работа В. А. Лекторского «О толерантности, плюрализме и критицизме», где автор

© М. Ю. Грыжанкова, 2001

делится своими размышлениями по поводу проблемы толерантности, анализируя несколько аспектов понимания последней, а именно: *толерантность как безразличие; толерантность как невозможность взаимопонимания; толерантность как снисхождение; толерантность (терпимость) как расширение собственного опыта и критический диалог — полифония* [17].

Мы достаточно кратко и обобщенно выскажемся по поводу первых трех форм понимания толерантности и подробнее остановимся на четвертой.

Итак, *толерантность как безразличие* предполагает отсутствие каких-либо интересов к «иным» взглядам и мировоззренческим парадигмам, игнорирование последних перед лицом основных общественных проблем; *толерантность как невозможность взаимопонимания* может выступать в качестве специфического принципа индивидуализации — обособления различных культур, основанного на идее плюрализма — несовместимости взглядов, способов поведения, различных архетипических структур; *толерантность как снисхождение* предусматривает субъективный привилегированно-снисходительный вариант отношений к иным культурам, основанный на вынужденном принятии последних; *толерантность как критический диалог — полифония*, на наш взгляд, заслуживает более пристального внимания в контексте определения возможности коммуникативного вхождения в новые культурные парадигмы. Данное понимание толерантности позволяет говорить о некой модели, основанной на уважении и правильном понимании форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности на фоне богатого многообразия современных и давно ушедших с исторической арены культур.

В этой связи нам представляется возможным осмысление прошлого под углом зрения его значимости для решения многих сегодняшних «тупиковых» вопросов. В качестве одного из возможных направлений преодоления кризисной ситуации в обществе, судя по современной публицистике и научным работам, предлагается обращение к традиционным ценностям христианской морали. Творческая мысль способствует восприятию и усвоению толерантного сознания и поведения, напротив, догматическое неприятие иных, кроме официально узаконенных, взглядов не дает положительных результатов. Некогда зарождение и распространение христианства или ислама также рассматривалось как воинствующее инакомыслие, вступившее в единоборство с господствующими мировоззрениями, однако, пройдя через запреты, религиозные учения обогатили общественное сознание чувством толерантности и оказали огромное воздействие на мировую культуру.

В этих условиях как никогда актуальна идея *этнического романтизма, этнической нравственности*, то есть такой системы норм, которая основывалась бы на традиционном национальном мировоззрении.

Совершенно очевидно, что для России данное направление является особенно важным, ибо речь идет не только о способах вхождения в современное цивилизационное пространство, но и о сохранении самобытной культуры, уходящей корнями в далекую византийскую эпоху. Отметим, что определенные «срезы» средневекового мышления, сосредоточившие в себе богатейший социокультурный потенциал, на сегодняшний день востребованы современными учеными-гуманитариями. Тем не менее немаловажным обстоятельством было длительное негативное отношение к христианской церкви, идеи которой являлись основой средневековой духовности, в особенности Византии. Эти духовные ценности трактовались скорее как средства эксплуатации и порабощения, нежели как нравственные ценности в собственном смысле.

Тенденция изучения византийской цивилизации с точки зрения ее целостной феноменальности получила возможность многоаспектного развития лишь в рамках становления современного социологического знания, позволяющего изучать динамику генезиса государств в ее зависимости от национальных особенностей. В этой связи важным, на наш взгляд, является тот момент, что византизм как устойчивый архетип культуры, безусловно, должен отождествляться с этнопсихологией и особым статусом византийского самосозна-

ния, несводимым к другим феноменам. Это особенно актуально в свете существующих полярных представлений о Византии, одно из которых — во многом тенденциозная западная концепция, мрачный и зловещий миф, а другое — достаточно объективно проступающая реальность. В контексте данной парадигмы прошлое выступает как идеал будущего, а степень традиционности — как мера правильности.

На наш взгляд, необходимо преодолеть некогда навязанное представление об этой великой империи как о государственном и духовном «уродстве». Сегодня идет интенсивная, в том числе и критическая, переоценка ценностей прошлого в контексте диалога культур, проблема которого ныне широко обсуждается гуманитариями. По этому поводу М. М. Бахтин высказывал следующую точку зрения, которая, на наш взгляд вполне адекватно отражает проблему исторического и метафизического процесса взаимосвязи и взаимозависимости цивилизаций: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже.... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [2, с. 334 — 335].

По замечанию дореволюционного исследователя А. П. Рудакова, «подобно великим монархиям Востока и эллинизма, с одной стороны, и Римскому государству — с другой, Византия представляла более политическое и культурное, нежели национальное целое...» [18, с. 64], иллюстрируя идею о том, что подлинная общечеловеческая культура не нуждается в существовании национальных государств. И это с учетом того, что речь идет об огромном и пестром регионе, возникшем на исходе существования Римской империи. Важно учитывать то обстоятельство, что судьбы двух составных частей этого региона — греко-сирийско-коптского Востока и латино-кельто-германского Запада — со временем исторически все более будут расходиться и потому к концу переходной эпохи возникнут два разных мира. «Но до этого момента, — считает С. С. Аверинцев, — мы вправе говорить — с некоторыми оговорками — о культурном единстве в пределах всего региона» [1, с. 156].

По существующим концепциям, некогда (в «доисторический» период) население Западной Европы являло собой «кипящий котел», в «котором сваривались воедино самые разные этносы и расы» [16, с. 50]. Своеобразие Византии, а позднее и России состояло в том, что такие «котлы» они представляли собой уже позднее, в «историческое время». По утверждению И. Г. Гердера [8, с. 499], в основу трагедии Византии легла именно та злосчастная путаница, которая бросила в один кипящий котел и варваров, и римлян. Таким образом, для западного философа была неприемлема многоплеменная направленность Византии, где в течение нескольких веков шли активные иммиграционные процессы.

Кризис, охвативший все сферы жизни римской империи, поставил перед византийскими императорами в IV веке задачи создания таких экономических, социальных, политических, духовных институтов, которые не только способствовали бы нахождению способов восприятия новых этнографических элементов, но и ставили варваров в такое положение, когда бы они с наибольшей пользой могли служить целям империи, главной задачей которой было «установить с варварами более или менее спокойный род сожительства, соседства или союза» [22, с. 16]. Таким образом, византийская многоплеменность оказывалась одним из факторов, укреплявших ту социальную нестабильность, которая была характерна для империи и содействовала сохранению государственного централизма.

Процесс интенсивного смешивания народов, преодоления антропологической определенности как единственного признака этнической принадлежности происходил в соответствии с христианской максимой («нет ни эллина ни иудея»), что оказало решающее влияние на симбиоз западной и восточной культур. Отсюда ранневизантийский этнос в большей степени являл собой религиозно-культурную, нежели племенную общность. Вследствие этого лю-

бой человек, исповедующий христианство, мог занять в империи самую высшую ступень в социальной иерархии: так, император Лев III Великий (VIII в.) был сирийцем, Роман I Лакапин (X в.) — армянином, патриарх константинопольский Филофей (XIV в.) — евреем и т. д.

Иначе говоря, фактическое равенство в гражданских правах, возможность возвышения представителей всех этнических групп смягчали опасность возникновения масштабных этноконфликтов [18, с. 13]. Внутри ортодоксального вероисповедания этнические группы нередко сохраняли свои обычаи, языковые особенности, хозяйственные и культурные традиции, известную административную обособленность. Эта «демократическая настроенность» [15, с. 69] способствовала тому, что в Византии длительное время существовал принцип вертикальной подвижности: отсутствие сословной корпоративности и «открытость» правящей элиты, доступ к которой обусловливался не наследственными, а личными достоинствами человека.

В этой связи можно предположить, что был осуществлен исторический эксперимент социального опыта согласования *романизма, эллинизма* с началами, воспринятыми от иных народов. В основу этого эксперимента в первую очередь закладывалась *национальная терпимость (толерантность)*, способствующая, во-первых, восприятию новых этнографических элементов, что определило оригинальный характер развития искусств, появление новых мотивов с принципом доминирования «небесного над земным», что способствовало формированию своеобразного метода познания, находящего отражение в специальных образах, символах, архетипах; во-вторых, проявился особый тип государственных отношений, которые основывались на *межнациональном единстве*, подчиняющемся безоговорочному и всеобщему приоритету нравственных критериев оценки.

Византийской общественной мысли была свойственна совершенно особая конструкция, отвечавшая традициям раннехристианского демократизма. В последующие столетия византийская церковь отличалась от западной меньшей централизованностью, так как носителем принципа централизованности здесь было государство. Источником церковного права на Западе были толкования Римского папы, а в Византии — постановления соборов. Еще один аспект централизации проявлялся в том, что богослужение на западе велось исключительно на латинском языке, а Константинополь не запрещал служб на местных наречиях: коптских, славянских, грузинских...

Данный феномен объясняется тем, что в ранневизантийскую эпоху (IV — VII вв.) основной парадигмой формирующейся национальной идеи (менталитета) была христианская религия, православное мировоззрение, составляющее духовно-практическую основу социальной жизни этого государства. По этому поводу Л. Н. Гумилев в одной из работ замечает: «Византийский суперэтнос вылупился из яйца христианской общины, социальным обрамлением которой была церковная организация» [9, с. 33]. Этносоциальное самоопределение «православной цивилизации» шло одновременно с отвержением «латинского» образца мировоззрения. В этом смысле религиозная этнопсихологическая доминанта определяла отношения внутри государства. Христианскому пониманию единства рода человеческого соответствовало понятие о всеобщности человеческой истории. Если античность исходила из локальных образований — отдельный народ, город и т. д., то христианство обнаруживало единую цель исторического процесса — движение мира к преображению. По этому поводу в начале X в. высказывался константинопольский патриарх Николай Мистик, характеризуя Византийскую империю как общину, все жители которой связаны **общностью судьбы**.

Подобное понимание идеи толерантности в ранневизантийском государстве предполагает анализ некоторых логических элементов структуры византизма как определенной совокупности духовных и культурных коррелят. Это позволит увидеть проблемное поле исследования исключительно в многогранности и сложности связей между личностью и обществом, где человеческая деятельность рассматривается как живая ткань формирования самого общества. Сегодня необходимо вести

разговор о становлении новых форм человеческой личности в соответствии с изменением и переосмыслением проблематики человека в контексте таких диалогов, как человек — человек, человек — общество, человек – история. Возникает прямая необходимость обращения к синтезу понятий *культура, общество, личность*.

В этой связи представляется разумным акцентирование внимания на личности первого христианского императора Константина. Это обусловлено, во-первых, политикой «*практической толерантности*», которую он проводил с первых дней правления (речь идет о Миланском эдикте 313 г., представляющем собой один из узловых моментов взаимоотношений правителя и христианской церкви); во-вторых, необходимостью осмысления тех культурных явлений позднейшей европейской истории, которые либо генетически восходят к той эпохе, подобно концепции «христианской монархии» в политико-правовой мысли, либо имеют некоторое типологическое сходство с социокультурными феноменами того времени.

Итак, период, начавшийся с Константина Великого, по мнению Н. Бердяева, знаменует, во-первых, новый этап в развитии христианства, а во-вторых, новый виток социальных отношений между Царством Божиим и царством кесаря [3, с. 34]. Первый шаг Константина-политика был ознаменован Миланским эдиктом, провозгласившим как логическое следствие предшествовавшего ему указа Галерия (311 г.) о прекращении гонений на христиан. Концептуальную направленность Миланского эдикта, построенного на принципиально новой основе, можно уже отнести на счет не только причин политического характера, но и личной веры императора в то, что в свободном состязании истинное учение победит ложное. И здесь необходимо учитывать следующие обстоятельства: провозглашая христианство религией, равноправной с другими, государство брало его под защиту, тем самым признавая христианскую общину юридическим лицом, что давало возможность ранее гонимой религии занять прочное общественное положение.

В результате христианство перестает быть эсхатологическим, а становится историческим, тем самым приспосабливаясь к деятельности в мире. Отсюда следует, что действия Константина были глубоко провиденциальными и имели, безусловно, положительный смысл в мировой истории. Как отмечает С. С. Аверинцев, именно Константин являл собой на все византийское тысячелетие образец «благоверного государя», «с которого византийские хронисты начинали историю своей державы»:

> Отец благочестивых государей, он
> Первейший из христолюбивых кесарей...
> [1, с. 156]

Слава этого государя, по мнению А. А. Васильева, заключается в том, что «он оправдал название, которое начертал на своей триумфальной арке: quietis custos (страж покоя)» [5, с. 49]. Естественно, что жизнь и деятельность императора Константина возбуждали сильный интерес у современников и до сих пор продолжают привлекать к себе внимание многих исследователей. Оценки этой личности давались самые разнообразные и чаще всего зависели от взглядов авторов на христианство в целом. Так, французский историк Буасье (G. Boissier) пишет: «...когда мы имеем дело с великими людьми и пытаемся изучить их жизнь, то мы с трудом удовлетворяемся самыми естественными объяснениями. Это случилось и с Константином: заранее составилось такое убеждение, что этот ловкий политик захотел нас обмануть, что чем с большим жаром он предавался делам веры и объявлял себя искренно верующим, тем более пытались предполагать, что он был индифферентист, скептик, который, в сущности, не заботился ни о каком культе и который предпочитал тот культ, из которого он думал извлечь наиболее выгоды» [5, с. 46].

По этому поводу у Гегеля есть любопытная мысль о том, что все государства были основаны благодаря возвышенной силе великого Человека, который имел в своем облике, поведении нечто такое, благодаря чему другие повинуются ему вопреки даже собственной воле. Их непосредственная чистая воля есть его воля. «Преимущество великого человека состоит в том, чтобы знать и выражать абсолютную волю, все собираются под его знамя» [7, с. 357].

Эти слова в полной мере можно отнести к Константину Великому как к харизматическому лидеру, ибо, исходя из современного методологического опыта изучения политических процессов, его деятельность можно отнести к харизматическому лидерству, учитывая, что оно базируется на исключительных качествах лидера, данных ему Богом, для выполнения «великой миссии» [20, с. 136 — 137]. Власть при этом приобретает мистический, эмоционально-психический фактор, что наделяет лидера в глазах его последователей исключительными качествами мудрости, героизма, святости.

Стоит отметить, что, начиная со времен Древней Греции и кончая современной историей, среди мыслителей, историков, социологов продолжается спор по поводу роли отдельных личностей и социальных групп в историческом процессе. На этот счет существует несколько точек зрения. Во-первых, древнегреческие историки Геродот (490 — 430 до н. э.) и Фукидид (460 — 395 до н. э.) утверждали, что всемирная история есть результат деятельности великих личностей. Эту идею позднее, в XIX веке, развили английский философ Томас Карлейль (1795 — 1881) и Фридрих Ницше (1844 — 1900), считавшие, что историю делают «сверхчеловеки», деятельные натуры, движимые волей к власти и чувством вседозволенности, люди же в этом процессе являются бесформенным строительным материалом. Видимый аналог данной идеи выведен у Ф. Достоевского в теории Раскольникова «о тварях дрожащих и право имеющих».

Во-вторых, существует концепция *элиты*, согласно которой особый слой высокодаренных людей творит историю, науку, культуру. Основоположниками этой теории считаются итальянский социолог и экономист Вильфредо Парето (1848 — 1923) и итальянский политолог Гаэтано Моска (1858 — 1941). Они утверждают, что общество делится на элиту (лучших) и неэлиту (остальных), причем элита выступает как движущая сила общественного развития.

Г. Моска при создании своей теории исходил из деления общества на господствующее меньшинство и политически зависимое большинство. Кроме особого ряда причин, на основании которых он объяснял неизменность власти меньшинства над большинством, Моска выделяет некие особые качества, в результате чего меньшинство пользуется почитанием и большим влиянием в обществе.

В. Парето предлагает для выявления причастности к элите применение классификационных методик по различным параметрам: по способностям в той или иной области деятельности, образованию, авторитету и т. д. Неизбежность деления общества на элиту и неэлиту Парето выводил из неравенства индивидуальных способностей людей. Индивиды, обладающие большим влиянием, богатством, знанием, образуют высшую страту общества — элиту. По мнению Н. И. Изергиной [12, с. 169], современные теории элиты включают в себя различные подходы, среди которых можно выделить следующие: ценностные, демократического элитаризма, плюрализма (множественности) и т. д. Нас в данном случае более интересуют именно ценностные концепции, применительно к точке зрения И. А. Ильина, который в книге «Наши задачи» писал, что править государством должны именно лучшие, элитарные — государственно мыслящие, политически честные, организационно даровитые [14].

Наряду с концепцией элиты следует отметить еще одну точку зрения, которая, на наш взгляд, более реально отражает сущность исследуемой проблемы: история творится не только отдельными выдающимися личностями (элитой), но и другими людьми, ибо каждый человек — субъект истории и ее творец.

В связи с личностью императора Константина и его ролью в истории ранней Византии нам представляется оправданным обращение к теориям политического лидерства, а именно к типологии, предложенной немецким социологом М. Вебером, где дается обоснование *харизматического лидерства*, основанного на вере в исключительные способности, а в качестве *харизмы* выступает качество личности, признанное необычайным, благодаря которому она оценивается как наделенная сверхъестественными или по меньшей мере особыми силами и свойствами,

недоступными другим людям, благодаря чему личность воспринимается как посланная Богом.

Согласно М. Веберу [6], *харизма* является великой преобразовательной силой в эпохах, спаянных с устойчивыми традициями. Причем она может выступать как преобразование изнутри, означающее изменение главных направлений мышления и действия при полной переориентации всех установок ко всем отдельным жизненным формам и миру вообще. Харизматическое лидерство сугубо личное: если лидеру продолжительное время изменяет успех или его руководство не приносит благополучия подчиненным, то его харизматический авторитет может исчезнуть.

Византийская империя, которую возглавил Константин, была основана на языческих традициях. Поэтому правящая элита в большинстве своем не разделяла мировоззренческих установок императора. Однако, осуждая в душе образ его мыслей, язычники не могли не признать несомненных достоинств его практической политики, и отношение к нему в целом было благожелательным. Это подтверждает сказанное выше в отношении харизматического авторитета власти византийского императора, который есть персонифицированная римская государственно-политическая идея, связанная с традиционной религией, ставшей духовным коррелятом абсолютистского государства благодаря, во-первых, своей моральной обособленности от этого государства, а во-вторых, абсолютно не революционной сущности христианства, которое даже нельзя назвать социальной реформаторской силой, ибо его природа, по мнению Н. Бердяева, невыразима в социальных категориях мира сего [3, с. 32]. Подлинно новая, более совершенная и лучшая жизнь приходит изнутри, а не извне, от духовного перерождения, а не от изменения социальных условий и социальной среды.

Признавая факт безусловного тяготения императора к новой религии, достаточно трудно выявить причины, повлиявшие на принятие Константином христианства, так как сведения, дошедшие до нас, весьма противоречивы и предвзяты. Существует ряд легенд, рассказывающих об «обращении» Константина в христианскую веру. Теологи трактовали это событие как единовременный акт, происшедший в результате чуда, когда, пережив ряд видений, связанных с образом креста, император принял новую веру.

Известен рассказ древних историков о видении Константином в 312 году перед битвой с Максентием креста выше солнца с надписью «Сим побеждай». После этого по приказу императора было изготовлено знамя, известное под названием labarum, представляющее собой продолговатый крест, с поперечной реи которого спускался вышитый золотом и украшенный драгоценными камнями кусок шелковой ткани с изображением Константина и его сыновей; на вершине креста был прикреплен золотой венок с соответствующей монограммой, получившей название «монограмма Христа». Со времен Константина labarum сделался знаменем Византийской империи. Наряду с этим существует версия, что, идя на защиту Рима, император лишь «призвал молитвой в союзники Бога небесного и Его Слово, Спасителя всех, Иисуса Христа» [5, с. 50].

Несмотря на противоречивость изложения событий, можно констатировать, что христианская версия вполне соответствует духовной атмосфере начала IV века. Для императора Бог христиан с детства был реальной и могущественной силой, на которую в важнейший момент своей жизни он решает опереться, отринув остальных «богов». В данном случае для Константина победа в войне с Максентием становится следствием победы Христа над «старыми богами», которые теперь ассоциируются со злом, что служит моральным оправданием разрыва с ними и невозможности возвращения к традиционным культам. Данная позиция проявилась в его политическом отношении к языческим культам. По мнению многих исследователей, вера Константина была типична для его времени. Это была, по существу, вера язычника, избравшего среди множества богов себе покровителя, в то же время не сомневающегося в существовании и других божеств. В течение всего своего правления он оставался сторонником культа солнца, почитая воскресный

день днем солнца (dies solis), а себя считая «pontifix maximus».

В данной статье не ставится задача подробно рассмотреть феномен византийской императорской власти, мы лишь акцентируем внимание на том факте, что именно от времен Константина берет начало не только союз императорской власти с христианством и церковью, но и формирование основ «христианской империи». При нем начинает вырабатываться единая концепция христианской державы — Imperium Christianum, содержащая идею толерантного единства властей и их обязанностей перед Богом при разделении общественных функций.

В философское обоснование данной теории была положена идея богоизбранности императорской власти. Бог — Пантократор (Παντοκράτωρ), император — (Κοσμοκράτωρ) — глава земного порядка, подобно небесному. Постулировалось, что христианство несет не только «спасение» отдельному человеку, но и духовный расцвет обществу. Отсюда долг императора заключался в том, чтобы олицетворять собой защиту «истинной веры». Таким образом, речь шла о соотнесении державы и веры. Причем констатировался факт не просто наличия империи, а «благоверной империи», не просто верховного правителя, а «благочестивого государя».

Однако для того чтобы понять всю противоречивость положения Константина, следует сделать небольшое отступление по поводу традиций императорской власти в Византии, унаследованных от Римского государства, где уже существовало смешение государственного и религиозного начал, а со времен Августа (63 до н. э. — 14 н. э.) римские императоры выступали в роли первосвященников. Присущий византийцам традиционализм в отношении к собственному государству находил отражение в идее избранничества и непосредственной преемственности от империи цезарей, что возводило византийский порядок в ранг идеала, во-первых, а во-вторых, утверждало учение о господстве василевса над всей ойкуменой. Прерогативы звания pontifix maximus, перешедшие к византийскому правителю, могли провоцировать определенные притязания на сохранение всей полноты власти — не только политической, но и религиозной.

В этой связи реформаторская политика, основанная на толерантных направлениях, проводимая императором Константином, обозначила точки зрения порой совершенно полярные по своему направлению как при жизни императора, так и спустя несколько столетий.

Так, довольно сдержанной позиции на этот счет придерживались его современники — языческие авторы Юлиан Отступник, Зосим и другие, которые во многом осуждали Константина, более того, демонстративно не замечали его приверженности христианству, а говорили лишь об успехах в государственном управлении.

Следует заметить, что это направление угасло довольно скоро и было частично возрождено уже в Новое время в работах В. Дюрюи и Я. Буркхардта [25], чья книга «Время Константина Великого» появилась впервые в 1853 году. Буркхардт попытался оспорить образ равноапостольного императора и принял ориентацию на «человека власти», что довольно близко ницшеанской концепции «сверхчеловека». Константин представлен, по существу, безрелигиозным «убийственным эгоистом», использовавшим церковь как проводника своей политики.

В оценке деятельности Константина французским историком Дюрюи появляется и религиозная сторона в виде спокойного деизма, который образовывал его религию. Но, несмотря на это, «подобно Бонапарту, старавшемуся примирить церковь и революцию, — пишет Дюрюи, — Константин задался целью заставить жить в мире старый и новый режим, благоприятствуя последнему. Он понял, в какую сторону шел мир, и помогал этому движению, не ускоряя его» [5, с. 49].

Противоположная точка зрения была высказана английским исследователем Н. Бейнсом, который настаивал на использовании собственных писем и эдиктов императора как отправного пункта исследования, для того чтобы оценить его в условиях психологического климата той эпохи. Анализ документов показал глубокий дух религиозности императора Константина, что подвигнуло английского

ученого принять традиционную версию христианской историографии, подведя под нее рациональную научную аргументацию. Это мнение разделяют многие византинисты на Западе [19].

Один из крупнейших представителей российской научной школы Л. А. Тихомиров, указывая на концепцию союза церкви и государства, осуществленную Константином, писал: «В этом и состоит его великая идея, показывающая в Константине одного из тех немногих исторических гениев, которые умеют открыть человечеству новую линию движения и строения» [21, с. 138].

Итак, стараясь соблюдать объективность, отметим, что образ первого византийского императора Константина Великого являет собой яркий пример правителя, вставшего на путь расширения опыта государственных и личностных отношений, освоения иной системы ценностей в контексте проблемного диалога, сохраняющего (до определенной степени) толерантные формы общения.

Эпохи, несущие в себе такие перипетии, формируют коренные образы личности (некие субстраты), которые становятся культурными образцами этих эпох. Представители раннехристианской эпохи — Константин Великий, Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов и др. — зарекомендовали себя активными поборниками христианских идей совершенствования мира и человека, при этом необходимо подчеркнуть, что все они «владели словом» Влияние христианства, как свидетельствуют труды названных мыслителей, формирует своеобразный стиль их мышления как некую форму духовной активности, творчества личности и отражения образа жизни.

Приведем мнение В. Ф. Шаповалова, который верно подмечает, что привилегия «владеть словом» принадлежит немногим — это общественные деятели, политики, священнослужители, писатели, в то время как остальные люди обычно принадлежат к «молчаливому большинству» [24, с. 114 — 115]. Совершенно очевидно, что и те и другие представляют единое целое в процессе формирования некого социума, игнорировать это — значит не отразить особенности взглядов сообществ людей, как тех, кто «владеет словом», так и «молчалипого большинства».

Толерантность немыслима без свободы слова. У каждого человека свой внутренний мир, свое видение и оценка различных событий и социальных явлений. Это неизбежно порождает широкий диапазон взглядов, противоречия и конфликты, разрешение которых требует наличия толерантного сознания. Свобода слова формирует естественную среду общественного мнения, приближая тем самым общественную мысль к истине, выработке наиболее эффективных путей и методов решения жизненно важных целей.

Из особенностей христианства как учения вытекало своеобразное отношение к социальным проблемам. Христианские писатели и проповедники много и открыто говорили о пороках общественного строя, осуждая рабство, несправедливость. Однако, критикуя социальное неравенство, они примирялись с ним, придавая этому провиденциалистское значение. При этом основные элементы человеческого бытия — собственность, человеческие связи, знания, жизнь имели, видимо, весьма относительную ценность в глазах византийцев раннего периода. Это объясняется тем, что истинный идеал виделся в смирении, благочестии, в ощущении собственной греховности.

Философская апологетика и патристика раннего христианства, по мнению некоторых современных исследователей [23], возникает как попытка разрешения социокультурных по своей сути проблем — вопроса об отношении христианства к язычеству, ставившего в ту далекую эпоху толерантность в основу христианской метафизики, которая возникает как обоснование возможности сосуществования и до некоторой степени синтеза античной философии и Откровения.

И. А. Ильин в одной из своих работ, размышляя о призвании философа, видит в нем сущностно-религиозную основу, считая, что философские изыскания — это «творческий процесс, протекающий перед лицом Божиим и при участии божественных сил, живущих в человеке» [13, С. 55]. Думается, что раннехристианский период характеризуется своеобразностью отношений между философией и религией, отра-

жая тем самым драматическую напряженность времени, когда само христианство являлось не только главенствующей религией, но и некоей синтетической философско-религиозной системой, важным компонентом которой были античные философские учения. Происходил процесс отталкивания обособления и в то же время сближения неоплатонической философии и христианского богословия, отношения между которыми часто строились на компромиссе.

В трудах Василия Кесарийского, Григория Нисского, Григория Назианзина, в речах Иоанна Златоуста можно проследить порой парадоксальное переплетение идей раннего христианства с неоплатонической философией, уходящей глубокими корнями в историю «эллинского мышления».

Таким образом, совершенно очевидно, что проблема толерантности ненова. Любая культура, несомненно, нуждается в ее разрешении на всех этапах своего существования, поскольку всецело единых культур не существует, но каждая представляет множество, собранное в единство. Пример тому — византийская цивилизация, многие традиции которой стали основой формирования отечественной государственности и духовности. Русское православие в некоторых аспектах существенно отклонялось от своего греко-византийского прототипа, что было связано с внедрением языческих элементов, тем не менее основное направление мировоззренческих исканий в Древней Руси прослеживалось в русле именно византийской традиции. Нельзя не согласиться с точкой зрения И. Евлампиева [11, с. 330], что все более или менее существенные идейные движения на Руси были отражением и преломлением соответствующих движений Византии.

Анализ социокультурных и политических процессов, некогда происходивших в раннесвизантийском государстве, показывает, что попытки практического воплощения идеи толерантности — полифонии дают возможность сохранения и развития разнообразных ценностных структур на основе принципа единства, учитывая, что началом множества является индивидуальность.

Безусловно, перечисленные выше факторы нельзя считать исчерпывающими, их гораздо больше, что предполагает отдельные исследования в этом направлении. Мы лишь намечаем пути к изучению проблемы, стоящей перед современным человечеством, ибо вопросы веротерпимости, этнотерпимости являются острыми для каждого общества, не погрязшего в болоте духовно-нравственного равнодушия.

Современная Россия, являясь частью мировой цивилизации, переживает драматические годы своего развития. Резкое снижение уровня нравственной культуры, социальная апатия, идейная опустошенность, проникновение в общественное сознание сомнительных духовных ценностей ведут к негативной тенденции — переводу российского государства в разряд периферийных социокультурных систем. Заметим, что нынешнее плачевное состояние межнациональных отношений неестественно для традиций нашего государства. Врял ли кто будет спорить с тем, что Россия имеет громадный опыт сосуществования многих народов, в основе которого, по словам Ф. М. Достоевского, великое качество русской души — «всечеловечность» [10, с. 146]. Схожие мысли неоднократно высказывал Д. С. Лихачев применительно к отечественной культуре. Он подчеркивал, что в ее составе ассимилировались десятки культур народов Скандинавии, Византии, Германии, Италии, южных и западных славян, народов Востока и Кавказа, что, несомненно, сказалось на своеобразии мироощущения, мировосприятия российского человека, особых форм отечественной цивилизации, возникшей, по мнению В. С. Библера, на грани культур или, уточним, «на грани разных смыслов личности и предельных вопросов бытия» [4, с. 122].

Таким образом, те концептуальные структуры, которые существовали в прошлом и в свое время сошли с исторической арены, не должны считаться несостоятельными во всех отношениях. В своей фундаментальной сущности они могут содержать идеи, являющиеся плодотворными для современных условий. Диалог «человек — история» на сегодняшний день — безусловная необходимость, ибо игнорирование проблемы толерантности повлечет за собой взаимное уничтожение не только этнических групп, но и разных цивилизаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Аверинцев С. С.** На перекрестке литературных традиций // Вопр. лит. 1972. № 2. С. 150 — 183.
2. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
3. **Бердяев Н. А.** Царство Божие и царство кесаря // Путь. 1925. 1 сент. Репринт. изд. М.: Информ-Прогресс, 1992. С. 24 — 39.
4. **Библер В. С.** Культура в средоточии бытия (к феноменологии XX века) // Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. М., 1991. С. 261 — 288.
5. **Васильев А. А.** Лекции по истории Византии: В 2 т. Петроград, 1917. Т. 1. 355 с.
6. **Вебер М.** Харизматическое господство // Социол. исслед. 1988. № 5. С. 139 — 147.
7. **Гегель Г. Ф.** Работы разных лет: В 2 т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. 668 с.
8. **Гердер И. Г.** Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 704 с.
9. **Гумилев Л., Панченко А.** Чтобы свеча не погасла. Л.: Сов. писатель, 1990. 123 с.
10. **Достоевский Ф. М.** Дневник писателя // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. 556 с.
11. **Евлампиев И. И.** Русская философия между Востоком и Западом // VERBUM: Материалы Межвуз. конф. СПб., 2000. Вып. 3. С. 330.
12. **Иерусалимская Н. И.** Политическая элита // Основы политологии / Под ред. Д. В. Доленко. Саранск, 1996. С. 165 — 177.
13. **Ильин И. А.** Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. М.: Рарог, 1993. 228 с.
14. **Ильин И. А.** Наших задач // Собр. соч.: В 10 т. М., 1992. Т. 1. 228 с.
15. **Каждан А. П.** Византийская культура. СПб.: Алетейя, 1997. 279 с.
16. **Кожинов В. В.** История Руси и русского слова. М.: Алгоритм, 1999. 476 с.
17. **Лекторский В. А.** О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопр. философии. 1997. № 11. С. 46 — 54.
18. **Рудаков А. П.** Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб.: Алетейя, 1997. 294 с.
19. **Рудоквас А. Д.** Религиозная политика императора Константина Великого: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1996. 18 с.
20. **Савкин П. С.** Социальная философия: Учеб. пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1997. 172 с.
21. **Тихомиров Л. А.** Монархическая государственность. Репринт. изд. 1923 г. СПб., 1992. 278 с.
22. **Успенский Ф. И.** История Византийской империи VI — IX вв. М.: Мысль, 1996. 830 с.
23. **Хомяков М. Б.** Толерантность в христианской философии // Философия и общество. 1999. № 2. С. 160 — 188.
24. **Шаповалов В. Ф.** Археология гуманитарного знания и образы России // ОНС. 1995. № 3. С. 114 — 115.
25. **Burckhardt** J. The Age of Constantine the Great. English translation by M. Hadas. N. Y., 1948.

Поступила 01.11.01.

ФУНКЦИОНАЛИСТСКИЙ И МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ КРИЗИСА МОРАЛИ

Д. Е. СОЛОВЬЕВ, кандидат философских наук

Проблема кризиса морали, столь актуальная для нынешней ситуации в нашей стране и в европейской культуре в целом, интересует нас прежде всего в контексте исследования возможностей научного анализа кризиса морального сознания, особенностей его возникновения, развития на субъективном и объективном уровнях — как предмет теоретической этики.

Кризис в переводе с греческого — «ре-

© Д. Е. Соловьев, 2001

шение, поворотный пункт, исход». Под кризисом мы обычно понимаем резкий крутой перелом в чем-либо, тяжелое переходное состояние (например, духовный кризис). Момент перехода здесь является принципиальным, позволяя нам отличать кризис морали от распада морали. Очевидно, что под кризисом морали мы можем понимать ситуацию, когда моральные установки (ценностные или долженствования), традиционно принятые в соответствующей среде, начинают отвергаться и заменяются на новые. Соответственно можно выделить в понятии «морального кризиса» субъективный и объективный уровни (личностный и социальный). На первом указанный процесс проявляется как внутриличностный нравственный конфликт, связанный с переоценкой ценностей. На втором — болезненный процесс смены общественно значимых приоритетов, связанный с многочисленными социальными и нравственно-ценностными конфликтами, неизбежно происходящими вследствие того, что в обществе вынуждены сосуществовать люди, придерживающиеся как старой, так и новой системы приоритетов.

Заметим, что для большинства эпох характерно наличие своеобразного «апокалиптического» элемента, который оценивает ситуацию как критическую (трудно найти эпоху, когда человек чувствовал бы себя однозначно счастливым). Можно вспомнить для иллюстрации Гесиода с его «железным веком», Салтыкова-Щедрина или Ницше. Иначе говоря, следует различать объективное и субъективное восприятие кризиса. Всегда есть искушение считать, что твой век худший из возможных, всегда существовала критика нравов. Но есть ли объективный критерий кризиса, болезненного раллома морального сознания?

Отметим, что попытка нахождения критерия, наличие которого позволило бы оценить ситуацию как критическую, может исходить как минимум из двух принципиально различающихся методологических установок: функционалистической (рассматривающей мораль как необходимый элемент общественной системы, выполняющий функцию ее стабилизации, но не имеющей некоего неизменного универсального содержания) и метафизической (полагающей, что ядро морали имеет неизменно гуманистический характер, и оперирующей, например, термином «общечеловеческая мораль»).

Первая точка зрения позволяет нам представить моральный кризис как естественный процесс адаптации системы, включающей в себя человека, общество, культуру и т. д., к изменяющимся конкретно-историческим условиям. В данном случае мораль — своеобразный вектор развития общества, а развитие невозможно без болезненного процесса обновления. Отметим основные методологические установки, связанные с возможным исследованием морального кризиса в этом контексте.

1. Мораль как функциональный, неотчуждаемый элемент глобальной системы объективно подвержен творческим изменениям, происходящим в любой открытой системе. В этой связи актуальной представляется точка зрения на процесс развития как системно-циклический, периодически проходящий стадию обновления, связанную с разрушением предыдущего кристаллизованного опыта, в том числе и нравственного. Иллюстрацией этого является, например, теория карнавала, которую активно разрабатывал М. М. Бахтин и которая получила широкое распространение в современной науке. Символическое смещение и обесценивание традиционных ценностей, демонстративный отказ от ригористических моральных обязательств, внесение хаотического элемента в стройный космос традиционной ценностной системы — все это можно представить как кризисный момент, который завершается символическим обновлением, жизнеутверждением, оптимистическим импульсом дальнейшему развитию. Однако теоретически можно представить себе ситуацию, когда карнавал завершается не оптимистически, а пессимистически, позитивные нравственные ценности не создаются, «лев» Ницше не становится «ребенком», хаос, растворивший космическую системность, уничтожает код ее восстановления. Финал этот, в частности, можно проанализировать в контексте гибели великих цивилизаций, сопровождающейся явными элементами карнавального сознания («Хлеба и зрелищ!», торжество гедонизма и т. д.).

2. Нравственный кризис может рас-

сматриваться как один из этапов жизнедеятельности цивилизации. Он характерен, например, для периода разложения и гибели культуры, но, очевидно, что он может иметь место, правда в менее ярко выраженном виде, и в другие переломные моменты ее развития. Определенный интерес представляет предложенная Л. Н. Гумилевым теория последовательных фаз развития цивилизации, каждую из которых сопровождает смена доминирующей нравственной установки («Будь самим собой!» и т. д.). Наибольшую остроту имеет кризис морали, отражающий истощение сил соответствующей культуры.

3. Нравственный кризис может рассматриваться как следствие столкновения и дисгармоничного взаимодействия двух и более типов разнородных культурно-нравственных традиций. Общество, творческий импульс которого создал наиболее адекватную для него культурно-нравственную атмосферу, испытывает естественную идиосинкразию к чужеродным ценностям. Так, традиционалистское общество с трудом «переваривает» ритм жизни динамичной нравственности, направленной на реализацию в плане индивидуального преуспевания, а религиозная культура, ориентированная на достижение потустороннего счастья, плохо взаимодействует с навязываемыми социально-хозяйственными экспериментами, следующими за переносом представления об осуществлении счастья в эмпирический мир. Эта точка зрения, восходящая к «социологии религии» М. Вебера, довольно активно разрабатывалась в теории культурно-исторических типов и особенно актуальна сейчас. Процесс столкновения ценностных установок характерен, например, для нашего общества, моральный кризис которого во многом связан именно с обозначенным выше процессом.

4. Нравственный кризис может рассматриваться как одна из сторон процесса отчуждения личности. Потеря личностных качеств и утрата способностей ценностного анализа своего поведения и поведения окружающих, приводящая в конечном итоге к утрате собственной ценности и разрушению личности, — вот следствие морального отчуждения. Отчуждение такого рода происходит во всех случаях, когда человек утрачивает уважение к моральному, когда моральная проблематика снимается для него в плане более значимой проблематики (экономической, эстетической, политической и т. д.). Данный процесс обозначается нами как аморализация — выход личности за пределы пространства морального регулирования. В последние десятилетия этот феномен активно исследуется, в частности, в связи с резким расширением влияния на жизнь человека техногенной сферы.

Мы перечислили только несколько подходов к анализу морального кризиса в рамках функционалистского подхода, в действительности же их значительно больше.

Принципиально иной вид анализ морального кризиса может иметь в метафизической трактовке.

1. Моральный кризис как временное или принципиальное отвержение универсальных ценностей может рассматриваться как «моральный бунт», форма морального зла, отпадение от предзаданной гармонии отношений. Поэтому оценка морального кризиса в данной системе будет носить более радикальный характер.

2. Моральный кризис — это прежде всего бунт индивидуального сознания, в основе которого может лежать как заблуждение (Сократ), так и сознательно-преступная установка, «впадение во зло», неправильный выбор из возможных альтернатив (христианская теология).

3. Моральный кризис — отрицательное явление, разрушение, признак гибели культуры. Альтернативы его разрешения — либо выздоровление (возвращение в покинутый мир предустановленной гармонии), либо гибель соответствующего фрагмента культуры.

Выше мы обозначили некоторые принципиальные исследовательские установки, связанные с постановкой проблемы морального кризиса. Тезисно отметим еще некоторые аспекты этой проблематики, недостаточно исследованные современной этической наукой.

Не раскрыта связь между нравственным кризисом как социальным явлением и «кризисным» философским мышлением. Отражение ли это эмпирических процессов, предсказание их или нечто самостоя-

тельное, развивающееся по собственным законам? Насколько органично имморалистические учения вписаны в контекст культурного развития?

Можно ли сравнить кризис с революцией нравов или это перманентный процесс эволюционного изменения коллективных ценностных установок (в нашем столетии по линии ригоризм — гедонизм)?

Можно ли выделить нравственный кризис как самостоятельный или он всегда вписан в более общий процесс кризиса культуры? Насколько серьезно он коррелирует с процессом, скажем, кризиса искусства (вспомним декадентство начала века)?

Вопросов много, что делает эту тему актуальной и интересной для обсуждения.

Поступила 08.06.99.

ОРГАНИЗАЦИЯ АДРЕСНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

З. Н. ЛАЗАРЕВА, кандидат социологических наук,
Е. Н. ДЕВЯТКИНА, преподаватель,
Е. В. КУЗНЕЦОВА, преподаватель

До недавнего времени в нашей стране практиковалась работа по месту жительства. В микрорайонах города при ЖКХ существовали клубы, ведущие работу по различным направлениям в культурно-досуговой, воспитательной и социальной сферах. Но в начале 1990-х гг. работа по месту жительства потеряла актуальность, большинство клубов ликвидировалось либо реорганизовалось. В это время стали формироваться социальные службы. Их роль с каждым годом возрастает, так как проводимые социально-экономические и политические реформы привели к обнищанию основной массы населения, ухудшению внутреннего благосостояния семьи, культурной деградации.

В Саранске функционируют три территориальных центра социального обслуживания населения (по одному в каждом районе). Эти центры действуют уже более пяти лет. Проведенное в 2001 г. анкетирование по адресной социальной помощи показало: 55,6 % опрошенных считают, что у существующих территориальных центров социального обслуживания населения недостаточно физических, финансовых, материальных ресурсов для предоставления адресных социальных услуг и помощи; 38,9 — что достаточно ресурсов; 5,7 % затруднились ответить. Полученные данные нас не удивили, примерно таких результатов мы и ожидали. Например, Октябрьский территориальный центр социального обслуживания населения, расположенный по адресу: ул. Т. Бибиной, д. 1, корп. 1, обслуживает поселки Николаевка, Луховка, Ялга, Зыково, Грибоедово, Таировка и т. д., находящиеся от него на значительном расстоянии. Не каждый нуждающийся в помощи, а тем более пожилой человек или инвалид сможет добраться до центра. 60 % респондентов, которые сочли, что у современных социальных служб недостаточно ресурсов, считают, что различные виды социальных услуг по принципу адресности должны предоставлять благотворительные организации и фонды, 50 % — вновь созданные учреждения социальной защиты, 40 % считают, что помощь дол-

© З. Н. Лазарева, Е. Н. Девяткина, Е. В. Кузнецова, 2001

жны оказывать по месту работы, 30 % желают, чтобы помощь и различные услуги оказывали общественные и религиозные организации. По 20 % ответов пришлось на варианты: «Общественные движения», «Иные учреждения (юридические, медицинские, культуры и т. д.)», «Частные фонды и общества», «Попечительские общества»; по 10 % пришлось на варианты: «По месту учебы», «По месту жительства», «Все перечисленные учреждения».

Таким образом, нужны функциональные структуры, реально предоставляющие и оказывающие различные виды социальных услуг и помощи, находящиеся в непосредственной близости от человека, способные оценить ситуацию, в том числе нестандартную, и найти конкретные и к тому же срочные пути ее решения.

На вопрос: «Как Вы думаете, какие виды социальных услуг должны быть адресными?», — первую позицию занял вариант ответа «Предоставление бесплатных услуг в стационарных учреждениях» — 61,1 %, далее следуют «Денежная помощь» — 55,6 % опрошенных, «Медико-социальные услуги» — 50 %, «Жилищные субсидии» — 38,9, «Питание в школе» — 33,3 и шестую позицию занимают «Натуральная помощь» и «Помощь в трудоустройстве» — по 27,8 % опрошенных. Респонденты считают, что адресными должны быть следующие услуги: реабилитационные, психологические, психолого-педагогические, правовые, консультирование, социальный патронаж, обслуживание в социальном магазине, талоны на питание, бесплатный проезд. 50 % опрошенных под адресной социальной помощью понимают предоставление социальных услуг всем нуждающимся (натуральная помощь, помощь в трудоустройстве, консультации по различным вопросам), 27,7 % считают, что это материальная помощь конкретной семье, 22,3 % подразумевают материальную помощь и предоставление социальных услуг всем нуждающимся по принципу адресности.

При переходе к адресному предоставлению социальных услуг встает вопрос об адресате помощи: конкретный человек, семья, нуждающаяся категория населения в целом либо оказывать помощь по степени и причине нуждаемости. Из опрошенных 33,3 % полагают, что адресатом должна быть нуждающаяся категория населения в целом, 27,8 % — что помощь необходимо оказывать по степени и причине нуждаемости, столько же выбирают в качестве адресата семью. И только 11,1 % считают, что помощь должна оказываться конкретному человеку. Из предложенных нами категорий адресную материальную помощь должны получать инвалиды — так полагают 55,6 % респондентов, дети-сироты — 66,7, матери-одиночки — 61,1, многодетные семьи — 27,7 %. Адресные социальные услуги должны предоставляться следующим категориям: инвалидам (38,9 %), детям-сиротам (33,3 %), одиноким пенсионерам (22,3 %), матерям-одиночкам (16,7 %).

На вопрос: «Кто должен оказывать адресную социальную помощь?», — мы получили следующие ответы: 38,9 % респондентов считают, что это должны быть профессиональные специалисты по социальной работе, столько же выбрали вариант «В зависимости от вида оказываемой услуги»; 22 % считают, что не имеет значение, кто окажет помощь.

Таким образом, мы видим, что население микрорайона нуждается в различных видах социальных услуг, но не знает, куда обратиться. Назрела необходимость в учреждениях нового типа, которые удовлетворяли бы потребности населения. На наш взгляд, выходом из сложившейся ситуации будет привлечение различных учреждений по месту жительства к оказанию тех или иных видов социальных услуг. Только тогда мы перейдем от декларирования принципа адресности к его реализации. Сотрудничество учреждений по месту жительства различного профиля, привлечение добровольных работников дает возможность быть максимально приближенными к месту проживания потенциальных клиентов, доступными и открытыми для посещения.

Мы предлагаем программу организации адресной социальной помощи на муниципальном уровне.

Цель — оказание адресной материальной помощи и предоставление адресных социальных услуг детям, молодежи, зрелому и пожилому населению, их адаптация в жизненном пространстве.

Задачи:

1) создание необходимых условий для личностного развития;

2) оказание социально-психологической, медико-социальной, социально-правовой и иной помощи населению района на основе принципа адресности;

3) предоставление дополнительных услуг;

4) предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних.

Содержание деятельности.

1. Организация работы по месту жительства в микросоциуме как государственной системы социальной поддержки населения микрорайона.

2. Обеспечение востребованности услуг.

3. Обеспечение связи с различными учреждениями, организациями, центрами, действующими на территории микрорайона.

4. Предоставление экстренной помощи людям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации.

5. Связь с общественностью.

Принципы реализации программы: комплексность, адресность, территориальность, посредничество и сотрудничество.

Уровни социальной работы.

1. Предоставление индивидуальных консультаций и рекомендаций.

2. Групповая социальная работа.

3. Социокультурная работа по месту жительства граждан через изменение общественных условий с привлечением волонтеров, разнообразных досуговых возможностей системы дополнительного образования.

4. Выездные комплексные бригады.

Критерии оценки деятельности:

— уровень правонарушений в микрорайоне;

— уровень занятости населения в микрорайоне;

— динамика состояния здоровья (физического и психологического);

— реализация творческого потенциала;

— участие в мероприятиях различного уровня.

Обучение и подготовка специалистов.

В соответствии с условиями программы необходимо организовать обучение специалистов по оказанию адресной социальной помощи. Подготовка специалистов может осуществляться следующим образом.

1. При кафедре социальной работы МГУ им. Н. П. Огарева открыть дополнительную специализацию «Организация и предоставление адресной социальной помощи». По окончании вуза присваивать дополнительную квалификацию «Специалист по адресной социальной помощи», «Организатор адресной социальной помощи».

2. В Институте повышения квалификации и переподготовки кадров открыть специальность или годичные курсы с выдачей диплома и присвоением квалификации по организации адресной социальной помощи по месту жительства.

3. Организовать курсы или семинары, где основное внимание необходимо сосредоточить на теоретической подготовке специалистов, уже оказывающих адресную социальную помощь на муниципальном уровне. После прослушивания курсов выдавать свидетельство.

4. Организовать практические и теоретические семинары для добровольных работников с целью повышения их профессионализма.

Источники финансирования.

1. Отчисления из муниципального и регионального бюджетов.

2. Средства, изысканные в результате их перераспределения между комитетами и отделами служб различного уровня на реализацию районных программ.

3. Дополнительные средства на обеспечение целевых мероприятий из местного бюджета.

4. Доходы от платных услуг.

5. Доходы от хозяйственной деятельности учреждений.

6. Благотворительные пожертвования.

7. Труд добровольцев.

8. Предпринимательская деятельность социальной службы, разрешенная законом.

9. Помощь спонсоров.

10. Проведение благотворительных лотерей и аукционов.

Социальная инфраструктура.

Чтобы более эффективно организовать адресную социальную помощь нуждающимся семьям, необходимо децентрализовать ее, создавать социальные службы разной

социальной направленности непосредственно там, где проживают, учатся, работают, отдыхают люди микрорайона — члены этих семей.

Рассмотрим более подробно, какой же социальной работой могли бы заниматься социальные службы, созданные при следующих учреждениях.

Библиотеки. Именно здесь могут быть реализованы духовно-нравственные и культурные интересы проживающих в микрорайоне людей. В них могли бы проводиться: многообразная клубная работа; волонтерская деятельность по обслуживанию людей, прикованных к постели, вынужденных жить в ограниченном четырьмя стенами пространстве; большая социально-педагогическая работа не только с читателями, но и со всеми заинтересованными людьми. Библиотеки могли бы организовывать целенаправленную программную работу по психокоррекции, психопрофилактике по отношению к людям, пережившим различные стрессовые ситуации, консультативную работу по разным социальным проблемам, содействовать реализации талантов особо одаренных детей и др. Такая работа способствовала бы улучшению духовно-нравственной атмосферы в социуме, в каждой семье, преодолению духовного кризиса разных слоев населения, особенно молодежи.

Суды. При районных судах нужно организовать бесплатные юридические консультации для нуждающихся категорий населения. Специалисты по социальной работе могли бы оказывать психолого-педагогическую помощь разведенным родителям и их детям, заниматься профилактикой разводов в микрорайоне.

ЗАГСы. Эти учреждения могли бы осуществлять меры по стабилизации семьи и профилактике разводов, по подготовке молодежи к браку и организовывать социальную работу с молодыми семьями.

Пункты охраны порядка по месту жительства. Социальные работники при этих учреждениях могли бы помогать неблагополучным семьям, члены которых ведут асоциальный образ жизни, более оперативно оказывать социально-педагогическую и психологическую помощь «трудным» подросткам, беспризорникам, детям, оставшимся по каким-либо причинам без попечения родителей, а также женщинам и детям, с которыми жестоко обращаются в семье, и др.

Домоуправления. Здесь можно организовать социально-педагогическую работу с детьми и взрослыми, особенно с инвалидами, пожилыми людьми, деятельность по улучшению их социально-бытовых условий, по реконструкции, приспособлению жилых домов, улиц, тротуаров для людей, испытывающих трудности в передвижении, созданию мест отдыха во дворах, скверах и т. д.

Поликлиники и больницы. При них можно наладить психологическую службу, помогающую снять стресс у больных людей, а также у членов их семей, настроить-ся на проведение лечения в стационарных учреждениях. Не менее важное значение имеет организация службы помощи малообеспеченным семьям, испытывающим трудности в приобретении лекарств. Здесь же могли бы быть организованы помощь малоопытным медицинским работникам, консультативная работа по медицинским, медико-социальным проблемам, по патронажу в домашних условиях. Представляется возможным открытие при поликлиниках и больницах медико-социальных служб, отделений для семей беженцев, мигрантов, вынужденных переселенцев, не имеющих при себе страховых полисов, и т. д.

Аптеки. Социальные работники при аптеках должны заниматься просветительской работой среди населения по проблемам здравоохранения, профилактики СПИДа, наркомании, алкоголизма; консультативной помощью по применению медикаментов, нетрадиционных методов лечения; оказанием срочной медико-социальной помощи; адресной доставкой лекарств.

Общежития. В настоящее время здесь работают воспитатели. Но, на наш взгляд, этого недостаточно. При общежитиях в помощь семейным людям необходимы комнаты психологической разгрузки, бюро проката, консультативная служба, прачечные, мастерские, общества взаимопомощи и т. д.

Парикмахерские. При парикмахерских следует создать выездные бригады для оказания услуг на дому и в стационарных социальных учреждениях, ввести льготную систему услуг для малоимущих.

Кинотеатры. Они могли бы проводить совместную деятельность с библиотеками, организовывать кинолектории, клубы любителей кино, встречи с киноактерами, кинорежиссерами, оказывать помощь тем, кто снимает самостоятельно любительские фильмы. Эта деятельность помогла бы объединить интересы членов многих семей, делая их личную и совместную жизнь более насыщенной, духовно богатой.

Дома культуры. Привлечение волонтеров, общественных организаций, спонсоров могло бы раскоммерциализировать деятельность современных домов культуры, раскрыв простор для самодеятельного творчества людей, для полноценного проведения личного и совместного досуга.

Школы, детские сады. Организованные при них социальные службы способствовали бы снятию напряжения в психологически сложных педагогических коллективах, в отношениях между учителями и школьниками, учителями и родителями, детьми и взрослыми. Они могли бы осуществлять психокоррекционную работу, оказывать большую посредническую деятельность по направлению детей в другие социальные учреждения, дома творчества с целью разрешения их проблем или реализации их запросов и интересов. Здесь могли бы функционировать юридическая консультация по правам и обязанностям детей, временные приюты для детей и их родителей, оказавшихся в кризисной ситуации, и т. д.

Учреждения дополнительного образования. Усиление социальных функций в этих учреждениях означает совместную работу с другими учреждениями по месту жительства с целью раскрытия творческих и индивидуальных способностей людей разного возраста. При них могла бы проводиться клубная деятельность по месту жительства, организовываться совместный досуг, социально-педагогическая работа с разными категориями населения.

Магазины. Здесь могли бы быть открыты столы заказов для многодетных, неполных семей, для обеспечения продуктами питания беременных женщин, грудных детей, больных, инвалидов. Перспективно открытие в городах социальных магазинов для обслуживания в них малообеспеченных граждан по сниженным ценам.

Кафе, столовые. При условии активизации спонсорской деятельности при этих учреждениях могло бы быть организовано обслуживание больных, инвалидов, одиноких, людей из малообеспеченных семей горячей пищей, диетическим питанием, бесплатными завтраками и обедами.

Полезным в организации работы по месту жительства будет создание новых социальных служб, что качественно разнообразит оказываемые виды социальных услуг и оперативно решит проблемы семей микрорайона.

Юридические консультации для малоимущих будут призваны оказывать бесплатные юридические услуги бедным слоям населения, заниматься правовым обучением молодежи.

Социальная гостиница, в которой можно выделить четыре отделения:

1) для женщин и детей, подвергшихся жестокому обращению в семье;

2) для беженцев, мигрантов, вынужденных переселенцев;

3) для лиц без определенного места жительства;

4) для беспризорных детей.

Здесь оказывались бы юридическая помощь, психологическая поддержка, велась реабилитационная работа и т. д.

Реабилитационные отделения при больницах для малоимущих людей, где не только проходило бы долечивание человека, но и велась работа с членами семьи больного, оказывались психологическая помощь и поддержка.

Филиалы службы занятости в микрорайонах занимались бы профориентационной работой с молодежью, помогали бы безработным и их семьям. Можно на базе филиалов создать подростковые биржи труда и биржи труда для инвалидов и пожилых людей.

Мы считаем, что такой характер организации позволит, с одной стороны, сохранить сложившиеся положительные традиции в оказании помощи, а с другой — учесть требования времени и тенденции развития социальной работы в целом.

Поступила 02.10.01.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В. Ф. ЛЕВИН, кандидат юридических наук,
С. Г. ПИЛИПЕНКО, преподаватель

Статус муниципальных органов как субъектов публичной власти определяется принадлежностью к системе местного самоуправления и в то же время обусловлен функциональной ролью, выполняемой ими в системе общегосударственного управления. Поэтому рассмотрение вопроса об исполнительных органах в системе местного самоуправления не может обойтись без определения их соотношения с системой исполнительной власти государства.

В литературе система исполнительной власти определяется как совокупность органов государственной власти, наделенных компетенцией в области государственного управления кадровыми, финансовыми, материальными, информационными и иными ресурсами, необходимыми для отправления деятельности методами и формами, конституционно определенными для данной ветви государственной власти Российской Федерации [7, с. 31]. Основной акцент, как видим, сделан на указании субъектов, осуществляющих исполнительную власть. Однако совокупностью соответствующих органов она, безусловно, не ограничена. Нельзя не согласиться с Ю. А. Тихомировым, полагающим, что исполнительная власть представляет собой систему со своими подсистемами — органами, служащими, правовым обеспечением, ресурсами и др. [8, с. 12]. В ней также следует выделять многочисленные функциональные и организационные связи, обеспечивающие единство и взаимодействие элементов. Кроме того, из свойств системы исполнительной власти нельзя исключить связи межсистемного характера, обусловленные ее положением как подсистемы государственной власти.

Разделение властей, на наш взгляд, означает не дробление ее на независимые друг от друга части, а лишь определенную деконцентрацию государственно-властных функций. Справедливым следует признать утверждение о том, что в основе разделения властей лежит идея единства и целостности государственной власти, поэтому разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную строится по функциональному принципу [11, с. 21]. Показательно, что в Конституции Российской Федерации наряду с принципом разделения властей провозглашен принцип единства системы государственной власти [1]. Такой подход позволяет понимать исполнительную власть не только в организационном смысле (как систему органов, наделенных соответствующими полномочиями), но и в функциональном (как одно из проявлений властного воздействия государства). Поэтому следует согласиться с определением исполнительной власти как подзаконной юридически-властной организующей деятельности исполнительно-распорядительных органов государственной власти, состоящей в практической реализации актов законодательной власти и управленческих функций государства [13, с. 17].

В то же время следует признать неразрывность связи функционального разделения государственной власти с организационным. Основанное на деконцентра-

© В. Ф. Левин, С. Г. Пилипенко, 2001

ции функционального характера построение ее системы выражается в организационном делении на подсистемы органов определенного типа (законодательные, исполнительные, судебные). Причем о действительном разделении властей позволительно говорить лишь в том случае, если каждая ветвь власти несколько обособлена в лице соответствующих органов и обладает достаточной самостоятельностью. Эволюция теории и практики разделения властей пришла к единственно возможному пониманию ее реальной сути: разделение властей в «работающем» варианте проявляется в организационной структуре государственно-властного механизма, между составными элементами которого соответствующим образом разграничиваются государственно-властные полномочия [12, с. 340].

Основной задачей *исполнительной* власти является обеспечение исполнения общих норм и правил, устанавливаемых государством. Если законодательные органы осуществляют общее регулирование публичных дел, то текущее государственное управление ими — прерогатива исполнительных органов. Причем «исполнение» здесь выражается не только и не столько в выполнении требований законодательства органами исполнительной власти, сколько во властном принуждении к такому выполнению граждан и их объединений, совершении многочисленных управленческих действий в целях реализации правовых норм. Такая общая оценка, естественно, не раскрывает в полном объеме функционального содержания исполнительной власти, однако позволяет определить ее роль в системе государственного управления.

В действующем законодательстве Российской Федерации субъектный состав исполнительной власти представлен федеральными органами исполнительной власти, их территориальными органами, создаваемыми для осуществления полномочий в регионах России, а также исполнительными органами государственной власти субъектов федерации. Такое деление обусловлено федеративным устройством нашего государства и служит интересам оптимизации государственного управления путем децентрализации государственно-властных функций и полномочий. Новейшей тенденцией в области формирования системы исполнительной власти является образование соответствующих органов в федеральных округах России [2, 3].

Распределение компетенции исполнительной власти по вертикали происходит на основе принципа децентрализации, предполагающего образование соответствующих органов на каждом уровне власти, в различных административно-территориальных единицах, и наделение их определенной частью соответствующих властных полномочий. Это позволяет обеспечить учет территориальных интересов и особенностей и рациональным образом «распределить обязанности» между органами разного уровня, предоставив вышестоящим органам полномочия общего характера, а нижестоящим — более конкретного. Как отмечает В. А. Юсупов, управленческая деятельность нижестоящего органа состоит из планирования, регулирования и контроля, задача вышестоящего органа управления заключается в более общем планировании, регулировании и контроле за работой нижестоящих органов [13, с. 63].

Очевидно, что компетенция исполнительной власти государства нуждается в реализации не только на федеральном и региональном, но и на муниципальном уровне. Соответственно ее организационная структура будет оптимальной при наличии в муниципальных образованиях соответствующих исполнительных органов. В отдельных случаях они формируются (например, создаются районные, городские отделы внутренних дел). Однако для реализации на местном уровне большинства государственных полномочий создание параллельных органам местного самоуправления властных структур нецелесообразно. Поэтому законодательством предусмотрена возможность передачи таких полномочий органам местного самоуправления. Возможность эта часто используется, и государственные полномочия составляют существенную часть правового статуса муниципальных исполнительных органов. В связи с этим высказывается мнение о том, что полной чистоты системы исполнительной власти в функциональном значении не получается, ибо

ст. 132 Конституции России расширяет диапазон выполнения государственных функций на основе передачи полномочий органам местного самоуправления [10, с. 5].

Такая ситуация не может не сопровождаться и возникновением вопроса о структурной организации системы исполнительной власти. Ограничены ли пределы ее субъектного состава только исполнительными органами власти федерального и регионального уровней, или есть достаточные основания для включения в него исполнительных органов местного самоуправления? Вопрос приобрел особую актуальность в сегодняшних условиях, когда во внутренней политике Российской Федерации наметилась явная тенденция усиления властной вертикали.

Учитывая предусмотренное Конституцией отделение органов местного самоуправления от системы органов государственной власти, мы не можем говорить о существенных организационных связях органов исполнительной власти муниципального уровня с соответствующими органами государственной власти. Это проследживается и в содержании Конституции России, в которой предусмотрено, что единую систему исполнительной власти образуют только федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения. Но такое условие единства позволяет утверждать о его функциональной основе. Ведь, по логике конституционных норм, оно отсутствует вне пределов федерального и совместного ведения. Обеспечивая исполнение законодательства, осуществляя полномочия по вопросам ведения Российской Федерации и совместного ее ведения с субъектами федерации, органы исполнительной власти федерального и регионального уровней действуют в рамках функционально единой системы. В пределах же ведения субъектов Российской Федерации соответствующие органы исполнительной власти реализуют свои полномочия независимо от федеральных органов, руководствуясь действующим законодательством. Таким образом, есть основания полагать, что выполнение исполнительными органами местного самоуправления функций по реализации законодательства, осуществление управления публичными делами придают им качества элементов функционально единой системы исполнительной власти.

Однако сегодня интерпретация принципа отделения органов местного самоуправления от системы органов государственной власти, который следовало бы понимать прежде всего в организационном аспекте — как невмешательство органов государственной власти в процессы их формирования, решение кадровых и дисциплинарных вопросов, охватывает и функциональное разделение государственных и муниципальных органов. Такой подход представляется неверным с теоретических позиций и нарушающим целостность системы управления государством — с практических. Решению проблемы интеграции муниципальных исполнительных органов в систему государственного управления может способствовать признание функциональным элементом системы исполнительной власти государства, что необходимо отразить и в законодательстве. Нельзя в этой связи не согласиться с мнением В. В. Куликова, что «функционально органы местного самоуправления дополняют систему управления государственного, но формально находятся вне ее, что еще раз свидетельствует об искусственности муниципального законодательства» [9, с. 15].

Муниципальные исполнительные органы осуществляют управленческую деятельность, направленную на реализацию решений представительных органов местного самоуправления, а также общих норм и правил, установленных государственной властью. Наличие властных полномочий придает такой деятельности особое качество — возможность принуждения граждан и их объединений к выполнению правовых норм. Таким образом, в целях исполнения, реализации правовых норм исполнительные органы местного самоуправления осуществляют распорядительство. По мнению К. С. Бельского, в государственном управлении исполнение и поведение следует рассматривать как две стороны одной медали: исполняя законы,

орган исполнительной власти своими предписаниями приводит в движение всю административную машину [5, с. 17].

Определяя задачей исполнительных органов и должностных лиц местного самоуправления обеспечение исполнения нормативных правовых актов государственной власти и местного самоуправления, уставы муниципальных образований предусматривают юридическую обязательность принимаемых ими решений. Например, в соответствии со ст. 49 Устава города Ростова-на-Дону к числу полномочий администрации города относится обеспечение на его территории соблюдения законов и иных актов органов государственной власти, осуществление контроля за соблюдением решений городской думы, постановлений мэра предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами. Мэр города, возглавляющий городскую администрацию, издает в пределах своей компетенции постановления и распоряжения, обязательные для исполнения на территории муниципального образования. Руководители органов и структурных подразделений администрации города издают приказы и иные правовые акты в пределах своей компетенции [4]. Таким образом, исполнительно-распорядительная деятельность осуществляется и на муниципальном уровне, причем не только исполнительными органами государственной власти, но и соответствующими органами местного самоуправления.

Необходимо подчеркнуть, что осуществление исполнительными органами местного самоуправления такой деятельности имеет место не только при выполнении переданных государственных полномочий, но и в рамках собственной компетенции муниципальной власти. Реализация решений нормативного характера, принимаемых представительными органами местного самоуправления, обеспечивается соответствующими исполнительными органами, что обусловливает надлежащее функционирование системы муниципального управления. Но следует также иметь в виду, что подавляющее большинство «вопросов местного значения» находится в пределах правовой регламентации и на федеральном, и на региональном уровнях. Решая их в процессе осуществления местного самоуправления, муниципальные исполнительные органы одновременно обеспечивают исполнение на территории муниципального образования действующего законодательства. Это подтверждает невозможность отнесения муниципальной власти к разряду власти общественной, ибо государственно-властная деятельность, в том числе обеспечение реализации законодательства, не может осуществляться субъектами негосударственной власти.

Таким образом, исходя из признания единства природы государственной и муниципальной власти и включения местного самоуправления в систему общегосударственного управления, отметим следующее. Выполнение исполнительными органами местного самоуправления управленческих функций в процессе исполнительно-распорядительной деятельности по реализации решений законодательных органов государственной власти и представительных органов местного самоуправления позволяет нам признать их составной частью системы исполнительной власти Российской Федерации. Такое мнение находит отражение и в трудах ведущих российских ученых-административистов. Например, авторы работы «Исполнительная власть в Российской Федерации», вышедшей в 1997 году, в число уровней исполнительной власти наряду с федеральным и субъектов федерации включают муниципальный. В. А. Юсупов в монографии «Научная организация исполнительной власти», изданной в 1998 году, исполнительные органы в системе местного самоуправления относит к числу органов исполнительной власти [6, с. 17 — 18; 13, с. 18].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации // Рос. газ. 1993. 25 дек.

2. О взаимодействии Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти с полномочными представителями Президента Российской Федерации в федеральных округах и схеме размещения территориальных органов федеральных органов исполнительной власти: Постановление Правительства РФ от 12 августа 2000 г. № 592 // Собр. законодательства РФ 2000. № 34. Ст. 3473.

3. Положение о Федеральном управлении Министерства юстиции Российской Федерации по федеральному округу (утв. приказом Минюста РФ от 3 августа 2001 г. № 235) // Рос. газ. 2001. 29 авг.

4. Устав города Ростова-на-Дону от 9 апреля 1996 г. (с изм. и доп.)//Ростов-официальный. 1996. № 26 — 27; 1997. № 1, № 15 — 16; 1998. № 20 — 21; 1998. № 43; 2001. № 17.

5. **Бельский К. С.** О функциях исполнительной власти // Государство и право. 1997. № 3. С. 14 — 21.

6. Исполнительная власть в Российской Федерации: Науч.-практ. пособие / Отв. ред. А. Ф. Поздравев, Ю. А. Тихомиров. М.: БЕК, 1996. 269 с.

7. Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития / Отв. ред. д-р юрид. наук И. Л. Бачило. М.: Юристъ, 1998. 432 с.

8. Исполнительная власть: организация и взаимодействие / Отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: Юрид. дом «Юстицинформ», 2000. 240 с.

9. **Куликов В. В.** Реформа местного самоуправления в России: теория и реальность // Государство и право. 2000. № 11. С. 13 — 17.

10. О концепции развития системы исполнительной власти в РФ // Государство и право. 1996. № 8. С. 3 — 32.

11. **Полянский И. А.** Правовая природа исполнительной власти и ее место в организации государственной власти // Правоведение. 1999. № 4. С. 18 — 27.

12. Разделение властей: история и современность: Спецкурс. М.: Юрид. колледж МГУ, 1996. 425 с.

13. **Юсупов В. А.** Научная организация исполнительной власти: Учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгоград. ин-та экономики, социологии и права, 1998. 152 с.

Поступила 16.10.01.

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В. П. ПЕТУРОВ, судебный пристав,
О. О. ТОМИЛИН, аспирант

Происходящие в нашей стране изменения в системе государственного управления не могли не повлечь реорганизацию работы органов и учреждений юстиции. Основные направления преобразований в этой области были определены Концепцией реформирования органов и учреждений юстиции, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 7 октября 1996 г. [2]. Концепцией предусматривается проведение организационных мер в системе органов и учреждений юстиции, многие из которых уже реализованы. Во исполнение задач, обозначенных в Концепции, приняты федеральные законы «О судебных приставах», «Об исполнительном производстве», «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», Указ Президента Российской Федерации «О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Остановимся на одном из направлений реформирования, касающемся системы исполнения выносимых судебных решений и актов иных органов. Статистика свидетельствует, что к 1997 г. (год принятия Федерального закона «Об исполнительном производстве» [1]) были не исполнены 2 343 202 исполнительных документа. Из всех сумм, назначаемых судами к взысканию на территории России, реально взыскивалось менее половины [5]. Причины — несовершенство нормативной базы, низкие материальная заинтересованность и социальная защищенность судебных исполнителей, отсутствие у многих судебных исполнителей соответствующей квалификации. Поэтому остро встал вопрос о каче-

© В. П. Петуров, О. О. Томилин, 2001

ствующем преобразовании системы исполнения судебных решений, по сути, о создании ее заново.

Исполнительное производство как стадия процесса, т. е. относительно самостоятельная, обособленная его часть, должно иметь вместе с тем признаки, присущие и иным стадиям процессуальной деятельности. Среди них назовем правовую основу, определяющую порядок, сроки совершения процессуальных действий, статус их участников. Это Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, а также Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, нормы которых устанавливают и порядок исполнения решений, выносимых согласно этим нормативным правовым актам. Включение в структуру данных кодифицированных актов правил исполнительного производства обосновано и закономерно. Исполнительное производство является логическим завершением процесса рассмотрения дела об оспариваемом либо нарушенном праве и направлено на реальное выполнение вынесенного по делу решения или другого акта. В то же время специфика регулируемых отношений обусловливает и некоторые различия в процедуре исполнения решений судов общей юрисдикции, арбитражных и третейских судов, актов иных органов. Российские законодатели, по-видимому, посчитали, что таких разночтений слишком много, и унифицировали правила исполнения выносимых решений, приняв Федеральный закон «Об исполнительном производстве». Положения закона регламентируют порядок принудительного исполнения решения, другого акта независимо от того, какой субъект его вынес и по какому вопросу (п. 1 ст. 7).

Положительный эффект от принятия такого закона несомненен. Вместе с тем его принятие повлекло за собой целый ряд проблем, обусловленных новшествами, внесенными в процедуру исполнительного производства. Речь идет, в первую очередь, о весьма существенных расхождениях с действующим законодательством. Вот лишь некоторые из них. К примеру, ст. 66 Федерального закона и ст. 383 Гражданского процессуального кодекса РСФСР по-разному определяют размер удержаний из заработной платы и иных видов доходов должника. Согласно закону с должника может быть удержано не более 50 % получаемых доходов. В случаях взыскания алиментов на несовершеннолетних, при возмещении вреда, причиненного здоровью, возмещении вреда лицам, понесшим ущерб в результате смерти кормильца, а равно возмещении ущерба, причиненного преступлением, размер удержаний не должен превышать 70 %. Кодекс устанавливает меньший размер удержаний — 20 % от заработной платы и иных доходов должника. По указанным выше основаниям размер удержаний не может быть больше 50 %. Судебные приставы в данном случае руководствуются правилами закона «Об исполнительном производстве», нормы которого выступают по отношению к нормам Гражданского процессуального кодекса как специальные.

Рассмотрим еще одно весьма существенное несоответствие норм Федерального закона «Об исполнительном производстве» нормам процессуальных кодексов. Напомним, что исполнительное производство — стадия, хотя и специфичная, гражданского, арбитражного процесса, производства по делу об административном правонарушении. Ключевой фигурой процессуальной деятельности является субъект (орган или должностное лицо), обладающий исключительным правом разрешить спор между сторонами по существу. В подавляющем большинстве случаев это суд. Именно данный субъект определяет поведение всех участников процесса, в том числе и судебного пристава-исполнителя. Поэтому можно предположить, что полномочия судебного исполнителя по исполнению вынесенного акта предопределяются полномочиями суда. Однако анализ положений Федерального закона показывает, что произошло значительное «усиление» позиций приставов посредством предоставления им широких полномочий для осуществления возложенных на них функций: от права на получение при совершении исполнительных действий необходимой информации, объяснений и справок до принудительного привода лиц, уклоняющихся от явки к судебному приставу-исполнителю.

Следует отметить, что часто полно-

мочия судебного пристава-исполнителя вступают в противоречие с полномочиями суда. Приведем примеры. В случае выбытия одной из сторон (смерть физического лица, реорганизация юридического лица и т. д.) Гражданский процессуальный кодекс (ст. 40) и Арбитражный процессуальный кодекс (ст. 40) наделяют суд правом заменить выбывшую сторону правопреемником. Федеральный закон в ст. 32 прямо обязывает судебного пристава-исполнителя своим постановлением произвести замену выбывшей стороны в порядке, определенном федеральным законом. О каком законе говорится в данном случае? По логике вещей это либо Гражданский процессуальный, либо Арбитражный процессуальный кодекс. В чем же тогда смысл названных положений закона «Об исполнительном производстве»?

Другой пример. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» дает приставу право налагать штраф за совершение действий, указанных в ст. 85 — 87. Во всех названных случаях пристав выносит постановление, которое должно быть утверждено старшим судебным приставом и может быть обжаловано в суд в течение десяти дней. Однако и суды (арбитражные и общей юрисдикции) также вправе налагать денежные взыскания за аналогичные деяния. Так, в случае неисполнения без уважительных причин исполнительного документа должником пристав имеет право оштрафовать его в размере до 200 минимальных размеров оплаты труда (п. 1 ст. 85). Согласно п. 3 ст. 206 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации арбитражный суд может наложить за подобные действия штраф в таком же размере. Причем в Законе «Об исполнительном производстве» указано, что при последующих нарушениях новых сроков исполнения размер штрафа удваивается (п. 2 ст. 85). При совершении деяний, перечисленных в п. 1 ст. 87 Федерального закона (невыполнение законных требований судебного пристава-исполнителя, утрату исполнительного документа и т. д.), пристав имеет право наложить штраф до 100 минимальных размеров оплаты труда. В соответствии со ст. 344 Гражданского процессуального кодекса РСФСР «утрата исполнительного документа должностным лицом влечет штраф до 100 минимальных размеров оплаты труда». В кодексе говорится, что в данном случае суд выносит определение по представлению судебного пристава.

Понятно, что предоставление судебному приставу-исполнителю права налагать денежные взыскания необходимо для обеспечения выполнения своих обязанностей всеми субъектами, участвующими в исполнительном производстве, и в первую очередь самим должником. Именно пристав быстрее и проще может обеспечить реальное исполнение вынесенного решения, устранив при этом имеющиеся препятствия. Поэтому наделение его такими широкими правами оправдано. Следует привести положения и кодексов и закона в соответствие друг с другом, устранив существующее дублирование полномочий.

Есть еще один момент, не нашедший отражения в Законе «Об исполнительном производстве»: куда зачисляются суммы штрафов, налагаемых судебными исполнителями. В Республике Мордовия штрафы поступают в местный бюджет, а в Воронежской области, например, перечисляются на счет Службы судебных приставов [3].

Интересна юридическая природа штрафа и в связи с этим ответственности, к которой привлекаются граждане, должностные лица и организации постановлением судебного пристава. Отметим кратко, что, придерживаясь традиционного подхода, можно выделить следующие виды юридической ответственности: уголовная, административная, гражданско-правовая, дисциплинарная и материальная. Штраф, являясь мерой ответственности, предусмотрен в качестве уголовного наказания и административного взыскания. Поэтому многие из приставов полагают, что это, скорее всего, административный штраф. Однако в разделе III Кодекса РСФСР об административных правонарушениях судебные приставы-исполнители не названы в качестве субъектов административной юрисдикции, т. е. лиц, имеющих право налагать административные взыскания. Не ясна и правовая природа самих деяний, за совершение которых установлен штраф. Можно ли их отнести к административным правонарушениям (проступкам)? Думается, что данное взыскание следует отнести

к мерам (средствам) процессуального принуждения, применяемым уполномоченными субъектами для обеспечения надлежащего исполнения процессуальных обязанностей всеми лицами, участвующими в деле.

Деятельность судебных приставов-исполнителей затруднена и иными обстоятельствами, не связанными с пробелами или противоречиями в действующем законодательстве. Приведем некоторые моменты. Исполнение исполнительных документов о взыскании алиментов — это один из сложнейших участков в деятельности судебного пристава. Обусловлено это многими факторами, главными среди которых являются низкий уровень жизни основной массы населения страны и отсутствие действенных санкций за уклонение от уплаты алиментов. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» содержит общие правила исполнения исполнительных документов о взыскании алиментов, ссылаясь на Семейный кодекс Российской Федерации. Нередко алименты выступают в качестве единственного источника дохода семьи, несвоевременная уплата которых может повлечь отрицательные последствия для их получателей — нетрудоспособных граждан, несовершеннолетних детей. Семейным кодексом предусмотрены два способа взыскания (уплаты) алиментов: заключение соглашения об уплате алиментов и судебный порядок. Последний наиболее распространен. В соответствии со ст. 112 кодекса взыскание алиментов производится из заработка и (или) иного дохода должника, иных денежных средств должника, находящихся на счетах в банках и иных кредитных учреждениях; при недостаточности этих средств взыскание обращается на любое имущество лица, обязанного выплачивать алименты, на которое по закону может быть обращено взыскание. Часто этого имущества у должника нет, поэтому со временем скапливается задолженность, исчисляемая иногда десятками тысяч рублей. К примеру, в Республике Мордовия практически каждое второе лицо, обязанное уплачивать алименты, не работает, а работа, предлагаемая Центром занятости, его не устраивает. Как правило, имущества, подлежащего описи и аресту, у данной категории лиц не имеется.

Практика исполнения исполнительных документов (исполнительных листов, судебных приказов) о взыскании алиментов указывает на то, что карательные меры, установленные российским законодательством за злостное уклонение от уплаты алиментов, являются недостаточно эффективными. За несвоевременную уплату алиментов в Семейном кодексе установлена имущественная ответственность. Однако размер неустойки, предусмотренной в ст. 115 кодекса, невелик, а реализация этой меры затруднительна. Не помогло и установление уголовной ответственности за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации). Весьма трудно доказать злостный характер действий лица по уклонению от исполнения своей обязанности по содержанию детей или родителей.

В этом плане показателен зарубежный опыт обеспечения действенности механизма принудительного исполнения обязанности по содержанию несовершеннолетних детей. Так, в ряде американских штатов существует такая мера, как ограничение или лишение должника права, предоставленного ему законом. Наиболее эффективным считается приостановление (отзыв) водительских прав. В штате Мэриленд, как и во многих других штатах, применение этой меры не исчерпывает способы обеспечения исполнения алиментного обязательства. Должник, чья профессиональная деятельность осуществляется на основе специальной лицензии (врачи, юристы, преподаватели и др.), рискует своей лицензией, которая может быть отозвана в случае неисполнения им обязанности по выплате сумм, причитающихся на содержание несовершеннолетних детей. Более того, в штате Мичиган лица, имеющие задолженность по выплатам этой категории, не вправе рассчитывать на получение специальных разрешений на охоту, рыбалку, занятия различными видами водного спорта [4].

Частным случаем является взыскание алиментов в отношении граждан РФ, обязанных уплачивать алименты и выехавших на постоянное место жительства в иностранное государство. Вопрос этот также не-

достаточно урегулирован законом, и решение проблемы зависит прежде всего от того, как далеко за пределы Российской Федерации выезжает должник. Если он находится в странах СНГ, за исключением Туркмении, которая не подписала соглашение от 9 сентября 1994 г. «О гарантиях прав граждан в области выплаты социальных пособий, компенсационных выплат семьям с детьми и алиментов», то на соответствующих территориях исполнительные документы, выданные российскими судами, и акты, выносимые судебными приставами-исполнителями, имеют юридическую силу. Если речь идет о должнике, отбывшим за пределы России, то необходимо соглашение Российской Федерации с данным государством о правовой помощи по гражданским и семейным делам.

Таким образом, трудностей в работе судебных приставов-исполнителей немало. Но, несмотря на это, со времени организации Службы судебных приставов повысилась эффективность исполнительного производства: увеличилось количество реально исполненных решений и соответственно взысканных денежных сумм. Приведем некоторые данные о работе Службы судебных приставов Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Мордовия, которая была учреждена 5 мая 1998 г. За первое полугодие 2001 г. было возбуждено 40 278 исполнительных производств (за аналогичный период 1999 и 2000 гг. соответственно 49 115 и 56 741). Окончено 36 076 производств за 2001 г., 36 812 — за 2000, 45 086 — за 1999 г. За первые шесть месяцев 2001 г. судебными приставами-исполнителями было взыскано 217 653 000 руб., что составляет 16,4 % от общей суммы, подлежащей взысканию (1 328 413 000 руб.). В доход государства перечислено: по налоговым платежам — 32 630 000 руб.; по таможенным платежам — 6 000; сумма штрафов, государственной пошлины и других взысканий — 3 744 000 руб.; кроме того, взыскателям по исполнительным документам — 177 529 000 руб. За первые шесть месяцев 1999 г. было взыскано 61 877 776 руб. из 285 720 101 руб. (21,7 %), за тот же период 2000 г. — 109 628 008 руб. из 1 134 295 465 руб. (9,7 %).

В заключение можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, более чем трехлетний опыт функционирования системы исполнения судебных решений убедительно доказал необходимость существования обособленного звена в системе государственных органов — Службы судебных приставов. Во-вторых, имеющаяся на сегодня правовая основа деятельности судебных приставов-исполнителей не в полной мере позволяет решать вопросы, возникающие в практической деятельности исполнителей. Федеральный закон «Об исполнительном производстве», нормы которого регламентируют вопросы принудительного исполнения решений судов, иных субъектов, содержат пробелы в правовом регулировании соответствующих отношений, противоречат нормам других нормативных правовых актов. В-третьих, существуют объективные трудности в деятельности судебных исполнителей, обусловленные проблемами социального и экономического развития России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. // Собр. законодательства Российской Федерации. 1997. № 30. Ст. 3591.

2. Об утверждении Концепции реформирования органов и учреждений юстиции Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 7 октября 1996 г. // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 42. Ст. 4806.

3. **Анохин В.** Квалификация правоотношений по исполнительному производству // Хозяйство и право. 2000. № 4. С. 85 — 93.

4. Исполнение судебных решений судебными приставами-исполнителями по делам о взыскании алиментов и делам, связанным с воспитанием детей: По итогам семинара «Содействие Службе судебных приставов». М., 2000. 124 с.

5. **Кононов О. В., Кокарев Ю. Г.** Судебные приставы: вчера, сегодня, завтра // Государство и право. 1999. № 1. С. 74 — 78.

Поступила 02.10.01.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В МОРДОВИИ в 1930 — 1950-х гг.

И. Е. АВТАЙКИН, кандидат исторических наук

Республика Мордовия в короткие исторические сроки достигла такого интеллектуального уровня, духовного роста, что проводит не только вузовские, но и республиканские, всероссийские научные и научно-практические конференции по различным проблемам, в том числе по проблемам культуры. И это несомненный результат всего того, что было сделано в 1930 — 1950-е гг. в области культуры и культурного строительства как в стране, так и в Мордовии.

Меня, как работника системы образования почти с 50-летним стажем, порадовала конференция «Культурное строительство Мордовии 1930 — 1950 гг.», проведенная в апреле 2000 г. Программа конференции, на мой взгляд, была очень насыщенная и актуальная. Она охватывала широкий круг проблем культурного строительства в Мордовии в предвоенные и послевоенные годы. Их обсуждение внесло немалый вклад в научную разработку до сих пор крайне слабо изученной страницы истории республики с учетом нового уровня исторического познания.

Полагаю, выражу общее мнение, что настало время глубже и шире, объективно, на научной основе осмыслить, оценить, определить подходы к тому, что было сделано в области культурного строительства в 1930 — 1950-е гг. в Мордовии. С этой точки зрения конференция была своевременной и вполне оправданной.

Попытаюсь глазами не только очевидца, но и непосредственного участника культурного строительства в указанные годы посмотреть на некоторые аспекты рассматриваемой проблемы. Считаю, это необходимо еще и потому, что в наши дни, в условиях господства антисоциализма и антикоммунизма, делаются огромные усилия исказить действительность, представить ее только в черных красках и этим самым ввергнуть молодых людей в беспамятство, посеять в них не только сомнение, но и отрицание целого пласта истории созидания. Разве это в интересах укрепления России, развития ее народов, повышения нравственности людей? Словами «коммунизм», «коммунист» стали пугать россиян, как некоторые родители пугают своих детей милиционером.

«Московский комсомолец в Саранске» пишет: «...Предвыборная кампания 1996 г. строилась на культивировании страха перед возвращением большевиков. Хоть кто, но не коммунист Зюганов» [14].

Известный писатель Ю. Поляков обратил внимание на наши учебники по истории. По его мнению, они сегодня рассказывают учащимся о том, что российская история — сплошная кровь, насилие, жертвы, разрушения. Но ведь это полуправда. Хорошо известно, история России и ее регионов чрезвычайно богата своей самобытностью, героическими и мужественными страницами, многочисленными талантами, прекрасной многонациональной культурой. Грешно это замалчивать, тем более фальсифицировать, отрицать.

По проблемам культурного строительства в республике имеется немалая литература. Ее, на мой взгляд, условно можно разделить на советскую и постсоветскую. Из советских авторов интерес вызывают работы Л. Л. Киселева [11], Т. И. Сандиной [15], В. В. Кирдяшкина [10], В. Л. Житаева [6], Б. Бассаргина и В. Пешеновой [14], Н. Е. Адушкина [1], В. С. Ивашкина [7], В. П. Бочкарева [3], В. С. Брыжинского [4] и др. Содержательный материал по культуре Мордовии сосредоточен в общих исторических работах [5, 9]. Примечательно, что опубликованы и сборники документов и материалов [12].

В этих работах с марксистских позиций освещаются сложный, многотрудный, неоднозначный, противоречивый процесс

© И. Е. Автайкин, 2001

создания и развития социалистической культуры, становление и упрочение советской системы образования, формирование социалистической интеллигенции, деятельность культурно-просветительных учреждений, научных организаций, творческих союзов. Безусловно, многое в них устарело, порой дается неоднозначная трактовка тех или иных фактов культурной жизни республики. Главным образом показываются количественные параметры культурного строительства без глубокого и всестороннего анализа. Но при этом необходимо учитывать время, в какое они издавались. Ибо методология и методика проведения анализа тогда были совершенно другими. Но это вовсе не означает, что они утратили свое значение, напротив, требуют глубокого историографического анализа. Думается, молодые историки, лишенные тенденциозности, смогут справиться с этой задачей.

К сожалению, постсоветские авторы впадают в другую крайность — отрицают значимость прошлых свершений, прошлого созидания и в экономике, и в политике, и в культуре. Прошлое они стремятся представить в искаженном виде. Если советское, то негодное, сделано не так. На мой взгляд, на авторов постсоветского времени оказали влияние современные политики, их политика откола от своего прошлого. Еще В. О. Ключевский в свое время сказал, что политики в лучшем случае искажают, подминают под себя историю, в худшем они ее отрицают. Наука не может идти по этому пути. Она воссоздает подлинную историческую картину.

В культурной жизни республики 1930 — 1950-е гг. занимают видное место. Это годы образования, становления и развития мордовской государственности, годы создания социалистической экономики, годы огромных преобразований в духовной жизни трудящихся, годы победы над фашистской Германией. Достаточно открыть статистический сборник «Мордовская АССР за годы Советской власти (в цифрах)» и увидеть многочисленные данные роста экономики и культуры мордовского края. Например, если в 1914/15 учебном году в Мордовии было 787 школ, то в 1945/46 — 1 324. Обучалось в них соответственно 58 и 161,2 тыс. учащихся. Учителей было 1 600 и 7 900 человек. В 1914/15 учебном году в нашем крае отсутствовали средние специальные и высшие учебные заведения, в 1945/46 учебном году в трех высших и 16 средних специальных учебных заведениях обучалось свыше 7 тыс. студентов [13, с. 155].

В 1955 г. Мордовский государственный педагогический институт осуществил двадцатый выпуск специалистов. На 19 его кафедрах было свыше 150 преподавателей, в том числе 43 профессора и доцента. На очном и заочном отделениях обучалось 4 600 студентов. За двадцать лет пединститутом подготовлено 6 750 учителей различных специальностей [16]. В 1913 г. в Мордовии насчитывалось только 66 врачей, а в 1961 г. их стало 806. Число клубных учреждений за эти годы увеличилось более чем в 150 раз — с 5 до 768 [13, с. 167, 172].

В 1930 — 1950-е гг. в Мордовии шел процесс становления и развития профессионального театра, искусства, литературы, науки и печати. Сегодня мы можем назвать целую когорту замечательных людей, талантливых артистов, художников, литераторов, научных работников, инженеров, учителей, врачей и рядовых тружеников, героев Великой Отечественной войны и труда, вышедших из 1930 — 1950-х гг., прославивших свою республику, свой народ, свою страну [8]. Вот некоторые имена: И. М. Яушев — заслуженный артист России; Г. Я. Меркушкин — педагог, ученый, драматург; П. Л. Иркаев — заслуженный поэт Мордовии; М. Н. Антонова — народная и заслуженная артистка РФ и РМ; В. А. Попков — заслуженный художник РФ; Г. И. Сураев-Королев — заслуженный деятель искусств РФ и РМ; В. П. Акашкин — заслуженный артист РФ и РМ; К. Г. Абрамов — народный писатель; М. Л. Сайгин — заслуженный писатель РМ; И. М. Левин — народный поэт; М. П. Девятаев — летчик, Герой Советского Союза; М. А. Пуркаев — генерал армии; В. И. Ельмеев — доктор философских и экономических наук; И. С. Клемашев — доктор медицинских наук; Н. И. Атясов — доктор медицинских наук; И. Н. Пикин — доктор медицинских наук и многие другие.

Вместе с тем 1930 — 1950-е гг. время не только успехов и достижений. Наша республика, как и вся страна, в этот период пережила волны репрессий, разрушения храмов. Совершенно справедливо на конференции уделялось внимание и этим проблемам. Замечу, что в исторической литературе они практически не разработаны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Адушкин Н. Е.** Народная, национальная, социалистическая. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. 136 с.
2. **Бассаргин Б., Цепенова В.** Очерки истории мордовского советского театра: 1930 — 1960. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. 248 с.
3. **Бочкарев В. П.** Культура на марше. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1970. 108 с.
4. **Брыжинский В. С.** Народный театр мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983. 168 с.
5. Все о Мордовии: Энцикл. справ. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1997. 720 с.
6. **Житаев В. Л.** Культурное строительство в Мордовии. 1960 — 1970 гг. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. 140 с.
7. **Ивашкин В. С.** Формирование советской интеллигенции в Мордовии (1917 — 1941). Саранск: Мордов. кн. изд-во. 1972. 160 с.
8. История Мордовии в лицах: Библиогр. сб. Саранск: Б. и., 1997. Кн. 2. 592 с.
9. История Мордовской АССР: В 2 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. Т. 2. 430 с.
10. **Кирдяшкин В. В.** Мордовия на пути ко всеобщему среднему образованию. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973. 158 с.
11. **Киселев А. Л.** Социалистическая культура Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959. 319 с.
12. Культурное строительство в Мордовии: Сб. док.: В 2 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986 — 1988. Т. 1. 392 с.; Т. 2. 384 с.
13. Мордовская АССР за годы Советской власти (в цифрах): Стат. сб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967. 196 с.
14. Московский комсомолец в Саранске. 2000. 30 марта — 6 апр. С. 6.
15. **Сандина Т. И.** Развитие народного образования в Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. 208 с.
16. Сов. Мордовия. 1955. 3 июля.

Поступила 22.03.01.

РУКОВОДЯЩИЕ КАДРЫ МОРДОВПОТРЕБСОЮЗА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

П. И. КУЛЬКОВ, кандидат философских наук

В конце 30-х годов кооперативные организации Мордовии практически утратили свою хозяйственную и экономическую самостоятельность. Систематические «чистки» кадров, особенно в 1937 г., свертывание их подготовки и переподготовки привели к крупным провалам в работе кооперативной системы республики. План товарооборота в 1937 г. Мордовпотребсоюз выполнил всего на 85,4 %.

В феврале 1938 года руководителем кооператоров Мордовии стал И. М. Ключев. На должности председателя правления Мордовпотребсоюза он работал до 24 августа 1940 г., когда был откомандирован на учебу в академию внешней торговли. В момент назначения на эту ответственную должность ему было 26 лет. Молодой руководитель понимал, что нельзя решать хозяйственно-культурные вопросы

© П. И. Кульков, 2001

без инициативных, знающих свое дело кооперативных кадров. В 1938 г. при Мордовпотребсоюзе начал функционировать учебный комбинат, где готовились специалисты массовых профессий. Энергичный руководитель остро ставит перед Центросоюзом СССР и РСФСР вопрос об открытии в Саранске кооперативного техникума. 17 ноября 1938 г. бюро Мордовского ОК ВКП(б) принимает решение о его организации. В своем постановлении обком просил президиум Центросоюза СССР и РСФСР организовать в 1939 г. кооперативный техникум в Саранске и включить в план капиталовложений 1939 г. строительство здания с затратами 500 тыс. руб. Но эта просьба не нашла положительного отклика. Поэтому правление Мордовского потребсоюза 19 апреля 1939 г. просит Центросоюз «ускорить решение вопроса об открытии в Мордовии годичной бухгалтерской школы» [1, д. 164, л. 24].

Вдумчивая работа с кадрами, привлечение молодых специалистов — выпускников техникумов и кооперативных вузов к руководству управлениями и отделами центрального аппарата потребительской системы республики дали положительные результаты. План товарооборота кооператоры республики в 1938 г. выполнили на 105,4 %. Были перевыполнены планы товарооборота, общественного питания и хлебопечения и в 1939 г. Правда, таких успехов достигли не все отрасли кооперативного хозяйства. Так, в 1938 г. план по заготовке яиц был выполнен лишь на 81 %, закупу масла — на 74,1 %, щетины — на 40,3 %, мехового сырья — на 48,6 %. Из 183 организаций сельпо и горпо 82 были убыточными [1, д. 169, л. 2, 20, 21].

Молодым был не только руководитель кооператоров Мордовии, но и другие руководящие работники. Его заместителем по торговле был выпускник Пензенского кооперативного планово-экономического техникума В. Я. Кротов. Сначала он работал секретарем райкома комсомола в Дубенках, Темникове, заведующим физхозсектором Мордовского ОК ВЛКСМ. С декабря 1940 по февраль 1942 г. В. Я. Кротов — председатель правления Мордовпотребсоюза. В 1942 г. он утверждается наркомом торговли Мордовской АССР, в 1945 г. переводится в наркомат торговли РСФСР [4, д. 211, л. 14, 24, 37]. Впоследствии он был председателем правления потребкооперации Киргизии.

В 1939 г. заместителем председателя Мордовпотребсоюза по кадрам был назначен А. В. Сертаков. 20 января 1942 г. он освобожден от занимаемой должности в связи с призывом в армию. В 1921 году он закончил годичный рабоче-крестьянский университет, в 1931 г. — годичные курсы руководящих работников Наркомснаба СССР в г. Саратове. С 1935 по 1938 г. работал начальником политотдела совхоза «Красноармеец» (с. Торбеево Мордовской АССР).

В 1939 г. Центросоюз направил в Саранск в качестве преподавателей учебного комбината группу выпускников кооперативного вуза. Среди них Г. И. Арсентьев, П. Т. Докука, Т. А. Маврина, Е. М. Бутурова, Г. И. Евстратенков. В январе 1941 г. была открыта кооперативная школа. Ее директором был назначен выпускник исторического факультета Мордовского пединститута Т. И. Борисов.

В 1938 г. начальником управления по заготовкам Мордовпотребсоюза стал Г. Ф. Бердников. В 1934 г. он закончил Воронежский институт потребительской кооперации, получил специальность товароведа-технолога по мясным и птичным продуктам. С 12 февраля 1942 г. по 31 августа 1944 г. он работал председателем правления Мордовпотребсоюза [4, д. 664, л. 12, 20, 24, 35].

С началом Великой Отечественной войны кооператоры республики работали в экстремальных условиях. Многие работники, в том числе и руководители, были призваны в Красную Армию. Были отправлены на фронт А. В. Сертаков, Т. И. Борисов, инструктор орготдела С. В. Янкин, руководитель Саранской районной заготконторы Ф. Ф. Коршов. Вернувшись в 1943 г. с фронта, Ф. Ф. Коршов исполнял обязанности директора Саранской районной заготконторы. За успехи в труде награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Мордовской АССР, значком «Отличник советской потребительской кооперации».

В связи с войной руководство потребсоюза республики стремилось создать необходимый резерв для выдвижения и замены работников, уходящих на фронт, требовало установить строгий учет номенклатурных кооперативных работников. Однако уже в декабре 1941 г. правление констатировало, что отдел кадров не обеспечил полного учета номенклатурных работников системы, не был создан необходимый резерв для выдвижения и замены ответственных работников, уходящих в Красную Армию. План подготовки и переподготовки основных кооперативных кадров также выполнялся неудовлетворительно.

Кадровая проблема в системе потребительской кооперации резко обострилась в 1943 и особенно в 1944 г. Мобилизация наиболее активных и опытных работников, приход к руководству малоопытных кооперативных кадров привели к крупным недостаткам в деятельности кооперативных организаций. Правительство республики 19 января 1945 г. рассмотрело вопрос «О работе потребительской кооперации Мордовской АССР за 1944 г.» В этом документе отмечается, что кооператоры республики в 1944 г. работали неудовлетворительно. План выработки товаров широкого потребления собственными предприятиями выполнен на 28,8 %, план по торговле — на 9,8 %, по общественному питанию — на 12,9 %. Планировалось получить мясопродуктов 900 центнеров, а получили только 30, урожайность зерновых составила 4,5 центнера, картофеля — 15, овощей — 28 центнеров с гектара. План заготовок картофеля выполнен на 82 % [2]. Одной из причин неудовлетворительной работы кооператоров правительство республики считало то, что руководство Мордовпотребсоюза слабо занималось подбором и воспитанием кадров, не вело борьбы за очищение потребительской кооперации от жуликов и воров. План подготовки кадров через курсовую систему сорван, аппарат райпотребсоюзов не укомплектован, имеется большая текучесть кадров.

На этот же недостаток указывал и Мордовский ОК ВКП(б). В одном из его документов отмечалось, что в 1943 г. сменился 71 председатель райпотребсоюзов, 77 директоров заготконтор. Даже в центральном аппарате Мордовпотребсоюза 35 % руководящих работников работали в торговой системе первый год, 27 % — до двух лет. Из 65 руководящих работников райпотребсоюзов 24 человека, или почти 37 %, также работали в торговой системе первый год. В этом документе отмечается, что начальником торгового управления Мордовпотребсоюза работает В. М. Кулрявцев, имеющий 7-классное образование (в системе потребкооперации с 1942 г.); производственное управление возглавляет И. С. Стрельцов, работающий в этой системе с 1941 г. и имеющий лишь начальное образование; Егупова, работающая старшим товароведом, товароведение не знает, так как в прошлом она музейный работник; товаровед Ситникова закончила бухгалтерские курсы, работала бухгалтером, товароведение не знает [3].

Бюро Мордовского ОК ВКП(б) рассмотрело вопрос о председателе правления Мордовпотребсоюза Г. Ф. Бердникове и признало его работу неудовлетворительной. 31 августа 1944 г. он был освобожден от занимаемой должности как не справившийся с работой. Руководителем кооператоров Мордовии был утвержден Н. Г. Поршаков, работавший до этого заместителем наркома торговли республики. В 30-е годы он занимал различные руководящие должности в кооперативной системе Мордовии. Был заместителем председателя Ковылкинского райпотребсоюза, председателем Инсарского райпотребсоюза, директором Саранской межрайбазы Мордовского потребсоюза, в 1940 — 1942 гг. — председателем Зубово-Полянского райпотребсоюза. С 28 февраля 1942 г. по 1 апреля 1943 г. служил в армии. С августа 1943 г. — заместитель наркома торговли МАССР

После окончания Великой Отечественной войны работа потребительской системы республики стала улучшаться. Уже в 1945 г. в сравнении с 1944 г. на 9 точек увеличилась ее торговая сеть, государственный план розничного товарооборота был выполнен по городу на 108,7 %, по селу — на 99,9 % [5].

За годы войны кооператоры республики дали для снабжения армии сушеного картофеля и овощей 1 691 тонну, отчис-

лили в виде воепного займа на нужды фронта 22 млн рублей, отправили несколько вагонов подарков для бойцов, находящихся на фронте и в госпиталях [1, д. 168, л. 75].

Переход на мирные условия проходил нелегко. Важной причиной возникших трудностей был низкий уровень профессиональной и культурной подготовки руководителей и специалистов не только сельских потребительских обществ, но и районного и республиканского звена. Следует отметить, что по образовательному, профессиональному уровню руководящие кадры потребкооперации республики в конце войны и в первые послевоенные годы уступали специалистам и руководителям Мордовского облпотребсоюза начала 30-х годов. Так, если на 15 апреля 1930 года среди руководителей и специалистов облпотребсоюза четверо имели высшее образование и двое незаконченное высшее, то на 1 июля 1946 года в центральном аппарате Мордовпотребсоюза из 81 работника только один имел высшее образование; 15 человек — среднее специальное; среднее и незаконченное среднее образование — 51, начальное — 14 человек; из 32 председателей райпотребсоюзов не было ни одного человека с высшим и средним специальным образованием, 10 из них имели среднее и незаконченное среднее образование, начальное — 22 человека. Из всех работников руководящего состава и специалистов Мордовпотребсоюза двое имели высшее образование, среднее специальное — 17, среднее и незаконченное среднее — 175, начальное — 102 человека [1, д. 293, л. 171].

В феврале 1948 г. прошел III съезд работников потребкооперации Мордовии, который поставил задачу добиться того, чтобы все руководители республиканского и районного звена имели высшее или среднее специальное образование. Такая задача для системы потребительской кооперации республики была актуальной, но трудновыполнимой. Из архивных документов видно, что даже в составе правления Мордовпотребсоюза, избранного на III съезде кооператоров, преобладали лица, не имеющие даже полного среднего образования. Высшее образование имел только заместитель председателя правления по кадрам П. В. Самарин. Он закончил в 1934 г. Всесоюзный коммунистический сельскохозяйственный университет. Председатель правления Н. Г. Поршаков имел незаконченное среднее образование. Из числа членов правления только А. И. Щетинина имела специальное образование — она закончила Пензенский кооперативный техникум. Поэтому предметом особой заботы для руководства Мордовпотребсоюза послевоенных лет стала подготовка специалистов со средним специальным и высшим образованием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ЦГА РМ, ф. 11, оп. 1
2. ЦГА РМ, ф. 228, оп. 1, д. 1049, л. 86.
3. ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 18, д. 664, л. 33, 46, 47, 48.
4. ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 19.
5. ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 22, д. 980, л. 7, 8, 28, 33, 42.

Поступила 26.07.01.

ОСВОЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ МЕТРИКИ В МОРДОВСКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ПОЭЗИИ

А. П. ФЕОКТИСТОВ, кандидат философских наук

С первых дней своего существования мордовская поэзия развивается под флагом освоения художественно-эстетических ценностей устно-поэтического творчества и классической литературы. Оказавшись в фарватере мощных художественных стихий и окунувшись в самые их глубины, мордовская оригинальная поэзия за исторически короткий срок достигла высоких вершин искусства слова и слога.

Начало было положено в XVIII в., в эпоху «призрачной славы» и «жалкой подражательности» [6, с. 182], когда и на мордовские языки пытались переводить и сочинять на них ораторские «речи» хвалебного содержания. Среди последних были также панегирические канты. Вот один из образчиков подобных «речей» в переводе на эрзянский язык [2]:

Мязень тантемань мари ней мииск сядейнск.
Покшт кульцунцят и пара промкс
Вяземодс вадря миняиск неляк.
Мииск тонавтомонь кульцонодо ней парсте,
Теде паро тявьдс арась мязсяк;
Тонавтомо ломанень и пазнень вяльть паро
неяьи.

Мель теса тонавтозь
Радуцкипутянок, сюпалгатыванок
И вяльть иень ялдозанок.
А тон, Инеяке паз, виевть вяземень,
Конат теса тонавтлить эсь славазот,
Церковапонь, инязоро аванень.

Другую такую панегирику опубликовал Н. И. Новиков в типографии Московского университета в 1782 г. под названием «Сочинения в прозе и стихах, на случай открытия Казанского наместничества, в публичном собрании на разных языках говоренные в тамошней семинарии декабря 26 дня, 1781 года». «Стихи мордовские» в этих «Сочинениях...» были написаны по-мокшански [12, с. 57 — 59].

В первое послеоктябрьское десятилетие и позже переводческой практике в мордовской поэзии придавалось исключительно большое значение. На мордовские языки переводились революционно-патриотические стихи и песни, гражданская лирика Н. А. Некрасова, Д. Бедного, А. Кольцова, В. В. Маяковского и других поэтов, но, пожалуй, больше лирика А. С. Пушкина. Без преувеличения можно сказать, что переводческое дело в мордовской литературе довоенного периода превратилось в школу высокого поэтического искусства и мастерства. Вместе с переводами шло освоение классической метрики и внедрение силлабо-тонической системы стихосложения в мордовскую оригинальную поэзию. Наряду с этим в мордовской книжной поэзии довольно долго сохранялся строй народного стиха, который, как известно, по своей природе не отделим от силлабического стихосложения и в определенной степени напоминает хорей. Так, например, в довоенном сборнике стихов тогда еще начинающего мокшанского поэта Петра Клецуно-ва все стихотворения по форме силлабические и близки к хорею, но к хорею нечистому и с неполной рифмой. Характерная черта таких стихов — немелодические акцентуации поэтической строки, иначе говоря, употребление входящих в поэтическую строку слов с не свойственным

© А. П. Феоктистов, 2001

для них в свободной речи ударением. См.: *Шинясь кеворсь / Бугорть фталу.../ / Качам лаца/ Туманць сраць.../ / Акша мацикс/ Сиянь ковсь.../ /Вирь трвасто/ Лугать келес.../ / Туманць кепоць/ Тущкс ваяри...* [7, с. 13, 17].

В сборнике другого мокшанского поэта Федора Дурнова лишь одно стихотворение выдержано в трехсложном классическом метре — дактиле [5, с. 10]:

Ся кизоть школаса
Тонафиль мон.
Эх, эста фатямазь
Шлецц Аполлон.
Эста пяк потмосон
Пазь одонь толсь,
Кельгома ялгасе
Улсь кимсомолсь
Цебярьста тонафии
Мазы фкя стирсь
Эста пяк лама
Мялезень кирдсь.
Васьфтинс весть сонь, —
И шаман кръзясь.
Моиценьге седицень
Вастстонза связь...

Среди произведений Михаила Безбородова тоже нет стихов в силлабо-тонической версификации в законченном виде. Классическая метрика — чистый хорей (греч. «хоровой», «плясовой»), ямб (греч. iambos — смысл не ясен), анапест (греч. anapaistos «отраженный назад»), дактиль (греч. daktilos — «палец»), амфибрахий (греч. omphi — «с обеих сторон», brachos — «краткий») — утверждается в мокшанской поэзии в творчестве поэтов следующего поколения. Наиболее ярким образцом тесной связи поэтического творчества поколения Безбородова с традициями устной народной поэзии является его известная поэма «Ёфкс, кона улъсь» (Сказка-быль). См. начальные строки поэмы:

Мес тячи, атяй,
Тон аф весялат,
Ёфкс аф вэоцдат,
Морот аф мораг?
Мес тячи, атяй,
Улопс полдаф,
Кода акпа лов
Шамапс олаф?
Али од пиякс
Тонь мялезот лядсь?
Али седицень
Гокавс илядсь?..
Тяфта кизсфнихть
Куз атянь эсь
Эсь уновонза —
Ёмла идзипя,
Конатксндп сон
Эрь пиня корхнесь.
Ёфкскат, моронят
Эрь илять ёфнесь
Азонкшнезс сон,
Кода мокшетнс
Эрьсесть иголе,
Сюрс пиягонс...
[1, с. 90].

— Что ж ты, дед, сегодня
Голову повесил?
Что с тобой случилось?
Отчего не весел?
Ты сидишь печальный.
От тебя — не слова.
Расскажи нам сказку,
Слушать мы готовы, —
Так заговорили
С дедушкой внучата.
Шустрые пострелы,
Славные ребята!
Знал старик немало
Самых разных сказок.
Никогда внучатам
Не было отказа.
И внучата очень
Дорожили этим.
Но не только сказки
Говорил он детям.
Знал он много былей
О далеком прошлом.
Было интересно
Слушать даже взрослым.
[9, с. 118 — 119].

Этот фрагмент, как и вся поэма, написан характерным народным стихом по принципу создания поэтической строки с одинаковым количеством слогов и с ритмико-интонационным ударением на одном и том же нечетном — третьем — слоге. Следует при этом иметь в виду, что ритмомелодическая акцентуация как народной песни, так и авторского стиха часто не совпадает с акцентуацией словесной, т. е. с ударением отдельного слова в ничем не связанных контекстах. Схема поэтической строки (--+--), в которую укладывается текст поэмы М. Безбородова, является, по существу, копией модели пятисложного дольника, характерного для многих народных песен и русской авторской поэзии (так называемого кольцовского пятисложника). См. начало народной песни [8, с. 79]:

Уштань Улопясь —
Кудонь гулянясь,
Кудонь гулянясь,
Сон — куд меленясь.
Вай, колмогемонь
Киза стирькс эрясь,

Эсь мялыняш молемс,
Эсь валняиц мярьгомс.
Шиле вакеанс
Уляи паржиясь,
Шека цряпява
Пакарьс карьмоняись.
— Вепемак, алыкай,
Вешемак, тряйняй,
Аф пяк козяидя
Аф пяк апуняди,
Самай середняй
Эряй аляяди.
Сёрода ёрос
Сёроп сатоня,
Базарда базарс
Салоп сатоня...

В этом же ритме и метре создана другая популярная народная песня «Филянь Ягорнясь». См. первую часть этой песни [13, с. 162]:

Вай, содуфт, содуфт
Вирень беглайхне,
Вирень беглайхне —
Сембод бедцайхне.
Сембода белкайсь
Филянь Ягорнясь,
Филянь Ягорнясь
Вяпке наборнясь,
Вяпке наборета
Ягор примафкясь.
Ягорянь аляц
Вихпа максозс,
Вихпа максозс
Сопне служама,
Вихпа максозо
Опю брадонц васто,
Вай, кота кизос
Солдатос служама...

И точно такой же темп в простом пятисложнике у А. Кольцова: *Не шуми ты, рожь, / Спелым колосом! / Ты не пой, косарь, / Про широку степь!..*

Этим размером написано самое известное, проникнутое любовью и нежностью к родному краю и природе, стихотворение М. Безбородова «Вирь» [9, с. 125]:

Кизонда, вирняй,
Пяже лопанай,
Лси мани шкиня
Шида кяпкняй,
Якеля потмоват,
Шуфттконь еткова,
А пингонь-пингонь
Ляйгс, лоткова,
Кулкондаш эсот,
Кода тон уваг,
Тифтень лопаня
Модати прафнят;
Мастору лопась
Либордезне прай:
«Вай, курок сёкссесь
Якшамть кархта сай...».

Лес мой ветвистый,
Густо-зеленый,
Тень подарили мне
Ясени, клены.
Часто брожу я
В тайне отрадной,
Шум твой протяжный
Слушаю жадно.
Вьется порою
Над головою
Лист, оброненный
Ветвью густою:
Вьется листочек,
Шепчет и тужит:
«Ближится осень,
Близится стужа...».

Безбородовские традиции как в злободневности тематики, так и, особенно, в структуре стиха сказались в творчестве мокшанского поэта Г. И. Ельмеева. Его поэма «Полю» была написана тем же пятистопным дольником, что и знаменитая поэма М. И. Безбородова. См. фрагмент из поэмы «Полю» [11, с. 56]:

Шапинихть женельгс
Разжа тунятнс,
Узлайхть, пяпокдихть
Кяжи варматне.
Галошходсь вирясь,
Лопанязь прасть,
Пачка модить лангс
Адамня ацасть.
Полюсь вирь ускссесь,
Пяле веста сась,
Вастоцпа сон
Кода хуля прась.
Стирясь кунтф удм,
Штада мяпитеняц,
Мяптеиц хенсесь
Готнай сединяц...

Расширение метрического репертуара и освоение законов силлабо-тонического стихосложения в мордовской поэзии начались в лаборатории поэтов-переводчиков. Но еще раньше к освоению классической метрики приступил З. Ф. Дорофеев, который создавал свои стихи и на русском и на родном языке. В стихотворном сборнике «Песни и думы народного учителя» (М., 1912) он воплотил практически весь метрический репертуар русской поэзии — от дольника до сложных классических форм. Вот несколько конкретных иллюстраций из «Песен и дум...».

Д о л ь н и к пятисложный (-‑-‑-):

Говорил бы, друг,
Говорил бы, брат,
Да боюсь в селе
Стану сказкою,

Сказкой-басенкой
Завечернею,
Дивной песенкой...
Кабы сеянкой
Был бы рожью я
Уродился бы
Друг сторицею...
От межи к меже
Наклонялся я,
За межой бы, друг,
Стлался по земле...
В пору страдную
Тучным колосом
Я качался бы
Во все стороны
Красны-девицы
С молодицами,
С молодицами
Да с солдатками
Стали б жать меня
С утра до ночи...
И тела у всех
Были б чистые,
И рубашечки
Светло-белые...
На конях за мной
Поздно вечером
Добры-молодцы
Прикатили бы,
Кони лихие
Все заржали бы,
Добры молодцы
Засвистали бы.
К богачу меня
Увезли б они
Да сложили бы
На гумне в скирды.
[3, с. 135 — 136:
«Говорил бы, друг»].

Хорей (+-/+-/+-/+-/-/+-/+-/+-/+-/-/+-/+-/+-/+):

Мимозами, пролетели
Стужи, вихри и метели
Вместе с матушкой-зимой.
Поле вновь зазеленело,
Дело быстро закипело
В деревушечке родной.
Небо чисто и спокойно
Не прохладно и не знойно,
Даль лазурная ясна.
Вскрылись почки и побеги
С ароматом сладкой негги...
Славься, южная весна!
[3, с. 32: «Весна»].

Ямб (-+/-+/-+/-+/-/-+/-+/-+/-+):

Я вновь люблю тебя, как прежде.
И вновь я ожил всей душой...
Вчера ты снилась мне в одежде,
Подобной ризе неземной.
И вся она была прозрачна,
Как воздух, небо или свет...
Я не узнал. Была ты мрачна,
Как будто ты и будто нет.
И ризой той меня обвила
Ты в полуночной тишине,
Сердито, страстно говорила,
Сжимая руку мне.
И я узнал тебя, родная.
Манила ты меня в ту даль,
Где, день и ночь не умолкая,
Звенит над алой кровью сталь.
Где ничегошеньки не слышно
От свистопляски злой вражды,
Где смерть свой пир справляет пышно
Над прахом горя и нужды.
[3, с. 170: «Я вновь люблю тебя,
как прежде»].

Дактиль (+--/+--/+-/-/+--/+--/+-/-/+-/+-/+--/+--/+):

Рекут красивым багрянцем
Тихие воды реки.
Даль загорелась румянцем,
Встали от сна мужики.
С шумом снялся подворотник
Грубой рабочей рукой:
Выпел хозяин-работник
С старой служанкой-сохой.
Медленно тянется стадо
Улицей узкой, глухой.
Вест жежая прохлада
Утренней нежной росой.
Птички и синики роем
Вьются, чернеют толпой,
В воздухе сине-лиловом
Песни их льются волной.
Плавно колеблется нива,
Колос лелеет зерно.
Рожь золотую ревниво
Режут серпами давно
[3, с. 37: «Лето»].

Амфибрахий (-+-/-+-/-+-/-/-+-/-+-/-+/-/-+-/-+-/-+):

Бушует метель, замстая
Дороги в лесах и полях...
Пушинками снега играя,
Кружится на льдистых морях.
Когда же к деревне подходит
Морозной вечерней порой,
Тоскливые песни заводит,
Блистая своей пеленой...
И льются те песни волнею
В избёнке во мраке ночном,
Где девы с сердечной тоскою
Гадают о счастье своём.
Но горе тому, кто по полю
В ту пору проходит тропой, —
Метель, насмеявшись вволю,
Покроет его пеленой.
Со свистом и шумом взыграет,
Печальный пропьёт она вой...
И снежный сугроб вырастает
Тогда над логибпей душой.
Метель все следы заметет,
Гудит по степям и полям,
И снежною пылью бросает,
И вьётся по белым путям.
[3, с. 28: «Метель»].

Анапест (--+/--+):

От межи до межи,
Средь нескошеной ржи
Тихо шепчут цветки:
Васильки, васильки.
Их головки порой
Лепестками, листвой
Никнут наземь в тиши
Первозимней глуши...
Но лишь утра заря,
Днём багряным горя,
Луч прольёт золотой
Тёплой, нежной струёй, —
Лепестки от земли,
В хлебной мягкой пыли
Тёмно-синей красой
Встретят утра покой
[3, с. 46: «Васильки»].

Как уже было подчеркнуто в начале статьи, у мордовских поэтов освоение принципов силлабо-тонического стихосложения тесно связано с многолетней практикой перевода русской классики на мокшанский и эрзянский языки. Попытки сохранить метр оригинальных стихов при их переводе на мордовский, как правило, порождают неожиданные препятствия, на которые переводчик наталкивается каждый раз, как только приступает к распределению ударных и неударных слогов и стоп в поэтической строке заданного метра. Об этом свидетельствует анализ стихотворения А. С. Пушкина «Зимняя дорога» (хорей /+-/) в переводе на мокшанский язык (--/+-/--/+-/ /--/+-/--/+).

В переводе З. Ф. Дорофеева [4, с. 211]:

[1] Пачк нулнай-валнай туманга
[2] Якай менсяльть яга корсь;
[3] Ризнай валдонц лавсить лашка
[4] Ризназь кирик акша довсь.
[5] Тялонь лажатфты кинява
[6] Тройкась виписта ардозь сай.
[7] Весь пяк кельмс. Пакссясь шава.
[8] Сизезь пайгонясь тинняй.
[9] Сединь калафтома жора
[10] Морай озала кипижсь:
[11] Морось пара, тяг и тора,
[12] Аньпек пархходьсы сонь кись.
[13] Ащ аф тов, аф кул... И сетьме...
[14] Лов и лов... Пяк кельмс сон...
[15] Аньцек китьксу вайгяльбетнень
[16] Васьфнян эсь карцазон мон.

В переводе М. Бебана [10, с. 12]:

[1] Пяльдезь пары суфсень фталга
[2] Олаф пгама уи ковсь,
[3] Сумофаста валы валда,
[4] Ризфу кужес валдоц повсь.
[5] Скучшай кишкс ловса ащаф,
[6] Борзай тройкась ардозь жольсь;
[7] Горяй пайгонясь фкя лапа
[8] Мялень мольфтезь жольгерьф жольдсь.
[9] Катя-мезь ролной мон марян
[10] Пефтем жорстонза ямщикть:
[11] То сон зольнай эряф морай,
[12] То мянь сединь пичефксцинть.
[13] Аяш кутт, аф нянь толга.
[14] Шава пакся, лов и — ве...
[15] Аньцек потайхть сёрман сюлбат ...
[16] Киньхонь вакска вайгяльбет.
[17] Лажатфсь эсон, ризфса палап...
[18] Ванды, Нина, куду сазь,
[19] Пси камиятк эжмс арап,
[20] Лангрят ванон, прянь жокстазь.
[21] Частонь стрелкась кайгозь шапты.
[22] Пингонь лувозь, кругова,
[23] Скучендамянконь мазптомс
[24] Весь аф явфтсамазь кувачьс.
[25] Скушно, Нина, скучнай кизе,
[26] Нуфсь ни моронц пельсть якшнить,
[27] Жолнай пайгоняське сизезь,
[28] Сувса вельхтяф кононь лисць.

Как и у А. С. Пушкина, в обоих вариантах мокшанского перевода «Зимней дороги» ударные стопы вторая и четвертая (--/+-/--/+-/ /--/+-/--/+). В первых (начальных) стопах поэтических строк характерно употребление двусложных слов – у Дорофеева: *аньцек* (12, 15), *васьфнян* (16), *морай* (10), *морось* (11), *ризназь* (4), *ризнай* (3), *сединь* (9), *сизезь* (8), *тялонь* (5), *якай* (2); в переводе Бебана: *аньцек* (15), *аяш* (13), *ванды* (18), *горяй* (7), *жольгяй* (27), *киньхонь* (16), *лажатфсь* (17), *лангрят* (20), *мялень* (8), *олаф* (2), *пяфтям* (10), *тингонь* (22), *пяльдезь* (1), *ризфу* (4), *сувса* (28), *шава* (14). В начале поэтической строки два односложных и неударных слова — в переводе Дорофеева: *аш аф...* (13), *весь пяк...* (7), *лов и...* (14); у Бебана: *весь аф...* (24), *нувфсь ни...* (26), *то мянь...* (12), *то сон...* (11). В начале строки первое слово односложное, второе с ударением на втором слоге — у Дорофеева: *пачк нулнай...* (1); у Бебана: *пси камиятк* (19). Начало поэтической строки снабжено многосложным словом с ударным третьим слогом, но только у Бебана: *сумофаста* (3), *скучендамянконь* (23). В целом же при воссоздании формы хореического стиха искомыми лексическими средствами мордовского языка у переводчика не возникает трудностей чрезвычайного характера. Это обстоятельство, в частности, связано со спецификой мокшанского ударения, падающего преимущественно на первый слог слова.

Рассмотрим стихотворение А. С. Пушкина «К морю», написанное ямбом (-+).

В переводе С. Л. Самошкина [10, с. 10 11] (-+/-+/-+/-+/-/ /-+/-+/-+/-+):

Свободнай моря, тячи тяса
Тонь няйхте мекольцеда мон,
Волнатяснь тёжлятся лиффгасайть
И жольнят мазыста пяк тон.
И кода ялгань ряяфу кайгяль
Прощайдам пиитста тердяс сак,
Тонь шумцень, пичефксуста кайгить,
Мон тяда ламокеть аф кульса.
Монь сяпди седиезе касы —
Пяк ламокеть якань берягть крайс,
И пара мяль мон кирдень прясон,
Кувать сон седистон аф ирай!
Эх, кода найгяльцень мон кельгса.
Мес пефтомат, фалу шумнат —
И каит аф молят мес илять,
И тиендят тон мезс мяльсот!
Вон кал кундайть вейчкс уйсь,
Тон, хда мяльцс, эста ванфтсак,
Волнатяснь ёткса кинп сок муй,
Но тон люкштядят, венчкять пярфтсак
И сон вов потмакстн ки гуй.
Тейнь марнск каломс апезь сафтов,
Пяк скупнай, пава берягть тянь,
Тейть радостезс апезь няфтев,
Повтть ворьгодемс изь сафтов,
Волнатяснь лапгс жизнь мянь.
Тон тердеть, учеть... Пара пасна
Моль согиеф вяймозти изь мув:
Туме опю мяльса ёрань тяста,
Но сякокс тяжсат, изень тув
Ужяльдемс мезс? Ков ба тяни
Мон тяста ёралень срхкямс?
Пустынясот предмет лянь фкянс
Монь пачфтель седизень дивамс.
Тя слявань лазксне панда пряса...
Ся вастса кода пара он,
Пяк оцюфт лятьфнематнс тяса:
Сей калмаф улсь Наполеон.
Сон тоса кулось пичефкеть эзда.
А мелс бурянь вайтялькс кульф,
Што генийсь омбопсесь тусь эздонк,
Сон азоркс думоньконди улсь.
Свободась олыксесь кулофть инкса,
Сон тусь, но мирти славанц кадсь.
Шумнак жа, моря, пармать пиитста,
Тонь колгат морсесь сон пяк лац.
Фалу сонь прясонза тон ащеть,
И кода духстот шачфоль сон:
Тонь лаиот эпйпзон песня ашет,
Кркка и кели, кода тон.
Мирсь шажсь... И тяни тяста коза
Монь кандолемайть, океан?
Ков молемс, эряфсь стама тожа:
Пяк цебярь кастяятненди озафтфи
Иль просвещенья, иль тиран.
Шумбра, ульхть, моря! Аф юкстаса
Тонь мазыпипень, аф туят
Монь прястон ламос, ламос тяса
Кульса тонь пгумцень эрь илять.
И опю вирк, шава пакспв
Туян, штоб ёрдамс прястон рязфть.
И жархтон пара мяльса кандсайнь
Тонь грльфцень, пантцень, волнань бриафть.

Нетрудно заметить, что при переводе ямбического стиха переводчику предстояло преодолеть немало трудностей, связанных с необходимостью поиска единственно верных и уместных слов и словоформ для первой — ударной — стопы в каждой поэтической строке. Для достижения этой цели известный поэт и опытный переводчик С. Л. Самошкин привел в движение следующие ресурсы мокшанской лексики:

1) двусложные лексемы и словоформы со вторым ударным слогом — *кувать, фалу, кркка, шумбра, кулась, тиян* и др.;

2) заимствованную лексику с ударением на втором слоге — *соободась, свободнай, волнатяснь, прощайдам, поэтти, ужяльдемс, пустынясот, шумнак* и др. Употребление относительно большого количества русских слов в начале ямбических строк со всей очевидностью свидетельствует о том, что опора лишь на исконный фонд мордовской лексики при переводе ямбического стиха оказывается недостаточной;

3) односложные слова и среди них местоимения, наречия, союзы, частицы, междометия, которые в мокшанской речи обычно занимают безударную позицию. Эти группы слов исключительно широко привлекаются при переводе первой стопы ямбической строки. В переводе «К морю» начало 18 строк снабжено служебными словами без ударения: *а, и, ево, пяк, эх, ся, тя* и др.

«Песнь о вещем Олеге» (амфибрахий /-+-/).

В переводе Ф. Аттянина [10, с. 15 — 18] (-+-/-+-/-+-/-+/ /-+-/-+-/-+-):

Олетсь тячи оцю походу ерхкась,
Кяж атня казархненди пандомс:
Мярьксь велесюп, видсфсюп срафтомс
плхтямс,
Тол-кархнезди, мечкенди кандомс.
Дружинашк, шаф шереградскяй броняс,
Князь паксява арды, пульсь мельгоняз стясь.
А шобда вирть потмоста савор пулькняй,
Сей воражья лтяня шашгы,
Лиш ёндол шкайть инголс сон сэкеняйсь,
Сай шиле шись арьсефцень пачфкись,
Кинь озондозь, воражьязь кизоняз малтсть,
Олегсь мудрай атяти кистонза пашгсь.
— Эрь, воражья ата, вельф кельгомац пиляйть,
Аэк, мезс моль эряфсэн ули?
И курок ли ветяви седиец врагть, —

Монь калчама шиэсень сон кули?
Тон видеста корхтак, монь эвдон тят пель,
И содамла лишме слфть кодама кельк.
«Волхватиэнди пелсидемс аяш туфтал,
И казьне аф эрядя князень;
Сиянь вольпайста, вядеста аэсазь эрь валть
И менельске тяпкса сиянь шиэсень.
Сай хизотнень кяшсьне побда туманць;
Но пачканза пяйса тейть мезе сон вавтрсь.
Тяк юксне тон валозень вестсяьге монь:
Честь сяськить, слава прокс тянкса;
Вдь сяськомась кафтозе славацень тонь.
Тинь пшпке Царьградть ортанц лангса:
И недтькс и модатькс вийхис силмазь;
И сельме врагсь кавй тейть, павазу князь.
И сянтяря корхса кривда валбрясь,
Стяй аньцек бурясь и аф манись.
И прапськс, и налськс, и пель сиясь
Най сяськихисць кизоснон ашыхть...
Тейть грознай бренять ала аяш зыян. —
Аф нясви аралайсь няфти ки-ян.
И липмоцс пельксга аф эводя тонь.
Сон, азоронц мялье аньцек токай,
То вражескяй налськс аф тандафтсы сонь.
То бжень толть пачканга цохай,
И толти и якшамти сон аф кожай...
Но тонь куломаце эсь липмодот сай».
Хоть молодсь Олегсь, а соль шаман ризнай
И вапфоц сумбраняста бралти
Кантмолезня камбрялти кодек кундай.
Князь пичедезь мастору валги;
И кельгома ялгинц ужальдезь содряй.
Содряй сон и соседи, гривапц кудряй.
«Прощай-ка, тон ялгай и верпай слугай,
Сась тесиск явома прямась:
Архт займосск, кядсэс монь аф кундай
Сия валдокс пиндолды стремязг.
Шумбра ульхть, тят лацня и тямак юкста!
Тинь липмозень сявостя, ялгат-слугат!
Папокаса вольхтяста тя липмонять
И нятесть луганзидк тяста;
Соиь эшелясть, кайседе клёк пиямпя,
И симнестькс соиь лихтибрясга».
Од цёратнс, ялгатнс лишмопсх тусть,
А княлти сипь лишме ли эсток мусть.
Пиравай дружинанск смузю Олегсь
Толкс палы стахапонь тайф ёпса,
И акпелдсть кудрясня сиць шобдавань
лепкс
Прокс лятфнсмань пацлопять бокса...
Сиць лятфнекшнесть ётаф пи пингть. —
коса ульсть,
И бойхнсць, и сянь, кода сабляса тюрьсть.
«Эрь, коса моць ялгазс, — корхтай Олегсь, —
Куванс шта лишмозс якай?
Шумбра ли? Киписць ардомапц, миллфтса,
кельксь
И тячимс ли ардомста лакай?»
И кули сон вайгялъ: кургапть лантса гяй
Сон тоса пи улы и оду аф стяй.
Инь вии Олегсь алу полдазс прянц
И арьси: «Эрь мезс сон содась?
Эх, ёпьфтома атя, тон васькафнеть рид
Аф лероидимс, валхисць ба ёрламс!

И лишмозс ардефтель тянемс ба моць».
Князь пакарьхпець ванома ёрай тумс
сопць.
Инь вии Олегсь ласьтя кудста ерякась,
Тусть желганза Игорсь и конакт,
И пяпхть сиць пандалда, коса Дикпрясь,
Сралсть алашань пакарьхть и понат:
Сиць пульськс пи вельхтясь и пиземськс шпась,
И нельхксостка вармась шяйть алу
лопштась.
Валомня князь пятяас алашань прять
И корхтай: «Тон, ялганяй: удок!
Тонь арякзс азорде, тон вага прать,
Монь калчамста, коня пи курок,
Аф тон узерть алдопза мазепгак нарть,
И калмолон каясак толкс аши вярть.
Вай, вага сон коса вомамазе ульсь!
Лиссь пакарьста моль кулемазс!».
И кулопрять потмоста серепря куйсь
Шаптсь вяшкозь, кпязть тильгта кундазс
И перьфканза равжа тюс ашколфпкс мялсь
Пупазе и пешкодсь вельф шапажста кизось
Тусть кядэта-кяц кечетпс, шозти тжнасть,
Паминканза молихть Олегонь,
И Игорсь и Ольгасъ кпязть лятфнеме састь.
Дружинась узада симсь мелезь:
Сиць мялятфнесть ётаф пи пингть, —
кося ульсть.
И бойхнепь, сянь, кодапя сабляса тюрьсть.

Следует подчеркнуть, что при переводе стихов, написанных амфибрахием, в основном используются лексические средства такого же типа и звучания, какие обычно привлекаются для перевода ямба или трехсложного анапеста. В мокшанском переводе «Песни о вещем Олеге» они были следующие:

1) исконные слова с ударением на втором слоге — *кувапе, тупазе, сия, содряй, шумбра* и др.;

2) заимствования со вторым ударным слогом — *валомня, волхватпенди, дружинанек, дружинась, Олегсь, паминканза, папонаса, пиравай, прощай-ка*;

3) односложные слова из знаменательных и служебных частей речи. Наибольшее количество строк, как и в ямбическом стихе, начинается с односложных союзов, междометий, местоимений. Только союз *и* в переводе «Песни о вещем Олеге» оказался в начале 28 строк!

Примечательно, что и в авторской поэзии наблюдается примерно такое же словоупотребление, а в начале поэтических строк в зависимости от формы стиха происходит такое же чередование исконной лексики с заимствованиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Безбородов М.** Сочиненият. Вассице томсь. Саранск, 1939.
2. Государственный архив Нижегородской области. Ф. 2013, оп. 602, д. 1430.
3. **Дорофеев З. Ф.** Собр. соч. Т. 1. Стихотворения и песни 1908 — 1920 гг. Саранск, 1964.
4. **Дорофеев З. Ф.** Кочкаф сочиненият. Омбоце томсь. Стихотвореният, проза, перевот и фольклор. Саранск, 1965.
5. **Дурнов Ф.** Нюди. Саранск, 1940.
6. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1903. Т. 19, вып. 3 — 4.
7. **Клещунов П.** Стихт. Саранск, 1935.
8. Колхозонь эряф. [Саранск]. 1941. № 4.
9. Мордовская литература: Учеб. хрестоматия для 7 — 8 классов. Ч. 1. Саранск, 1989.
10. **Пушкин А. С.** Кочкаф сочиненият. Саранск, 1949.
11. Родной вайгяль. Великай Отечественнай войнаса шазф писательнь произведеният / Сост. И. Чумаков. Саранск, 1948.
12. **Феоктистов А. П.** Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков: (Ранний период). М., 1976.
13. Эрзя-мокшонь морот, сказт ды балладат. Саранск, 1958.

Поступила 21.09.01.

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА В МОРДОВСКОМ ОБРЯДОВОМ ТЕКСТЕ*

Я. В. ВАСИЛЬКОВ, кандидат филологических наук

Настоящая статья во многих аспектах инспирирована научным творчеством Владимира Николаевича Топорова. Начать можно с того, что она представляет собой неожиданный побочный продукт поиска в том направлении, которое проложено для отечественных индологов именно В. Н. Топоровым, и в частности его работами о Мир-Сусыне-хуме и других арийских элементах в традиции обских угров. Стремление выявить новые следы индоиранского влияния в финно-угорских культурах и побудило автора этих строк, индолога, к ознакомлению с текстами мордовской обрядовой традиции. Но обнаруженная в результате поэтическая формула оказалась представляющей другую категорию индоевропейских заимствований.

В «Мордовском этнографическом сборнике» (Санкт-Петербург, 1910) А. А. Шахматов опубликовал два варианта эрзянского свадебного обряда, записанные в двух селах Саратовского уезда — Оркине и Сухом Карбулаке.

Вариант из Сухого Карбулака, который записал кириллицей сельский учитель-мордвин Р. Ф. Учаев, содержит текст песни, исполняемой в доме жениха при приготовлении большого свадебного пирога с начинкой (*lulьa*). Приводим по этой публикации текст песни и его русский перевод (Шахматов, 1910, с. 216 — 218):

Перьэ перьэ баясь буряпне,
Уш перьэ ёнкски пурьгинь,
И серьгедеть верьгедеть,
Каракарчы засыдить.
Кинь гудышть сыль зерьгицезь

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований (№ 97—06—80326).

© Я. В. Васильков, 2001

Гинь гудыньть сынь верьгэтцезь?
Дриганъ гудыньть серьгетцэзь,
Дриганъ гудыньть верьгетцэзь.
Понаў, бонаў, гилийне,
Седняк бонаў гилийне
Дрига атянь, икиле,
Сиянь баяг' эйсенза,
Пижынь рисьмини вельди
Вачкитьпыник баяганьть.
Туи родга племава.
И патява сазырга.

Со всех сторон злой гром,
Уж со всех сторон молния,
И закричат, и блеснут,
При встрече соединятся.
На чей дом они закричат,
Чей дом они осветят?
Они закричат на Григорьев дом,
Они осветят Григорьев дом.
Кудрявая, кудрявая березка.
Очень кудрявая березка
Перед стариком Григорием.
На ней серебряный колокол.
За медную цепочку (дернув),
Мы ударим в колокол.
Разойдется (звук) по роду и племени,
По теткам и сестрам.

Дрига — Григорий — имя отца жениха, в дом которого вместе с невестой должно перейти счастье (доля). Этот переход и описывается в песне как благословение дому родителей жениха от грома и молнии, а также как благословляющий звон колокола, висящего на варианте мирового древа (древа жизни)[1] Свадебный пирог сам символизирует счастье (долю) и мировое древо (первое представлено его начинкой, второе — обычно втыкаемой в его вершину еловой веткой или «раскрашенным прутиком»[2]). Его отвозят со свадебным поездом в дом невесты, оставляя там вместо нее, в качестве своего рода обрядовой компенсации; однако, с точки зрения «партии жениха», дом его отца остается в безусловном выигрыше, а дом отца невесты теряет свою «долю», что свидетельствуется вариантом той же песни, который торжественно исполняется родней жениха, но с поминанием имени уже отца невесты:

Перьть перьть благый бурьгине,
Уш перьть ёнкски пурьгине,
И серьгедеть верьгедеть,
Каракарчы васыдить.
Кинь гудыньть сынь зерьгэтцезь
Гинь гудыньть сынь верьгэтцезь?
Дёманъ гудыньть серьгетцэзь,
Дёманъ гудыньть верьгетцэзь.
Дёма атянь икиле

Голэй, голэй гилийне,
Седняк голэй гилийне
Дёма атяньть икиле.
Голэй, голэй гилийсыньть
Сёвонень до балга.
Ленгти луткы вельди
Вачкидикшнызь баяганьть.
Тусь чуважга татарга,
Тусь апак лемтъ ломаньга.

Со всех сторон злой гром,
Уж со всех сторон молния,
И закричат, и блеснут,
При встрече соединятся.
На чей дом они закричат,
Чей дом они осветят?
Они закричат на Дементьев дом,
Они осветят Дементьев дом.
Перед стариком Дементием
Голая, голая березка.
Совсем голая березка
Перед стариком Дементием,
На голой, голой березе
Глиняный колокол.
За шкурку с лыка (дернув),
Ударили в колокол.
Разошелся (звук) по татарам и чувашам,
Разошелся по некрещеным людям.

Сопоставление этого текста с другими вариантами эрзя-мордовских песен, исполняемых при изготовлении *лукши* (по аналогии с соответствующим жанром восточно-славянского фольклора мы можем условно называть их «коровайными» песнями), показывает, что наиболее распространенным, почти постоянным в них является мотив древа жизни, несущего на себе символы счастья (доли или, напротив, недоли), реализуемый во второй части нашего текста. Так, «коровайная» песня, записанная А. А. Шахматовым в Оркине (Шахматов, 1910, с. 192 — 194), описывает (при наличии отдельных формульных совпадений) тот же символ (*«Перед сватом Иваном, / За сватом Иваном / Зеленая, зеленая березка, / Под ней кадушка сыченого кваса* [purä[3]], */ В ней медный ковш. / Куда повернется Бог-солнце* [Čy-paz], */ Туда поворачивается ручка ковша...»*; в варианте для отца невесты березка и кадушка — сухие, ковш не поворачивается за солнцем). Тот же мотив варьируется в песне, исполнявшейся при выносе свадебного пирога из дома жениха и записанной в 1898 г. Х. Паасоненом в одном из эрзя-мордовских сел Бугульминского уезда Самарской губернии: посреди двора у женихова отца стоит белая-белая береза, на ней висит сундук[4],

в сундуке — голубка, охорашивающаяся, чистящая перышки перед тем, как свить новое гнездо; во дворе у невестиного отца — сухая береза, и в сундуке на ней — сизая голубка, готовящаяся улететь из старого гнезда; здесь вплетается известный мотив символов жизни, висящих в сундуке или мешке на мировом древе[5]. На свадьбе девушки-сироты пели соответственно варьированный текст: «*К коньку дома старика Ивана* [отца жениха] / *Привязан колокол серебряный / На серебряной цепи. / И к добру он „гай" звенит, / И к плохому „гай" звенит он*» (здесь отсутствует противопоставление отцов жениха и невесты, так как отца и отчего дома у невесты нет, зато дом отца жениха принимает на себя роль центра мироздания). Вообще для эрзянской свадьбы «коровайную» песню с мотивом «колокола на дереве» приходится признать почти обязательным элементом, тогда как в мокшанском обряде этого мотива нет, да и сами «коровайные» песни в составе свадьбы встречаются очень редко. Исключение составляют записи выдающегося мордовского фольклориста М. Е. Евсевьева, где лексические, формульные и тематические схождения со второй частью нашего текста обнаруживает не эрзянская, а необычная мокшанская «коровайная» песня: *Егор атянь инголе / Вачкодсть кивинь бая-га, / Бачкодезь эрямга, / Вачкодезь ащемга...* — «*Перед* [домом] *старика Егора / Ударили в свинцовый колокол, / Ударили, чтобы жить, / Ударили, чтобы здравствовать...*» и т. д.[6]

При сопоставлении рассматриваемого текста с другими мордовскими «коровайными» песнями выявляется также его безусловная уникальность в том отношении, что мотиву «древа жизни» в нем предшествует, открывая собой песню, мотив грома и молнии, «криком» и блеском которых как бы устанавливаются «доля» и «недоля» над домами родителей соответственно жениха и невесты. «Крик» грома надо воспринимать, по-видимому, в контексте мифа, зафиксированного у терюхан П. И. Мельниковым-Печерским: бог грома Пурьгине-паз, явившись в село в облике приезжего незнакомца («весь *черный*, с глазами, *горевшими, как огонь*»), посватался к девушке Сырже. «Во время брачного пира жених стал вести себя не так, как следует: стал плясать по чашкам, по ложкам, по лавкам, по полицам и при этом *кричать громче и громче*. Когда же настало ему время везти молодую жену к себе, он *крикнул, как гром*, из глаз его *сверкнула молния*, отчего загорелась изба, все гости упали, как мертвые, а новобрачные исчезли... Он улетел с женою своей Сыржей на небо. И теперь, когда случается гроза, мордва думает, что это Пурьгине-паз на небе пляшет, как плясал он на своей свадьбе. В это время терюхане выходят из домов на улицу и, глядя на небо, поднимают руки вверх и кричат: „Легцы, легцы, ты, цай, наш" („Легче, легче, ты, чай, наш")». В приведенном мифе, как и в нашей песне, громовым «криком» и сверканием молнии Громовержец устанавливает судьбу дому (в мифе, в частности, «недолю» дому отца невесты).

В мордовском фольклоре нам не удалось обнаружить другой «коровайной» песни», которая начиналась бы мотивом грома и молнии, назначающих судьбу основным участникам свадебного действа[7]. Зато некоторые аналогии обнаруживаются в славянских «коровайных» песнях, в 1974 г. обстоятельно изученных Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым в работе «Исследования в области славянских древностей» именно в связи с «основным мифом». Здесь в зачине песни появляются два персонажа, действия которых должны принести «долю» участникам свадьбы, причем действие одного из этих персонажей («светит») совпадает с действием молнии в мордовской «коровайной» песне:

Сам Бог коровай месиць,
Пречистая свениць.
Ангели Божия воду носюць
И у Бога доли просюць:
Дай, Боже, долю
Нашему господину,
Счастливу годзину!

А у цёмным леси
Сам Бог коровай меси,
А Пречистая свениць,
А анёлы воду носюць,
У Бога доли просюць:
«Дай же-ж, Божа, долю
Нашему молодому...».

Сходство возрастает, если принять во внимание то, что молния у мордвы иногда выступает как мифологическое существо

женского пола (*jondol-baba*); в сухокарбулакском диалекте «молния» обозначается, согласно пометке Р. Ф. Учаева на полях черновой записи рассматриваемого текста, словосочетанием *ёнкски пурьгине / пурьгине ёнкске* (см.: Архив РАН в СПб., ф. 134, оп. 1, № 339, л. 278). Различие же между действием Бога («месит») в белорусской песне и действием грома в мордовской в значительной мере снимается, если раскрыть глубинный уровень семантики первых строк мордовского текста. К анализу этого скрытого уровня мы теперь и переходим. Этот анализ убедит нас в том, что, несмотря на значительный параллелизм мордовской песни с восточно-славянскими и на бесспорный факт мордовско-русского обмена элементами свадебной обрядности, сходства в данном случае не могут быть объяснены заимствованием из русской свадьбы. Элементы «основного мифа», составляющие фон мордовской свадебной песни, обнаруживают не славянский, а иной индоевропейский источник.

Первая строка мордовской «коровайной» песни (она главным образом и интересна для нас, поскольку вторую строку можно считать ее вариацией) — *Перьть перьть благый бурьгине* — буквально означает по-мордовски (эрзя) «*Вокруг-вокруг злой (сердитый) гром*». При этом она со всей очевидностью фонетически воспроизводит один из вариантов индоевропейской поэтической формулы «основного мифа», реконструкция которой была предложена Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым: perperti ǵg^{wh}im Perun(t-s) («*Поражает / ударяет Змея Громовержец*») (Иванов, Топоров, 1974, с. 101).

Допущение возможности того, что мы имеем дело лишь со случайным совпадением звуковой последовательности, отводится тем обстоятельством, что в рассматриваемой эрзянской свадебной песне звуковая последовательность, повторяющая индоевропейскую формулу «основного мифа», возникает именно в контексте редчайшего для мордовской свадебной поэзии воспроизведения в ней мотивов того же самого индоевропейского мифа о боге грозы (в сборнике А. А. Шахматова эти мотивы возникают еще лишь однажды, в тексте заговора, записанного Р. Ф. Учаевым в том же Сухом Карбулаке: гром своим «криком» и молния [*ёндол*] своим «блеском» расщепляют «старый дуб» (Шахматов, 1910, с. 164)).

Перьть перьть замещает собой индоевропейский глагол *perperti*, в котором тотальная редупликация корня несла, по-видимому, значение интенсивности или повторения. Исходный индоевропейский глагол **per (per-g)* «бить, ударять», от которого образовано и индоевропейское имя Громовержца — **Per(k)uno-*, продолжается некоторыми производными в различных индоевропейских языках (др.-инд. *pṛt-*, *pṛtanā* «борьба; спор; битва», авест. *parət-*, *paθanā* «битва», лат. *premō* «давлю»), но наиболее полно представлен в балтийских и славянских: лит. *perti* (1 л., ед. ч. *periu*) «бить», «лупить», «сечь», «пороть», «хлестать банным веником»; лтш. *pērt* (*peru*) «колотить», «пороть», «парить (в бане)», *pēriens* «порка», *pirēties* «ссориться»; праслав. **perti*, к которому восходят: др.-рус., ст.-слав. **пр҃ти** «ссориться», др.-рус., цслав. *пьря* «борьба, спор», рус. *перетъ*; **pьrati*, откуда др.-рус. *пьрати* (*перу*), цслав. *пьрати*, рус. *прать* «колотить (вальком белье), стирать»; блр. *праць* «валять, колотить вальком; нещадно бить»; рус. *прать* II «давить, топтать» (например: *попрать*); родственно им рус. *прять* в обоих значениях: I. 1 л., ед. ч. *прею*, ср. укр. *пріти*, *випріти* «взопреть, сопреть», польск. *przeć* «потеть, прять»; II. 1 л., ед. ч. *прю* «спорить»; к праслав. **perti* с префиксом *sO-* восходят ст.-слав. и др.-рус. *сутьрь*, рус. *соперник*, чсш. *soupeř*, польск. *sapierz* «противник», др.-рус. *съпоръ* (*супорь*), рус. *спор*. Семантическое развитие продолжений индоевропейского глагола в балтийских языках дает повод В. Н. Топорову реконструировать для балтийской мифологии представление о молнии как биче, которым Громовержец сечет, «дерет», бьет и взрыхляет землю, а также о грозе как о небесной бане. Однако сохранилось за корнем, по-видимому, и значение, относящееся к более традиционному действию Громовержца[8]. Это значение, удерживающее смысловой оттенок удара с некоторым напором, длящимся усилием, давлением, действительно оказывается ближе к действию божества в белорусской песне (Бог «месит»), чем действие, прямо опи-

сываемое в тексте нашей песни мордовским глаголом *сернгедемс* «кричать» (гром «кричит»).

В мордовский язык (точнее, в волжско-финский или волжско-пермский праязык) слова этого корня заимствовались не только в виде названия бревенчатого сруба (первоначально банного, см. лит. *pirtìs* «баня, лыномялыя», лат. *pirts* «баня», отсюда общемар. **перт*, мар. Л. *пӧрт*, *перт* «дом, изба» < чуваш. *пӳрт* «изба», «дом»; ср.: фин. *pirtti* «баня, курная изба», вепс. *pert'*, рус. *пермь* «жилая карельская изба», др.-рус. *пьрть* «баня»), но и непосредственно в форме глагола, сохранявшего исходное индоевропейское значение «ударять, бить»: см., например, мар. (луговой и восточный диалекты) *нераш* «ударять, стукнуть». Для реконструкции истории рассматриваемой формулы весьма существен этот факт, говорящий о знакомстве предков волжских финнов через балтское посредство с глаголом, продолжающим индоевропейское **per*.

При этом мордовское (эрзя) *нерть* (*part'*, *pert'*; ср. мокш. *перьфь*, *per'f'* «вокруг», удвоением (интенсивной формой) которого маскируется в нашей формуле индоевропейский глагол, является, по-видимому, исконно финно-угорским словом, восходя к основному словарному фонду финно-угорского праязыка (финно-угорское **pertɜ* / *pärtɜ* «край, сторона»).

Индоевропейское **ŋg*^{w}*hi* (в иной транскрипции: **ogʰʲi*-//**angʰʲi*-) очень удачно в фонетическом отношении замещено заимствованным из русского *благый* «злой». Однако, по мнению В. Н. Топорова, имеет смысл помнить о том, что и лит. *blõgas* означает «плохой», «дурной», «злой» (ср.: *blogybė* «зло»). При реконструкции формы исходной лексемы со значением «змей» надо учитывать, разумеется, протобалтск. **angis*, прус. *angis*, лит. *anǵis* «змея», хотя отсутствие *n*- и каких-либо следов назализации в форме *благый* указывает и на возможность возведения исходной лексемы к индоевропейскому варианту **ogʰʲi*- (аналогично ведийскому *áhi* «змей» и др.).

Наконец, *pur'gin'e* (озвончение начального согласного этого слова в первой строке есть результат характерной для мордовских языков регрессивной ассимиляции) — давно признанный балтизм в языке и мифологии мордвы (см., например, Иванов, Топоров, 1974, с. 22, 94). К этому можно добавить, что и сама по себе значительная роль Громовержца в небесной и земной свадьбе (не имеющая аналогий в таких индоевропейских традициях, как индоарийская или славянская), и многие детали мордовского мифа, зафиксированные в свадебных текстах, находят соответствие именно в балтийской мифологии Перкунаса. Достаточно сопоставить записанный Мельниковым-Печерским миф (о свадьбе Пурьгине-лаза) с балтской мифологией Громовержца, чтобы обнаружились разительные соответствия (Перкунас представлялся, в частности, в образе *гневного* мужчины с вьющейся *черной* бородой, «увенчанного *пламенем*», к тому же *пляшущим на свадьбе*). Все это в совокупности приводит к выводу о том, что индоевропейская формула (точнее следует, наверно, говорить о центральном элементе, ядре формулы индоевропейского «основного мифа») проникла в рассматриваемый мордовский фольклорный текст через балтское посредство.

О возможности, месте и времени контактов протобалтского с волжско-пермским праязыком споры не утихали с тех пор, как в конце XIX в. В. Томсеном были выявлены в финно-угорских языках первые балтизмы. Но дальнейшее наращивание «балтских» этимологий и попытки «балтийской» атрибуции некоторых археологических культур эпохи бронзы, соседствующих с исторической областью расселения волжских финнов, не могли окончательно сломить возражения оппонентов и перевести в разряд доказанных факты гипотезу о существовании в соседстве с волжскими уграми народа, исчезнувшего еще в доисторический период, — древних восточных балтов. Переломом в эту ситуацию внесла только серия лингвистических работ В. Н. Топорова, выявившая бесспорные балтские следы в гидронимии Поочья и Верхнего Дона[9] В свете этого естественным будет предположение, что рассматриваемая индоевропейская формула, обнаруживающая уже признаки определенной «балтизации», могла проникнуть в обрядовую традицию волжских финнов в период интенсивных

балто-финских контактов, начавшийся на рубеже III и II тыс. до н. э. и археологически свидетельствуемый соседством и культурным взаимодействием, с одной стороны, с фатьяновско-балановской культурой (балты), а с другой — с волосовской культурой и/или культурой ранней текстильной керамики (волжско-пермские финны). На протяжении столетий здесь должна была существовать ситуация балто-финского двуязычия, возможно, «субстратно-суперстратная» ситуация. Лучшая (в сравнении с другими волжско-пермскими финнами) сохранность элементов балтийского культурного наследия у мордвы, особенно у эрзи (тогда как у мокши ярче свидетельствуется индоиранское влияние), может быть соотнесена с данными палеоантропологии, фиксирующими доминирование у эрзян североевропеоидных черт, близких западно-балтийскому типу (при том что у мокши из европеоидных примесей преобладает северопонтийский тип).

Самой удивительной особенностью рассматриваемой формулы является то, что она не является в мордовском тексте чисто иноязычным вкраплением, а воспроизведена звукозаписью, на фонетическом уровне, будучи составлена из подходящих мордовских слов, имеющих уже свои, более или менее отличные от индоевропейско-протобалтских, значения. Трудно подобрать этому приему близкие аналогии в мировой культуре, учитывая, что и в фольклоре, и в жреческой сакральной поэзии звукопись редко идет дальше воссоздания в тексте на фонетическом уровне какого-либо божественного имени или тайного ключевого слова; здесь же воспроизведено целое предложение, составляющее ядро формулы «основного мифа». В формальном отношении ближе всего, пожалуй, к нашему примеру стоят некоторые опыты звукописного псевдоперевода иноязычных песен, предпринимавшиеся в 1960 — 1970-х гг. поэтом и художником Алексеем Хвостенко[10], или детские реинтерпретации текстов на непонятном «языке взрослых»[11] Если же говорить о функционально гораздо более близких рассматриваемому тексту образцах мифологической и обрядовой поэзии, то здесь напрашиваются две аналогии, между которыми нам и предстоит сделать выбор, чтобы определить тем самым способ создания нашей звукописной формулы.

Первую аналогию представляет звукопись в реконструируемой индоевропейской поэтической традиции (а также в древнеиндийской (ведийской), хеттской, древнегреческой, древнегерманской, архаической римской, кельтской и др.), осуществляемая по принципу «анаграмм». Эта техника, открытая Ф. де Соссюром, состоит в том, что «слова в стихах организованы вокруг имени восхваляемого божества, занимающего ключевые метрические позиции; слова могут или целиком служить звуковыми намеками на это имя, или заключать слоги, входящие в его состав». Тот факт, что в ведийской традиции, например, передаваемые звукописью слова, с нашей точки зрения, принадлежат тому же ведийскому языку, что и весь текст гимна, аналогии не нарушает: они предназначены были именно для того, чтобы быть услышаны и восприняты божеством-адресатом, а следовательно, относились, безусловно, к «языку богов»; так же могла восприниматься и фраза на чужом языке (индоевропейском, балтском) в момент, когда она внедрялась в протомордовский обрядовый текст. Выше уже было сказано об одном существенном различии: с помощью «анаграмм» никогда не воспроизводятся пространные (длиной более одного слова) фрагменты кодируемого текста. Есть и другие обстоятельства, делающие эту аналогию неполной. Главное из них то, что использование «анаграмматической» техники древнеиндийскими жрецами (а может, и их индоевропейскими предшественниками) предполагало владение в известной степени искусством формального фонетического и грамматического анализа текста; Соссюр даже допускал, что уже в индоевропейский период могла существовать некоторая традиция знания о «приемах, которым надо было следовать в поэзии», — традиция, нашедшая впоследствии продолжение в грамматической науке древней Индии. Несмотря на то, что есть основания говорить о системных заимствованиях в традициях волжско-камских и пермских финнов из индоиранской (протоиндоарийской) традиции в области ритуала, что могло сопровождаться и ис-

которыми заимствованиями в области техники создания обрядовой поэзии, трудно представить себе, чтобы у древнего жречества «протомордвы» было развито «теоретическое» знание о священном слове, позволявшее прибегать к изощренным приемам звукописи ведийского типа. Наконец, ни в мордовской обрядовой поэзии вообще, ни в данной формуле мы не видим того главного приема, которым характеризуется, по Соссюру, «анаграмматическая» техника: подбора слов, начальные и конечные слоги которых при «стыковке» воспроизводили бы звучание тайного имени. В мордовском тексте к словам чужого языка просто подобраны созвучные слова своего языка, образующие в сочетании осмысленную поэтическую фразу.

Вторую аналогию, несколько более точную, можно обнаружить в глоссолалических песнопениях русских сектантов-экстатиков. Подобные тексты часто являются образцами «зауми», «автоматической речи», но иногда конструируются из слов, более или менее достоверно воспроизводящих звучание слов какого-либо чужого языка. Причем в обоих случаях у самих сектантов есть тенденция к «семантизации звуков, исходно бессмысленных для принадлежащих к данному языковому кругу». Ближе всего к рассматриваемой индоевропейской формуле из мордовского текста стоит финал известного «санскритского» стиха, включенного П. И. Мельниковым-Печерским в описание хлыстовского радения в романе «На горах»: *А писано тамо: / Сатшираи само, / Капиласта гандря / Лараната шаштра / Сункара пуруша / Моя дева Луша* (подчеркнуто нами. — *Я. В.*). Примечание Мельникова-Печерского гласит: «Последний стих в нашей рукописи: *Майя дива луча*». В. Н. Топоров определяет слова «*Моя дева Луша*» по отношению к «*Майя дива луча*» как «„русскую" осмысливающую транскрипцию». К сожалению, из примечания Мельникова-Печерского нельзя понять, взял ли он вариант «*Моя дева Луша*» из другого рукописного источника или придумал сам, чтобы включить этот стих в сюжет по связи с именем персонажа — Лукерьи. Зато не оставляют сомнений в своей подлинности сведения о московском хлысте Варлааме Шишкове, подвергавшем «семантизации» собственные «иностранные речи»: *здрувуль дремиле* он расшифровывал как «не дремли, человек», *кресерефере* — как «крестное знамение на себе носи», *кресентрефert* — как «встрепенись сердцем к Богу» и т. д. Попытка семантизировать «заумь», опираясь на созвучия со словами «своего» языка, здесь достаточно очевидна.

Вероятно всего, индоевропейская сакральная формула, попавшая в волжско-финский обрядовый текст в пору предполагаемого балто-финского двуязычия, позднее, когда ее текст стал непонятным, была преобразована посредством мордовской «осмысливающей транскрипции». Предшествующий этап существования подобных формул, когда они употреблялись в мордовском тексте как «глоссолалические» элементы, представлен, возможно, рядом так называемых бессмыслонесущих слов в мордовской обрядовой и фольклорно-лирической поэзии[12]. Работа по языковой атрибуции этих элементов уже начата, и по крайней мере в одном случае есть все основания утверждать, что в мокшанском тексте за подобным «бессмыслонесущим словом» выявлена протоиндоарийская ритуальная формула. Но это должно стать темой специальной статьи.

Рассмотренный текст представляет новые данные для характеристики того «индоевропейского языка, близкого к балтийским», бесспорное влияние которого на языки волжско-пермских финнов пока прослеживалось только на уровне отдельных лексем, и позволяет реконструировать протобалтский вариант формулы «основного мифа». Косвенным же образом он свидетельствует о том, с какой безукоризненной точностью была произведена реконструкция исходной индоевропейской формулы около четверти века назад, в работе, давно уже ставшей классической.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В эрзянской свадебной поэзии «кудрявая березка» иногда прямо описывается как мировое древо, см., например, песню о «прощании с девичеством», записанную в составе свадебного обряда села Урусово Ардатовского района МАССР: *«Посреди того лужка / Растет кудрявая березка, / У той березки, сестрица моя, / По всей земле корни разрослись,/ По всему небу ветви раскинулись, / Из вершины мед капает, / У корней воском наливается...»*.

[2] Как правило, свадебный пирог — круглый, заключенный в лубяной обруч, большого диаметра (аршин, полтора аршина). В верхушку втыкалась еловая или яблоневая ветка (яблоня — «символ богатства» и вариант мирового древа), украшавшаяся разноцветными лентами. Из других украшений наиболее обычной была пара (или две пары) голубков из теста, а иногда — фигурки мужчины и женщины. Начинка часто располагалась слоями, например, в первом слое — творог и каша, во втором — мясо, в третьем — яйца, а верхушка смазывалась яичным желтком или маслом. Количество слоев могло доходить до 12. В мифопоэтическом описании *лукши* (специальной хвалебной песне, обращенной к пирогу) слоев именно 12, а начинка описывается как «трехгодовалый бык» с хвостом до Казани и рогами до небес, «двухлетний баран» с рогами как браслет и завитой колечками шерстью и «годовалый петух» с тремя «вещими» перьями, посеребренным клювом и позолоченными ногами. Нельзя не вспомнить по этому поводу о последовательности вкладываемых друг в друга зооморфных и прочих символов в связи с мировым древом и его ритуальным эквивалентом в индоевропейских традициях. Едва ли возможно сомнение в том, что мордовский свадебный пирог, подобно славянскому *короваю*, символически представляет и мировое древо, и в целом архаическую модель мира, совпадающую с индоевропейской.

[3] *Пуре* — сыченое медом пиво или квас — сакральный напиток мордовской архаической обрядности.

[4] Буквально «ящик» (jaštikk'e).

[5] Ср.: «жизнь Кащея», спрятанная в сундуке, висящем на древе, и облеченная в ряд вложенных одно в другое вместилищ, среди которых есть и птица (утка) — в русских сказках; мифологические *кошели*, висящие на двенадцати сучьях-месяцах древа Года-Времени и символизирующие недели, — в русских календарных загадках.

[6] Есть еще одна запись мокшанской свадьбы, в которой обряду приготовления свадебного пирога в доме жениха накануне свадьбы придается определенное значение: здесь есть и песня-заклинание, исполняемая при замешивании теста, и хвалебно-магическая песня, обращенная к пирогу (примечательна тем, что к нему обращаются *Кокшаняй, Шкайняй* — «Пирог наш, наш Боженька...»), и песня к печи, в которой печется пирог. Однако и здесь нет интересующих нас мотивов и формул.

[7] Вообще главным богом мордовской свадьбы по всем записям выступает не Громовержец, а верховный бог: Нишке-паз (эрзя), Шкай (мокша). Тот факт, что в нашей песне божеством, благословляющим свадьбу, является Гром, Пурьгине(-паз), в других свадебных текстах практически не фигурирующий, уже позволяет предполагать восхождение этой песни к какому-то более древнему состоянию мордовского свадебного обряда.

[8] Любопытно, что при картографировании распространения на территории Польши различных названий оружия Перуна именно в северо-восточных районах Польши (к востоку от Вислы, частью на землях исторической Восточной Пруссии), где можно предполагать балто-славянское культурное взаимодействие, выявились варианты *pręcik, prątek, prąt, pruntek (piorunowy, od pioruna, boży)* с современным словарным значением «прутик, палочка, стерженек». Однако уже фонетическое разнообразие этих лексем делает сомнительным их прямое восхождение к общеславянскому **prǫt* и заставляет задуматься о том, не могут ли они отражать некое балтское название орудия Громовержца, образованное от глагола, продолжавшего индоевропейское **per t*.

[9] Прологом к ней явилась совместная с О. Н. Трубачевым монография 1962 г. о гидронимии Верхнего Поднепровья.

[10] Таков, например, его текст на мотив песни «Хава Нагила» («Одна могила...»), воспроизводящий ритмику и основу фонетического рисунка целой строфы ивритского текста, или передача первой строки известного зонга «Summertime» из оперы Гершвина «Порги и Бесс» словами *Сёма там давит ливер из Изи*.

[11] Такие, как, например, у советских детей: *«С Интернационалом воз пряников в рот людской»*, а у английских детей соответственно: *«Lead us not into Penn Station»* вместо *«Lead us not into temptation»* (слова Молитвы Господней) и *«Gladly, the cross-eyed bear»* вместо *«Gladly, the cross I'd bear»* (слова духовного гимна).

[12] Впервые наше внимание к «несмыслообразующим словам» в мордовской поэзии привлек большой знаток мордовской фольклорной традиции профессор В. Я. Ельмеев (Санкт-Петербург), которому мы, пользуясь случаем, выражаем глубокую признательность.

Поступила 02.08.01.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ МОРДОВИИ»

Ю. А. МИШАНИН, кандидат исторических наук,
Г. РАДАЕВА, студентка

Литературно-художественный процесс как отражение динамики развития мордовской литературы хорошо представлен на страницах ежедневной общественно-политической газеты «Известия Мордовии».

«Известия Мордовии» — старейшая газета в регионе. Прообразом этого издания считается газета «Известия Саранского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», первый номер которой вышел 28 августа 1918 г.

В последующие годы, в силу исторических условий, газета довольно часто меняла свое название: «Саранская правда», «Пролетарская газета», «Трудовая жизнь» — таковы названия газеты в первые годы Советской власти. «Запол и пашня» — под таким названием она стала выходить с июня 1923 г. В октябре 1930 г. в Мордовской автономной области этот печатный орган начал выходить ежедневно и стал называться «Красная Мордовия». Название «Советская Мордовия» газета носила с 20 июня 1951 г., когда она начала издаваться на трех языках — русском, мокшанском и эрзянском. В феврале 1957 г. из нее выделились две самостоятельные республиканские газеты — «Эрзянь правда» и «Мокшень правда», а «Советская Мордовия» стала печататься только на русском языке [17]. С марта 1994 г. газета носит название «Известия Мордовии».

Наряду с первыми мордовскими газетами «Чинь стямо», «Од веле», «Якстерь тяште» и другими это издание явилось зачинателем мордовской литературы. Еще в конце 1920-х гг. при редакции газеты «Завод и пашня» работало первое в Мордовии литературное объединение, которое воспитало многих писателей и поэтов, в том числе Н. Эркая, Я. Пинясова, П. Кириллова, И. Кривошеева, А. Куторкина, М. Бебана. Позднее в «Советской Мордовии» начали свою творческую биографию известные писатели И. Антонов, Т. Якушкин, И. Пинаев и др.

Первые художественные и публицистические произведения на страницах «Завода и пашни» разъясняли трудящейся мордве политику партии большевиков, показывали тяжелую долю крестьян до Октября, звали к борьбе за новую жизнь. В то время многие мордовские писатели выступали как публицисты.

Уже в 1930-е гг. литераторы и публицисты стремились запечатлеть на страницах «Красной Мордовии» в художественных очерках новые веяния. Тридцатые годы — это прежде всего пафос темпа, который подчинял себе все, требовал предельных усилий воли. Писатель-очеркист, захваченный стремительным потоком жизни, едва успевал по горячим следам отражать общую картину обновления мордовской деревни. В таком повествовании он не всегда находил место и время для углубленных характеристик, отображения человеческих переживаний, которые были для него порой «только попутчиками главного» [23, с. 9 — 10].

Анализируя первую стадию становления мордовской литературы на страницах «Красной Мордовии», нельзя не отметить период своеобразного собирания фактов, что выразилось в фиксировании примет того или иного явления, в натуралистическом описании бытовых картин. Нелегко было разобраться в происходящих событиях, отличить случайное от главного. Это послужило причиной заблуждений, поверхностного показа действительности.

В последующий период развития литературы на страницах «Красной Мордовии» большое место отводится очеркам и

© Ю. А. Мишанин, Г. Радаева, 2001

рассказам, в которых главными героями выступают труженики села, рабочие заводов, партийные работники.

В период Великой Отечественной войны художественная литература и публицистика дополняли скупые строки оперативных сводок «Красной Мордовии» живыми рассказами о военных событиях, о героях-тружениках на полях и у станков. На первое место в это ответственное время выдвинулись публицистическое стихотворение, очерк, рассказ. Они звали народ на героическую борьбу с фашизмом.

В послевоенные годы на страницах «Красной Мордовии» преобладали стихотворения, рассказы и художественные очерки, основными темами которых были война, послевоенное строительство, мирная жизнь.

В 1960 — 1970-е гг. жанровый диапазон художественных произведений расширился. Наряду с традиционными рассказами и стихотворениями на страницах газеты появляются зарисовки о природе, фельетоны, сатирические стихи и басни, отрывки из повестей. Тематическая палитра стала более красочной: несмотря на преобладание «обязательных» тем (революция, партия, коммунизм), на страницах «Советской Мордовии» печатаются произведения о любви, природе, морали, а также острые сатирические произведения. Писатели отражали жгучие проблемы, которые выдвигала жизнь, обращали на них внимание всего общества. В течение многих лет в фельетонах, публиковавшихся в газете «Советская Мордовия», И. Юровский откровенно, честно раскрывал явления протекционизма, взяточничества, вел решительную борьбу против вседозволенности, очковтирательства и нарушений законности. Основная черта его фельетонов — злободневность, в ней заключался расчет автора на определенный результат — создание общественного мнения и срочное принятие мер. Ему несвойственно спокойное повествование. Особая энергичность изложения в фельетоне строится на целом ряде «неожиданностей», преподносимых писателем в художественной форме. Основное оружие для фельетона — смех. Не обязательно, чтобы он был веселым, вызванным комическими ситуациями. Для фельетонов И. Юровского гораздо важнее смех, смысл которого заключен во внутреннем комическом противоречии, а не лежит на поверхности.

Интересным является один из последних фельетонов И. Юровского «Угол падения — 40 градусов», где рассказывается о ряде предприятий Саранска, на которых спирт употреблялся не для производства, а для личных нужд ряда должностных лиц. Автор нашел очень удачный вариант названия, которое ярко характеризует все, о чем говорится в фельетоне. Удачным получился и сюжет, построенный на диалоге главного инженера Саранской АТС Г. Мозгачева, кладовщика предприятия «Медтехника» Л. Орловой, главного инженера треста «Дорспецстрой» В. Аршинова и директора завода железобетонных изделий В. Иванова. Именно эти люди использовали спирт для личных целей. В фельетоне они хвастаются своей предприимчивостью, и это создает эффект комичности. Автор вкладывает в уста героев такие выражения, которые не могут не вызвать смех и полностью раскрывают сущность лжегероев. Например: «Со-со-в-вершенно верно, — поддакнула Сергеева. — Можно тянуть по одной за работу в выходной? Неподмазанное колесо скрипит». «Скрипит, да еще как, — сел на своего любимого конька Аршинов. — А чтобы колесо не визжало, всех водителей надо отоварить» [26].

Если в 1960-е гг. художественные произведения в газете «Советская Мордовия» появлялись бессистемно: приурочивались к памятным датам или ими заполнялся недостаток материла, то начиная с 1970-х гг. в газете раз в месяц выходит специализированная литературная и искусствоведческая страница «Литература и искусство», а с 1990-х гг. — целый литературный разворот «Ларец словесности». На странице «Литература и искусство» кроме стихов, рассказов, очерков, зарисовок, фельетонов помещались музыкальные, литературные и театральные рецензии, материалы о выставках художников, искусствоведческие статьи.

С годами художественная литература стала занимать в «Советской Мордовии» важное место. Наряду с ежемесячными литературными страницами практически в

каждом номере появлялись специализированные рубрики. Под рубрикой «Годы и люди» публиковались художественные очерки и небольшие рассказы о фронтовиках, колхозниках, рабочих. Это произведения И. Юровского, В. Попова, Г. Чигирева, О. Савина. Зарисовки о природе можно было найти под рубрикой «Лесная грамота». Время от времени в газете появлялся сатирический отдел «Дробилка», частыми авторами которого были рабочие и крестьяне. Нередки были большие критические материалы, например обзор стихов «Дань любви к родному краю» Т. Григорьевой [5].

К юбилеям известных мордовских и русских писателей и поэтов «Советская Мордовия» выпускала зарисовки о них и подборки их стихов или отрывки из прозаического произведения («П. К. Любасеву — 60 лет», «Живое слово о поэте» о А. Полежаеве [16, 21] и др.).

Часто печатались стихи и рассказы о революции, Мордовии, природе (например, стихи Ю. Пронина «Октябрьский ветер», И. Инякова «В сиянии звездном», П. Черняева «Мордовия моя», очерк Т. Аюшева «Рузаевская республика» [1, 18, 20, 25]).

В 1980 — 1990-е гг. литературный процесс на страницах «Советской Мордовии» становится более многообразным. Можно сказать, что практически вся жанровая палитра художественной литературы представлена в газете, кроме, конечно, повести и романа, хотя иногда печатаются небольшие отрывки из них (например, отрывок из повести «Улицы старого города» Е. Конкиной [12]).

Появляются в газете и научные статьи о литературе, например материал А. Брыжинского «По зову времени» о современном мордовском литературоведении, критическая статья А. Терентьева «Познавая жизнь» о детской литературе, статья И. Ефимова «Уважение к минувшему» о развитии мордовского исторического романа [3, 6, 24].

В начале 1990-х гг. литературные подборки были неотъемлемой частью субботнего номера «Советской Мордовии». Обязательной была рубрика «Субботний фельетон», в которой печатались сатирические фельетоны, юмористические рассказы и зарисовки, бичующие самые острые социальные и нравственные проблемы, находившиеся в центре внимания общественности (например, фельетон «Недетские игры» Г. Кондарева, «Признание» Г. Кулина, «Стеснительный сосед» В. Ивенина [7, 10, 13]).

На тематической странице «Отечество» печатались не только публицистические материалы о войне, патриотизме, армии, но и стихи, рассказы, воспоминания на те же темы.

В последнее время литературная палитра «Известий Мордовии» не только не обеднела, но и заметно обогатилась благодаря литературному развороту «Ларец словесности». На этих страницах частые гости — молодые авторы, которые активно сотрудничают с журналом «Странник» (Ю. Самарин, Е. Конкина, Е. Муличева и др.). В «Ларце словесности» наиболее интенсивно развивается так называемая малая проза (очерк, рассказ, повелла, публицистическая статья). Как отмечает литературовед М. Ломшин, в этом есть определенная закономерность, ибо малые жанровые формы располагают неограниченными возможностями «оперативного» художественного исследования быстро меняющегося хода событий. Кроме того, молодым писателям, не имеющим определенного опыта литературной деятельности, необходимо время, чтобы освоить большие жанровые формы.

Неотъемлемой частью «Ларца словесности» является рассказ. Основные темы — фантастика, мистика, любовь, наиболее характерная черта — психологизм. Интимная тематика — одна из самых привлекательных для молодых авторов. К ней не раз обращались Ю. Смирнов («Неудавшийся портрет»), Г. Бояринцева («Новогодняя встреча»), Е. Муличева («Вера, Надежда, Любовь») [2, 15, 22] и др. Авторы не ограничиваются описанием отношений двух влюбленных. Они часто стремятся провести психологический анализ характеров, дать нравственное обоснование поведению героев. Большинство рассказов наполнено волнующим душу лиризмом. Но, как ни странно, в некоторых из них любовь преподносится не как высшее проявление человеческих чувств, а как животный инстинкт.

Значительную часть «Ларца словесности» занимают поэтические произведения. Это не просто стихи о любви, природе, добре и зле, это философское видение мира автором. Каждая строчка наполнена глубоким психологизмом, личным восприятием окружающей действительности, душевной теплотой поэта. Таковы стихотворения Н. Шумак, С. Сеничева, С. Казпова, А. Громыхина и др.

Не остается без внимания и детская аудитория. Под рубрикой «Малышок» можно прочитать детские стихи Б. Когова, Г. Гребенщова, А. Громыхина.

Было бы неверно утверждать, что в «Ларце словесности» публикуются произведения только молодых авторов. Нередки интервью с видными литературоведами, писателями, поэтами. Например, «Изломы судьбы» — разговор с писателем М. Сайгиным [14]. «Пока пишется роман...» — интервью с М. Ломшиным [19]. Печатаются критические статьи (например, М. Имярекова о поэзии «Песни журавлиного неба» [8]).

Несмотря на существование литературного разворота, «Известия Мордовии» изобилуют специализированными литературными рубриками и практически ни один номер не обходится без стихов, критической статьи, заметки о новой книге, зарисовки о писателе и т. д.

Из номера в номер переходит рубрика «Поэтическая шкатулка», постоянные авторы которой — А. Громыхин, С. Казпов, Н. Шумак.

Периодически появляются рецензии на новые произведения мордовских поэтов и писателей (например, рецензия П. Кирička «На чем стоит крестьянский мир?» на роман «Разломы» М. Сайгина; статья А. Брыжинского «Тени колоколов» об одноименной книге А. Доронина [4, 9]).

Под рубрикой «Премьера книги» публикуются материалы о книжных новинках, изданных в Саранске (к примеру, презентация поэтического сборника «В саду моих мечтаний»).

Рубрики «Память» и «Юбилей» напоминают читателю об известных людях в мордовской литературе (зарисовки о И. Кишнякове, И. Девине, М. Бебане и др.) и знакомят с их произведениями.

«Известия Мордовии» не оставляют без внимания и русских писателей и поэтов. Были опубликованы материалы о А. Пушкине, А. Полежаеве, М. Горьком, А. Солженицыне, М. Бахтине, статьи о русской литературе [11].

Примечательным является также то, что на страницах «Известий Мордовии» можно проследить историю развития русскоязычного молодежного журнала «Странник», начиная с первого номера до настоящего времени. Постоянные обзоры этого журнала дают представление о развитии литературного процесса на его страницах.

На наш взгляд, газета «Известия Мордовии» отражает «сегодняшний день» русской литературы в Мордовии, и по ее публикациям можно проследить развитие местной литературы на русском языке. Страницы «Известий Мордовии» — первая тропинка к большому художественному творчеству.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Аишев Т.** Рузаевская республика: Рассказ // Сов. Мордовия. 1979. 29 нояб. С. 4.
2. **Бояринцева Г.** Новогодняя встреча: Рассказ // Изв. Мордовии. 1998. 21 янв. С. 6.
3. **Брыжинский А.** По зову времени // Сов. Мордовия. 1990. 18 июля. С. 5.
4. **Брыжинский А.** Тени колоколов // Изв. Мордовии. 1997. 12 окт. С. 5.
5. **Григорьева Т.** Дань любви к родному краю // Сов. Мордовия. 1979. 17 дек. С. 3.
6. **Ефимов И.** Уважение к минувшему // Сов. Мордовия. 1990. 21 мая. С. 5.
7. **Иванин В.** Стеснительный сосед // Сов. Мордовия. 1991. 7 апр. С. 6.
8. **Имяреков М.** Песни журавлиного неба // Изв. Мордовии. 1999. 30 сент. С. 5.
9. **Киричек П.** На чем стоит крестьянский мир? // Изв. Мордовии. 1998. 5 нояб. С. 3.
10. **Кондарев Г.** Нелетские игры // Сов. Мордовия 1991. 6 февр. С. 8.
11. **Конкин С.** Славянство в зеркале русской литературы // Изв. Мордовии. 1998. 18 мая. С. 4.
12. **Конкина Е.** Улицы старого города: Отрывок из повести // Изв. Мордовии. 1998. 15 янв. С. 6.
13. **Кулин Г.** Признание // Сов. Мордовия. 1991. 3 марта. С. 7.
14. **Моисеев М.** Изломы судьбы // Изв. Мордовии. 1998. 10 марта. С. 5.

15. **Муличева Е.** Вера, Надежда, Любовь: Рассказ // Изв. Мордовии. 1998. 21 янв. С. 6.
16. П. К. Любаеву — 60 лет // Сов. Мордовия. 1979. 11 нояб. С. 2.
17. **Павлов Ю.** Наша биография. Газете «Советская Мордовия» 60 лет // Мол. ленинец. 1978. 25 авг. С. 2.
18. **Шиняев И.** В сиянии звездном: Стихи // Сов. Мордовия. 1979. 23 сент. С. 3.
19. Пока пишется роман... // Изв. Мордовии. 1998. 30 июля. С. 4.
20. **Пронин Ю.** Октябрьский вечер // Сов. Мордовия. 1978. 3 нояб. С. 4.
21. **Савин О.** Живое слово о поэте // Сов. Мордовия. 1979. 2 нояб. С. 3.
22. **Смирнов Ю.** Неудавшийся портрет: Рассказ // Изв. Мордовии. 1998. 18 апр. С. 6.
23. **Соколова В. Е.** Мордовская публицистика на современном этапе: Учеб. пособие / Мордов. ун-т. Саранск, 1990. 48 с.
24. **Терентьев А.** Познавая жизнь // Сов. Мордовия. 1990. 26 сент. С. 4.
25. **Черняев П.** Мордовия моя: Стихи // Сов. Мордовия. 1997. 13 дек. С. 4.
26. **Юровский И.** Угол падения — 40 градусов // Сов. Мордовия. 1984. 31 марта. С. 3.

Поступила 23.11.01.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПРЕССЕ

П. Ф. ПОТАПОВ, кандидат исторических наук

В настоящее время этнополитическая ситуация в Мордовии относительно стабильна. Вместе с тем еще недавно здесь бушевали политические страсти, решались извечные вопросы: что делать, как развиваться дальше. Местные печатные издания широко освещали этническую жизнь населения, фиксировали определенный рост национал-сепаратизма в обществе и бессилие властей внедрить в практику российской журналистики принципы, содействующие распространению толерантности.

К примеру, во второй половине 1980-х гг. на страницах республиканской прессы активно обсуждался вопрос о суверенизации. Это было непростое время. Распад СССР, образование новых государств, появление тенденций к изменению общественно-политического строя, переход к рыночной экономике — никогда на огромном пространстве бывшего Союза не было столь крутых поворотов.

«Слово о государственном суверенитете». «Быть ли Мордовии суверенной». «Суверенитет: каким ему быть» — эти и другие публикации передавали все многообразие суждений о суверенитете республики. В ходе дискуссии высказывались различные точки зрения. Одни считали, что не воспринимают идею суверенитета, поскольку понимают ее как полную государственную независимость, как выход из состава России и Союза.

Были и такие выступления, в которых говорилось о бедственном положении национальной культуры, науки, литературы. Их авторы, как правило, сторонники национального возрождения, высказывали мнение о том, что суверенитет откроет новый этап самоопределения нации, поскольку, освободившись от центра, республики будут вправе самостоятельно определять национальную политику, решать финансово-экономические вопросы.

В пользу суверенитета приводился и такой аргумент, что он активизирует деятельность всех структур. Республика не будет ждать, когда ей что-то «распределят», а сама сможет решать жизненно важные вопросы. С такого рода действиями многие связывали большие надежды на

© П. Ф. Потапов, 2001

развитие инициативы и творчества масс, пробуждение духовных сил народа.

Но были и иные доводы. Их, например, приводили те, кто выступал от имени движения «Демократическая Россия». Они решительно высказались против принятия Декларации о суверенитете. С их точки зрения, это не что иное, как дань моде, и применительно к автономной республике можно вести речь лишь об ограниченном суверенитете.

Таким образом, были и сторонники и противники суверенитета. И все же, при всей противоречивости мнений, участники дискуссии, проведенной в печати, склонились к мысли: суверенитет необходим, иное дело — в какой форме и какое содержание будет вложено в это понятие.

1991 — 1993 гг. охарактеризовались ослаблением связей республики с Москвой, ростом центробежных сил. Этот период памятен для Мордовии и тем, что тогда для решения социально-экономических проблем ее не посетил никто из федерального руководства, исключая те случаи, когда в ней поднималась политическая волна, особенно та, что была связана с принятием Верховным Советом закона об институте президентства (1991 г.) и ликвидацией через полтора года (в апреле 1993 г.) им же избранного президента Мордовии. Республика была заведена в серьезный политический и экономический тупик.

1996 г. был прожит в республике под знаком новой Конституции, которая является свидетельством межнационального согласия, возросшей управляемости политических процессов. Однако такое мнение разделяли не все. Газета «Эрзянь мастор» утверждала, что Основной Закон Республики Мордовия не является гарантом защиты прав ни эрзи, ни мокши. Большинство его разделов остались декларацией. Государство проводит политику преднамеренного разрушения этнокультуры мордовского народа. И не «под солнцем меркушкинской конституции», а только под руководством двухпалатного парламента, который следует избрать на очередных выборах по национально-территориальным и территориальным округам и в котором 50 % мандатов должны обладать депутаты эрзянской и мокшанской национальности, можно вывести из кризиса идущие в небытие этносы, нормализовать межнациональные отношения в Мордовии (Эрзянь мастор. 1996. 17 дек.).

Но так ли все плохо в республике, как считают некоторые радикальные лидеры, кто в корыстных интересах разыгрывает политическую карту? Отнюдь. Сегодня в Мордовии созданы правовые основы общественных преобразований: активно работают органы власти в центре и на местах; Государственное Собрание Республики Мордовия зарекомендовало себя в качестве авторитетного парламента, работающего весьма продуктивно. Многие вопросы общественной жизни обсуждаются руководством республики с политическими партиями, движениями, религиозными объединениями. Отношения с федеральным центром являются одним из важнейших национально-государственных приоритетов.

Большую опасность представляли попытки расколоть мордовский народ как этнос, «вывести» из мордвы эрзю, представить ее не в качестве субэтноса мордовского народа, каковым она считается ныне, а самостоятельным этносом. Эти попытки проявились еще на первом съезде мордовского народа, состоявшемся 14 — 15 марта 1992 г. в г. Саранске. Однако делегаты съезда, приехавшие из всех районов и городов Мордовии, многих регионов Российской Федерации, в абсолютном большинстве проголосовали за то, чтобы народ оставался единым — мордовским.

И тем не менее раскольническая деятельность продолжалась. Было создано несколько организаций, поставивших своей целью «защиту и реализацию неотъемлемых прав и свобод эрзянского народа», — «Эрзянь мастор» (основанная в 1993 г.), ассоциация «Эрзяна», «Фонд спасения эрзянского языка имени А. П. Рябова».

Идеи эрзянского национал-сепаратизма получили отражение во многих печатных изданиях. Так, один из авторов, выступающий под псевдонимом Нуяпь Видяс, называет этноним «мордва» не иначе, как «собачьим прозвищем». «У кое-кого, — недвусмысленно намекает он на русских, — нет желания эрзян именовать эрзей,

а мокшан — мокшей. Единый народ — и все» (Сятко. 1993. № 11. С. 52).

Вновь, как и при создании мордовской автономии, вносятся предложения называть республику не Мордовской, а Мокша-Эрзянской или Эрзя-Мокшанской, а то и вообще разделить ее на две республики — Эрзянскую и Мокшанскую или создать внутри «Мордовской Федерации» автономную государственность в виде Эрзянского и Мокшанского округов. В случае, если мокша не захочет «выйти» из мордвы, предлагается «выйти» из нее эрзе и образовать на базе восточных районов Мордовии Эрзянский национальный округ. Такую цель, в частности, ставило перед собой движение «Эрзянь мастор».

С другой стороны, зазвучали голоса о необходимости ликвидации Мордовии как республики. Например, газета «Советская Мордовия» от 17 марта 1994 г. сообщила о проведении в г. Саранске учредительной конференции республиканского объединения избирателей «За Саранскую губернию». Такой вариант, по нашему мнению, не совершенствует территориально-национальное устройство региона, а, наоборот, ухудшает, тем самым усиливает противоречия, доводит до конфликтного состояния между народами. Разделение Мордовии на два национальных образования может привести к дестабилизации обстановки в республике. Как отмечается в прессе, деление это искусственно, сам прецедент вызван политическими амбициями определенных кругов и ничего хорошего мордовскому народу не принесет.

«Реальность такова, — читаем в статье «Граница для этноса», — что мордовский народ такие намерения реформаторов не поддерживает. Об этом свидетельствуют и данные социологического исследования, проведенного Научно-исследовательским институтом регионологии при Мордовском университете: почти 80 % опрошенных высказались против изменения государственного статуса Республики Мордовия, т. е. в обществе продолжает доминировать процесс эрзя-мокшанской интеграции, консолидации мордовского народа» (Регионология. 1994. № 2 — 3. С. 187). Отмахиваться от реальности в угоду утопическим идеям и политической конъюнктуре — преступно и опасно. Можно сказать, что «национальная карта» в республике активно разыгрывалась в политической борьбе.

Совершенно иной путь предлагает В. Анарин. Это укрепление российской государственности без каких-либо внутренних национальных делений на округа и республики. По его мнению, «Россия — земля наша общая» (Сов. Мордовия. 1993. 14 янв.).

В печати высказывается и такое мнение: уникальность мордовского этноса заключается в том, что внутри него функционируют два самостоятельных языка, но в культурно-бытовом отношении — это единая общность и дробление единой культуры может иметь самый плачевный результат. «Отсюда, — говорится в статье «Два берега у одной реки», — едва ли есть необходимость создавать другое название» (Изв. Мордовии. 1997. 14 авг.).

Информация в республиканской прессе свидетельствует о разнообразии этнической тематики. Анализ показывает, что стратегической задачей в сфере этнополитики, стоящей перед руководством Мордовии, должен быть максимальный учет интересов всех живущих здесь народов, в том числе и в кадровой политике, без перекосов в ту или иную сторону. Это ослабит межэтническую и внутриэтническую напряженность, оптимизирует процесс консолидации мордовского народа.

В современных условиях большая ответственность ложится и на журналистов. Участвуя в формировании массового сознания, они должны внедрять в общественную жизнь принципы этической терпимости, дружелюбия и благожелательности.

Поступила 10.07.01.

ЖЕНСКАЯ ПРЕССА В РОССИИ: ЭКСПАНСИЯ ИНОСТРАННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ТОВАРА

Е. М. ПЛЕНКИНА, аспирант

Сегодня российский журнальный рынок невозможно представить без такого массива, как международные женские журналы. За последние пять лет они стали заметным явлением рынка периодической печати и одним из самых востребованных информационных товаров. Не случайно известные женские журналы («Космополитен», «Эль», «Лиза» и др.) с завидным постоянством занимают первые позиции в рейтингах продаж журнальной периодики.

Долгое время женщины России были изолированы от международной женской общности. Открытие российских информационных границ и появление на медийном пространстве нашей страны таких гигантов издательского бизнеса, как Издательский дом «Бурда» (ИД «Бурда»), «Индепендент Медиа» (Independent Media), «Ашетт Филипакки» (Hauchett Filipacchi Presse), коренным образом изменило ситуацию: российские читательницы присоединились к аудитории всемирно известных женских изданий.

В 1995 — 1997 гг. Россия переживала журнальный бум. Именно в этот период иностранные издательства выбросили на российский рынок СМИ несколько новых информационных «товарных единиц» в глянцевой упаковке (glossy magazine) — русскоязычные версии самых популярных за рубежом женских изданий: ИД «Бурда» — «Лиза» (1995); «Индепендент Медиа» — «Харперс Базар» (1996), «Мари Клер» (1997); «Ашетт Филипакки» — «Эль» (1997). Конечно, это не могло не коснуться и отечественных производителей журнальной периодики. В результате на рынке появилась серия новых женских изданий — «Женское здоровье», «Женский клуб», «Женские секреты», «Я сама». Издательский дом «Крестьянка» расширил свой журнал с одноименным названием при помощи приложений, количество которых к 1998 г. достигло восьми. И все же это не принесло существенных изменений: иностранные издания прочно заняли лидирующие позиции.

В принципе издание журналов — наиболее коммерческая часть медиа-бизнеса, следующая за телевидением. Однако добиться высоких показателей на рисковапном рынке, к которому относится и Россия, можно лишь имея четкую стратегию действий. Существуют две философии вхождения в рынок. Одна — когда крупная международная компания входит сама, без поддержки национального капитала и партнера, рассчитывая только на себя и инвесторов. Вторая — когда компания опирается на опыт, знания и капитал национального партнера. Эту модель использовала группа «Ашетт Филипакки», в частности, при работе над проектом русскоязычной версии журнала «Эль». Имея в своем арсенале 180 журналов, французская компания решила брать российский рынок «тяжелой артиллерией» — журналом «Эль». Это самый крупный проект группы «Ашетт Филипакки» как международный брэнд: на сегодняшний день журнал продается уже в 30 странах общим тиражом более 1,5 млн экз. [1].

Для реализации проекта предстояло решить две проблемы: найти российского партнера и читательскую нишу. Наиболее приемлемые условия для сотрудничества предъявила группа «Сегодня» (Издательский дом «Комсомольская правда»), которая обладала прежде всего большими возможностями по распространению печатной продукции. Это было наиболее узкое место при создании совместного проекта. Группа «Сегодня» могла предоставить информационную поддержку, промоушн на высоком уровне. Растиражировать первый номер журнала «Эль» для системы распространения газеты «Комсомольская правда» не составляло труда. На сегодняшний день журнал давно ушел за рамки

© Е. М. Пленкина, 2001

этой системы: сейчас она продает меньше 10 процентов его тиража.

К моменту выхода первого номера «Эль» на российском рынке другой, не менее известный в мире журнал — «Космополитен» (сокращенно «Космо») — имел довольно мощные позиции. Это был первый глянцевый женский журнал международного класса, появившийся в России (1994). Главный редактор международных изданий «Космополитена» Х. Браун в своем интервью журналу «Ньюсуик» отмечает: «Это журнал для женщин, которые во многих отношениях традиционны. Мы любим мужчин, любим детей, но не хотим, чтобы нас ценили за то, что наши дети хорошо учатся, или за то, что наши мужья — бухгалтеры. Можно быть приверженной всем традиционным ценностям — материнству, любви, заботе о близких — и в то же время преуспевать в избранной профессии. Работа и любовь одинаково важны» [4, с. 14]. Хелен Браун уверена и том, что женские журналы просто созданы для кросскультурного распространения. Ведь женщинам по всему миру нужно одно и то же: — любовь, друзья, свобода выбора и уважение. Вот почему география «Космо» очень широка: по данным на 1998 г., издание имело 36 национальных версий. Этот журнал особенно популярен среди молодых читательниц. Известный своим ироничным тоном и неавторитарным стилем, он помогает молодым женщинам решать свои проблемы, осуществлять мечты и добиваться поставленных целей. Девушка в стиле «Космо» молода, независима и энергична, она сама выбирает свой путь и добивается успеха (недаром девиз журнала: «„Космо" — это успех»). Об этом также говорят читательницы журнала: «Я не очень люблю всякие сплетни, которыми изобилуют другие женские журналы. А в „Космо" все более-менее жизненно... Девушка в стиле не из пальца высосана, и это заметно» (Наталья Алексеева, 22 года, г. Москва) [3, с. 133]. «Это умный журнал. Умнее других женских журналов и к тому же с ярко выраженным стилем. Как только я задумываю в жизни что-нибудь сделать, в очередном номере журнала появляется об этом статья...» (Наталья Скопцова, 25 лет, г. Зарайск) [3, с. 136]. Как утверждают издатели, российское издание объединяет около 1,5 млн читательниц [8].

Успех журнала, по мнению главного редактора, складывается из трех составляющих: первое — содержание (издание пишет о женщине в обеих главных ипостасях: «как о любящем и любвеобильном существе и как о работнике»); второе — из номера в номер проводится мысль о том, что можно добиться успеха только своими силами; третье — говорить правду. Кроме того, издание отличает высокое качество письма. Редакционные правила для журналистов занимают 28 страниц (!). Одно из основных требований к текстам — максимальная конкретность, детальность.

Журнал также знаменит своими конкурсами, шоу и праздниками. Ежегодный конкурс «Cosmopolitan-Модель», проводимый с 1994 г., дает возможность девушкам, никогда не работавшим на подиуме, попробовать себя в модельном бизнесе. В 1995 г. «Космополитен» объявил еще один конкурс — «Профессиональный успех». Его цель — поддерживать молодых женщин, которые своим талантом и энергией добились выдающихся результатов в профессиональной деятельности. В 1998 г. в Москве состоялся первый фестиваль «„Космо" — праздник красоты, моды и стиля». Кроме того, издание не забывает и региональных читателей. Так, в июле 1999 г. журнал гостил на Волге, акция называлась «Волжская ночь Cosmopolitan» [5, с. 12].

Если «Космополитен» и «Эль», наряду с другими женскими изданиями международного класса («Мари Клер», «Харперс Базар», «Вог» и др.), заполняют нишу дорогих глянцевых изданий, то сегмент дешевых массовых изданий полностью закрывает продукция ИД «Бурда». Немецкие издатели одними из первых начали освоение российского (тогда еще советского) информационного пространства, выпустив русский вариант журнала «Бурда моден». К моменту выхода в 1987 г. первого номера этого издания, презентация которого состоялась в Международный женский день в Колонном зале Дома союзов, читательские интересы женской аудитории в стране представляли «Работница», «Крестьянка», «Советская женщи-

на» («Мир женщины»), а также сеть изданий для женщин в национальных республиках. К концу 1980-х гг. в СССР выходило немногим более двадцати женских изданий [6, с. 16]. Женские журналы советского периода были построены по одной схеме, имели устойчивую модель оформления, структуры, тематического и жанрового наполнения, объема и даже периодичности. Поэтому яркая обложка, большой объем (153 страниц), высокое качество бумаги и полиграфического исполнения русской версии «Бурда моден» оказались как нельзя кстати: журнал, представляющий собой практическое руководство по кройке и шитью, привлек внимание российских читательниц и стал бестселлером.

Однако настоящий прорыв ИД «Бурда» на российский рынок произошел с выходом в 1995 г. иллюстрированного женского еженедельника «Лиза» (тираж первых номеров составлял 250 тыс. экз.). «„Лиза", — как утверждают ее редакторы, — развлекательный журнал, который берут с собой в дорогу». В процессе работы над проектом особо оговаривался выбор имени, которое должно было стать названием журнала. Лиза — «почитающая Бога, Богом кляпущаяся». В России это имя всегда олицетворяло чистоту, порядочность. И редакция пообещала, что журнал будет отвечать своему имени [7, с. 47].

Выпуск красочного развлекательного журнала стал настолько технологичным, что в течение трех лет ИД «Бурда» клонировал еще пять журналов со схожей композиционно-графической моделью — «Отдохни!», «Автомир», «Вот так!», «Мой мир», «Настя» (аналог «Лизы», издание просуществовало около года и было закрыто). Наконец, в 1997 г. в семье дешевых массовых изданий появилось более серьезное — женский журнал «Вуман». Последние же проекты ИД «Бурда» — журналы «Лиза. Мой ребенок», «Лиза. Гороскоп».

Но недаром говорят, что в жизни нет ничего раз и навсегда завоеванного. Еще недавно отличавшийся стабильностью сегмент женской журнальной периодики в России в последнее время стал «терять высоту»: отмечается падение интереса не только к глянцевой дорогой журнальной продукции (тиражи некоторых изданий заметно снизились), но и к дешевым: тиражи изданий ИД «Бурда» упали практически по всем московским розничным агентствам. Специалисты все чаще говорят о том, что пакет «Бурды» уже не представляет высокой коммерческой ценности и его издания нужны распространителям лишь для поддержания ассортимента. В частности, в ОАО «Печать Замоскворечья» тиражи ИД «Бурда» упали в четыре раза — с 8 до 2 тыс. экз. [2, с. 35].

Что касается продвижения международных женских изданий в регионы, то здесь наблюдаются любопытные тенденции. Во-первых, большая часть московских журналов преимущественно в Москве же и читается. Во-вторых, чем дальше от столицы, тем больше проявляется интерес к утилитарным изданиям — журналам по вязанию, шитью и другим, содержащим конкретные советы по здоровью и т. д. Глянцевые же издания в регионах расходятся хуже — по причине дороговизны. Исключение, пожалуй, составляет Санкт-Петербург. Здесь, по информации агентства «Метропресс», глянцевые издания расходятся быстро, интерес жительниц северной столицы к ним значительно выше, чем к местным изданиям, также адресованным женщинам. Видимо, поэтому «Ашетт Филипакки» в декабре 2000 г. выпустило региональное приложение «Эль. Санкт-Петербург» рекламно-информационного характера. В приложении (периодичность четыре раза в год) планируется публиковать петербургские новости, интервью, рассказывать о модных местах города: салонах, бутиках, ресторанах.

В столице же Уральского региона Екатеринбурге бесспорным лидером является журнал «Лиза»: здесь в месяц продается в среднем 1 340 экз. этого издания. Кроме того, местные распространители, в отличие от московских, считают, что его потенциал до конца не исчерпан: отмечается интерес к новым проектам «Лизы», однако их продажи пока невелики. А вот главное детище ИД «Бурда» — журнал с одноименным названием, популярность которого была феноменальной, — все больше теряет свои позиции. «Космополитен», «Домашний очаг» также обави-

ли в продаже, уступив место молодежным и развлекательным журналам: еще недавно «Роспечать» распространяла по 3 — 4 тыс. экз. «Космополитена» в месяц, сегодня — нет и 1 тыс. (895 экз.) [2, с. 39].

Очерчивая перспективы развития сегмента женской журнальной периодики в России, вряд ли можно говорить о скорогрядущем изменении ситуации: пик продаж дорогой журнальной продукции прошел, наблюдается насыщение рынка глянцевыми изданиями, в том числе и женскими. Что же касается регионального информационного рынка, то массовые издания ИД «Бурда» по-прежнему будут здесь лидировать благодаря своему утилитарному, развлекательному характеру и относительно низкой стоимости изданий. И это продолжится до тех пор, пока окончательно не встанет на ноги и решительно не заявит о себе отечественная женская пресса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Альперина С.** Нам не нужен тираж вообще. Нам нужен тираж проданный. http://www.internews.ru/sreda/8/9.html.
2. Уровень продаж женских изданий в Москве // Витрина читающей России. 2000. № 10. С. 35.
3. Кто читает COSMO? // Космополитен. 2000. Дек.
4. Над COSMO не заходит солнце // Пресс-тайм. 1998. № 9.
5. Новости СМИ. 1999. № 11.
6. **Имполькая Р.** Женская пресса: ее типологические особенности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. 1995. № 6.
7. **Имполькая Р., Серкова А.** 10-летие деятельности в России германского издательского концерна «Бурда» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. 1998. № 6.
8. Cosmopolitan. http://www.cosmo.ru/10.Shtml.

Поступила 15.05.01.

Культурология

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КИНЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МОРДОВСКОГО ТАНЦА*

А. Г. БУРНАЕВ, кандидат культурологии

Сегодня в искусствоведении необходим фундамснтальный и радикальный пересмотр старой теории танца. Ее законы не позволяют современным хореографам уйти от общепризнанных канонов постановочной работы в новых условиях существования национальной хореографии, где этнокультура является одним из важных компонентов развития профессионального хореографического искусства. На фоне общих процессов развития теории танцевального искусства в Мордовии она не утрачивает этническую специфику, а деформируется, что становится позитивным

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 00—04—00283.

© А. Г. Бурнаев, 2001

фактором в формировании национальной сценической хореографии.

Народный танец — самостоятельный материал для развития кинетической структуры профессионального хореографического искусства мордвы. В различные периоды он слагался в произведения большой значимости в синтезе с музыкой, живописью, т. е. оформлялся не только по своим законам выразительности. Одновременно в танце отражались миропонимание этноса, национальный колорит, особенность самобытной пластической композиции, он технически насыщался новыми характерными элементами, сочетал в себе процесс профессионального обучения, являлся методической основой форм и структур танцевального искусства.

Появление у мордвы святилищ способствовало канонизации кинетической структуры и отдельных элементов этнического танца. Каноны сохраняли древнейшие формы пластики, которые в новых условиях наполнялись иным содержанием и обогащались новыми пластическими интонациями, а также техническими приемами исполнения. Отдельные танцоры или группы танцоров вели в этническом танце кинетические темы, которые отличались друг от друга динамикой и характером «произнесения» движений и целых комбинаций.

Тело человека всегда было функциональным и смыслонесущим, местом «встречи» природы и культуры. Например, множественная семантика синкретического культа богини плодородия отражалась в пластическом воплощении женских календарно-обрядовых танцев, которым придавалось особое значение. Подражание птицам, животным соседствовало с условно-символической трактовкой их пластики и всегда сопровождалось характерными движениями корпуса. Кроме того, пластика женских танцев мордвы определялась их тематическими особенностями: темой обновления жизни, плодородия. Поэтому магическое значение приобретали движения бедер и груди, что способствовало выработке техник этнического танца, развитию координации и гибкости корпуса. Анализ сохранившихся образцов этнических танцев мордвы, а также различных поз, изображенных на иллюстрациях путешественников XVIII — XIX веков П. С. Палласа, И. И. Георги и др., дает возможность увидеть проявление движений в живом контексте. Пластические символы сохраняют за собой способность в свернутом виде заключать обширные смысловые тексты национального танца, которые необходимо сохранять и беречь для новых поколений.

В результате многовекового культурно-исторического развития в календарных обрядах и связанных с ними танцах сложился мощный пласт разнообразных рудиментарных явлений. Поэтому путешественники и этнографы XVIII — XIX веков в первую очередь знакомились с бытовыми формами танца, а не ритуальными, так как они были более доступны зрителю.

Все таинства ритуала одни и те же движения наполнялись иным эмоциональным содержанием. В то же время в танец вносились новые движения, нередко импровизационного характера, что способствовало созданию оригинальных танцевальных движений и даже танцев, напоминающих современные хореографические миниатюры. Как правило, народные формы танца создавались на основе сложившихся традиций и танцевальных структур и часто не уступали ритуальным. Поэтому на праздествах и гуляниях мордвы они дифференцировались на определенные виды, которые обычно сменяли друг друга в обусловленной последовательности и способствовали соответствующей подготовке ног и тела исполнителя.

В наши дни условием развития искусства является быстрая профессионализация. Определяющими чертами этого процесса можно считать общие тенденции развития хореографии в XX веке, которые влияют на стилистику современного сценического танца, стремящегося интерпретировать этническое. В середине XX века с изменениями условий жизни в национальный сценический танец вносились соответствующие омолаживающие «прививки». Без них он прекратил бы существование. Поэтому к концу XX века на сценической площадке жизнеспособность проявили лишь те образцы танцев и движения в них, которые соответствовали этническим характеристикам мордовского

народа, наиболее ярко и полно отражали психопластические интонации.

Танец народа, как никакой другой, до обретения жизни на сцене содержал в себе уникальнейшие составляющие, к которым осознанно в виде новой мысли, иного пластического выражения пришла культура XX века. Прежде всего это относится к воплощению глубокого универсального смысла, выраженного в индивидуальном человеческом теле. Живой народный танец коллективно создавался, воспроизводился и всегда существовал ради танцующих исполнителей. Его время было одновременно бесконечно, космично и исторически близко. Современному человеку трудно понять суть такой принципиальной раздвоенности танца в силу прежде всего специфического смыслового наполнения и выражения.

Народный танец не только фиксирует время, он определяет и культурное пространство жизни этноса, прежде всего социальное. В танце ярче всего проявляются процесс идентификации человека и коллектива, веками складывавшаяся гармонизация внутреннего мира отдельного человека и межличностных связей внутри общины в целом. На уровне коллективной психологии народный танец демонстрирует взаимодействие индивидуального мышления с коллективной ментальностью. Массовое танцевальное действо способствовало формированию «коллективного разума» как целостного социального организма. Такая восприимчивость человека к меняющимся и постоянно возвращающимся ритмам внешней и своей собственной внутренней природы порождала особый тип танцевального ритмомышления, воплощенного в присущей мордовскому танцу пластике. Исследования в этой области открывают новые стороны ментальности этноса, что требует их продолжения и предполагает изучение народного этнического танца как сложной динамической системы, функционирующей в контексте определенной культурно-исторической эпохи, в синтезе комплексного научно-концептуального исследования (описательного, аналитического, проблемно-публицистического, истолковательного и даже критического). Через функциональные и кинетически-структурные особенности развития мордовских плясок и их этнических элементов в определенной мере просматриваются тенденции дальнейшего развития национального хореографического искусства в XXI веке.

Сегодня на сценических площадках очень трудно увидеть «чистый» фольклорный мордовский танец, аутентично воспроизведенный по первооснове. Действительно, его движения просты и лаконичны, главнейшее его качество — выразительность. Однако этот танец интересен скорее специалисту, нежели зрителю. Его глубинный архетипический смысл утрачен, он остался в прошлом. Более привлекателен его стилизованный и по форме, и по содержанию вариант, который несет в себе определенную идею и образ, взятый из народной жизни.

В наши дни в современной мордовской хореографии существует тенденция перехода этнического в профессиональное. Этнический танец модифицируется, трансформируется и рождает новые формы хореографического языка. Прежде всего хореографы обращаются к разнообразным формам пластики, в которых заключены неосвоенные возможности человеческого тела. Для модернизации мордовского танца необходимо искать в этнических образцах не оригинальные движения и рисунок вообще, а своеобразные телодвижения, раскрывающие мысль, заложенную в танцевальной лексике. Это должны быть «говорящие» характерно-выразительные элементы, своеобразные пластические «слова», выражающие определенное состояние, чувства и мысли. Это условие сохранения наследия прошлого и обновления традиции. В хореографии такой процесс отмечен переходом от фиксации фольклорных образцов к созданию разнообразных форм сценического танца.

Таким образом новые пластические характеристики и оригинальное решение танцевальных композиций обретают многозначность. Они становятся основными компонентами в калейдоскопической смене орнаментальных рисунков этносценического танца, обретают полноту эмоционального звучания. Танец звучит как симфония геометрических фигур и линий, своеобразных пластических мотивов и интонаций. Его танцевальная лексика

оригинальна своей непривычностью и усложненной техникой, подчеркнутой пластичностью поз и движений. Это танец-модерн, выразительный, экспрессивный, психологический, часто именуемый импрессионистическим, так как основой его являются новая форма пластики, использование новых средств и возможностей в выражении телесного; с другой стороны, это неоклассический танец, в котором сквозное (непрерывное) действие идет за счет развития внутреннего содержательного танцевально-драматургического начала, достижения равновесия между формой и содержанием. Все это не могло не повлиять на стилистику народно-сценического танца, а значит, и интерпретацию этнического.

Народный танец мордвы-мокши и мордвы-эрзи и в XXI веке не останется без внимания, так как новое направление хореографии в стиле модерн (так называемый фолк) стремится переработать народную пластику, находя в ней новые возможности и формы воплощения. Широкий и многоликий спектр танцевальных стилей, в которых используются образцы этнической хореографии, обусловлен объемными выразительными возможностями народного танца, несущего в себе своеобразный код исторической памяти. Мордовский танец не является исключением.

Этнический танец мордвы претерпел ряд существенных изменений с начала XIX века до наших дней, о чем свидетельствует фактический материал исследователей культуры народов Поволжья и Приуралья. Появление у мордвы танцевальной пластики, отличной от пластики народов Поволжья, зависит от эволюции комплекса национального костюма. Изучение этого аспекта в становлении танцевальной культуры мордвы необходимо расширить и в современном хореографическом искусстве, прежде всего для выявления новых возможностей пластической выразительности профессионального мордовского танца.

Одним из формирующих факторов развития кинетической структуры мордовского танца явилось изменение формы национальной обуви, которая в прошлом имела символическое значение в жизни народа. Об этом свидетельствует следующий рассказ: «Лапти мордвину и сам Бог дал, велел всю жизнь носить. В старое время... лапти вешались на конек избы вместе с рождением человека. Он жив до тех пор, пока перевязка лыковая не сгниет и не оборвется... и лапти с колька не упадут. У нас был «Карь-паз» — лаптяный бог, который ассоциировался с продолжением жизни и являлся соучастником всех обрядовых событий языческой мордвы» [2, с. 135].

Т. А. Шигурова пишет: «На мордовской свадьбе XIX — начала XX века обувь была обязательным подарком жениха невесте, в который вкладывался особый смысл. Обувание в лапти, привезенные от жениха, символизировало подчинение мужу. Поэтому невеста выражала свое негативное отношение к обуви, сопротивлялась, до трех раз отказывалась обуваться» [6, с. 143 — 144]. Использование традиционной мордовской обуви в свадебном ритуале «той» / «питне» в качестве символа соединения двух чужих семей основано на известной двойственности вещей. Обувь становилась носителем определенной информации и даже частью самого человека, была способна имплицировать некоторые его главные свойства.

Для анализа особенностей развития кинетической структуры мордовского танца важно проследить эволюцию национальной обуви на протяжении веков, описать не отдельные вехи, а непрерывный процесс развития техник этнического танца в их генезисе, с тем чтобы решить проблему соотношения двигательного и музыкального текста профессионального танца, зафиксировать динамические оттенки самобытной пластики.

Лучше всего в исследованиях прослежена эволюция женской национальной обуви в XIX — XX веках — от лаптей до сапог «в гармошку». Уже в Изаньковском и Гавердовском могильниках мордвы IV века н. э. было обнаружено украшение женской обуви. Оно состояло из проволочных спиралек на ремешках, шедших в три ряда и чередующихся с прямоугольными обоймицами. Каждая такая лента закреплялась на ноге пряжкой с длинной обоймой. У пряжек от лент свешивались по четыре двойных пластинчатых привески. Эта находка свидетельству-

ет о неудобстве и громоздкости обуви. Нога мордовки не отличалась изяществом, так как была плотно «упакована» в портянку — кусок холста, которым обертывалась ступня; наколенник; шерстяную обмотку из полос красного, зеленого, желтого и черного цвета, которой обматывалась нога от щиколотки до колена.

Лапти имели как будничное, так и праздничное предназначение, о чем свидетельствуют термины *«латякарь»* и *«парочинь карь»* (э.). В отличие от более глубоких, тяжелых и кривых лаптей других народов Поволжья, они были прямые и легкие. Можно выделить три их разновидности:

1) *«латякарь»* — лапоть для работы, простой, удобный, но некрасивый. Плелся из липы: мужской в пять лык, женский — в семь;

2) *«пуло жарто карь»* — лапоть с «хвостом», более легкий, имел на верху задника приплет, предназначенный для заматывания на икре ноги для крепости в пятке; лепты лыка очищались для него тщательнее, колодка по форме красивее, чем у будничного лаптя;

3) *«ступня»* — лапоть, похожий на калошу, не прикреплялся к ноге и поэтому легко соскальзывал. Употреблялся в домашнем обиходе.

Из приведенной классификации следует, что лишь второй лапоть, более крепкий и тонкий, использовался в качестве праздничной обуви. В таких лаптях можно смело двигаться в танце, демонстрируя красоту их плетения. Подобная визуализация кинетической структуры чрезвычайно характерна для мордовского танца.

Если сравнить своеобразный орнамент правильных ромбических фигур, бытующих в мордовской вышивке, в резьбе по дереву, в бисерных и ракушечных украшениях, отразившихся в рисунке национального танца, в обрядовых действах и молениях, то можно обнаружить его сходство с косым плетением лаптей, с перехлестом обор (*карькст* (э.) — длинные веревочки из конопли, крестообразно расположенные на ноге; *шкань карькст* или *шкат* (м.) — ременные оборы с железным кольцом на одном конце для застежки, туго обертывающие рядами ногу до колена; как считают В. П. Ежова и Н. И. Спрыгина, «шкат» явились прототипом голенища сапога со сборами).

Следующим этапом эволюции танца стало появление женских сапог «в гармошку» — *«кежонь»* (м., э.), верх голенища которых украшался дырочками и строчечной вышивкой, с массивными задниками, набитыми гвоздями с небольшими шляпками. Складки кожи на сапогах повлияли на названия движений и рисунок национального танца — «гармошка», «зигзаг», «змейка» и др. Исследователь А. Примеров писал: «У молодых баб и девок стали появляться в последнее время так называемые чахчуры, или, иначе, котат... эта обувь... по форме своей ничем не отличается от арестантских каллиг, которая надевается на шерстяные толстые с навесом чулки» [3, с. 328]. Тяжелая кожаная обувь сковывала и затрудняла движения женщин, но, несмотря на это, она все же позволяла делать в танце не только шаги и переступания ног, простые удары всей ступней, но даже дробные выстукивания каблуками, ходы и перескоки, повороты и вращения. «Котат» явились одним из кинетических импульсов развития техник национального танца, существенно повлияв на его лексику и пластический рисунок. А. А. Шахматов писал: «Танцуют мордовские женщины в своеобразной национальной манере. Выходят две девушки, начинают потаптывать на месте и, медленно разводя руками, подергивая плечами и станом, переходят с места на место (меняются местами)» [5, с. 716]. Для мордовского танца характерны плавность, отсутствие резких ритмических переходов и вихревых поворотов, свойственных танцевальному искусству других народов.

Мужская обувь мордвы состояла из лаптей (причем портянки были гораздо короче женских) и обычных сапог, которые одевались только по годовым праздникам. Эти особенности повлияли на характер движений в мужском мордовском танце и в целом на исполнительское мастерство — манеру и динамику: шаг был широкий, размашистый, резкий, «дерзкий». Н. Прозин отмечал: «При танцах мордва пляшет довольно грациозно, выделывая чрезвычайно мелкие «антраша», а начинают они пляску, становясь друг против друга

и топая ногами» [4, с. 244]. По наблюдениям исследователя, «пляска мордвы резко отличается от пляски русских, первая отличается медлительностью движений пляпущих и не имеет разнообразных движений ног, характеризующих пляску русских» [1, с. 660].

Таким образом, изменение типа мордовской обуви прямо, а не косвенно повлияло на развитие кинетической структуры национального танца. Как было отмечено, элементы народной хореографии находились в тесной взаимосвязи с разновидностями обуви, что детерминировало их техническое совершенство. Исторические источники, сохранившиеся образцы танцевальной пластики, археологические данные не только подтверждают выводы о сходстве декоративного рисунка обуви и развития лексики мордовского танца, но и показывают процесс их совместной эволюции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Л-вь А. Л.** Мордва: Этногр. очерк // Родина. 1880. №. 11. С. 660.
2. **Попов М.** Селехинские мордвы // Санкт-Петерб. ведомости. 1834. №. 35. С. 135.
3. **Примеров А.** Этнографические заметки каменнобродских русских и мордвинов в Краснослободском уезде Пензенской губернии // Изв. Моск. ун-та. 1868. №. 4. С. 328.
4. **Прозин Н.** Картины мордовского быта // Пенз. епарх. ведомости (часть неофиц.). 1865. №. 40. С. 244.
5. **Шахматов А. А.** Мордовский этнографический сборник. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. С. 716.
6. **Шигурова Т. А.** Символика традиционной мордовской одежды (на материале свадебного ритуала «той»/«пятнс» // История, образование и культура народов Среднего Поволжья. Саранск, 1997. С. 143 - 144.

Поступила 12.01.01.

ЭКЛЕКТИКА В МУЗЫКЕ: ТРАКТОВКА ЯВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

О. В. ЖЕСТКОВА, старший преподаватель

Культура представляет собой исключительно сложное и многоуровневое явление. Обилие трактовок и интерпретаций, творческих методов и техник анализа создает ощущение тотального терминологического хаоса. Однако при более внимательном наблюдении просматриваются контуры определенной системы на фоне беспорядка. Эта система обнаруживает логику перехода от моностилистической культуры к полистилистической. Взаимодействие указанных систем культуры имеет сложную динамику, поэтому их анализ чрезвычайно важен и актуален.

В истории искусства существуют эпохи и стили, особенно трудные для понимания. Методы, выработанные классической эстетикой и искусствоведением, подчас передают их сущность с некоторыми искажениями. Подобным явлением стало направление в музыке, получившее название полистилистики.

Музыкальное искусство второй половины XX в. отличается редкостным многообразием, единовременным обилием направлений, течений, линий, интонационных и жанровых языков и т. д. Нельзя сказать, что такая множественность была уникальной в истории искусства. Нам известны эпохи, к примеру, барокко, мно-

© О. В. Жесткова, 2001

гие характеристики которых соотносимы с сегодняшней ситуацией. Думается, монохромность в творческой сфере, когда бы то ни было, иллюзорна, попытки ее достижения, даже с лучшими намерениями, вряд ли состоятельны.

Эта ситуация диктует необходимость того, чтобы разные духовные потоки и вместе с ними музыкальные стили взаимно прославались, сливались. Стилевая область музыки в таком контексте не может не быть многосоставной, как верно заметил В. Медушевский, ее органическим методом становится «диалогическое миропонимание» [5, с. 16]. При этом само художественное сознание становится хронологически раскованным, многомерным в стилевом аспекте, податливо откликающимся на все новые подключения возникающих (либо возрождаемых) свойств и ассимилирующим их.

Чем более набирает силу этот интегрирующий процесс, тем больше разнообразных явлений втягивается в его орбиту, иногда в новых синтезах, а иногда полифонически самостоятельно, хотя и не изолированно в условиях современного искусства. Это можно отнести и к обилию национальных, региональных, фольклорно-этнографических пластов, ряд которых заявил о себе с такой силой именно в XX столетии.

Стилевая множественность современной музыки проявилась в последние десятилетия как-то особенно выпукло и ярко, в сочинениях многих композиторов соединялись самые неожиданные стилевые компоненты. Резко расширила возможности техника мозаичных коллажей, разного рода цитирований, аллюзий, были усовершенствованы способы парадоксальной перекраски устойчивых, казалось бы, смыслов и их неожиданных сближений.

Такое явление А. Шнитке определил как «полистилистику» [7, с. 290]. Термин прижился быстро, ибо позволил выделить целый класс реально существующих явлений. Сквозь призму этого понятия рассматривается многое в музыке самого А. Шнитке, а также Л. Берио, А. Пярта, С. Губайдулиной и ряда других современных авторов. Черты полистилистики находят отражение в творчестве Р. Щедрина, С. Слонимского.

Однако со временем проступила тенденция, содержащаяся в самом явлении и сказавшаяся на его музыкальном истолковании. Наиболее кратко и четко она сформулирована Г. Григорьевой: «Если стиль сочинения состоит лишь в компилятивной комбинации давно известного, то вопрос об индивидуальности отпадает сам собой, и полистилистика становится эклектикой» [2, с. 19].

Подобное противопоставление понятий, по сути, сходных и взаимосвязанных, но недостаточно классифицированных и охарактеризованных вызывает некоторые сомнения. Думается, понятия полистилистики и эклектики не должны противопоставляться друг другу, как понятия позитивного и негативного, что ведет к известной вульгаризации не только научных понятий, но и часто к смещению ценностных акцентов в понимании искусства. Гораздо убедительнее рассматривать полистилистику как этап на пути развития более глобального процесса в культуре, называющегося эклектикой.

Наивным является предположение о том, что полистилистика как стилевое направление возникла во второй половине XX столетия. Ее истоки намечаются гораздо раньше. Характеристики, выделенные современными исследователями для полистилистики, можно проследить как органические качества художественного мышления и в искусстве барокко, и в некоторых идеологических изысканиях эпохи Просвещения, и в произведениях романтиков, и в других культурно-исторических точках.

Таким образом, стилевой плюрализм в искусстве не был завоеванием нашего столетия. Начиная со второй половины XIX в. возникло стилевое явление, именуемое эклектикой. Будучи эстетической и философской категорией в конце XIX — начале XX в., эклектика в наши дни приобретает статус нового направления, впитавшего в себя черты разных стилей прошлого. Иными словами, то, что в культуре означало многостилье, разностилье, граничащее порой с бесстильем (отсутствием одного четко выраженного стиля), сегодня поднялось на уровень общекультурного явления.

Эклектика в музыке — явление, не

удостоившееся сколько-нибудь глубокого исследования в отечественном музыковедении, хотя актуальность такой проблемы в наши дни вряд ли вызывает сомнение.

Вероятно, причины невнимания к вопросам эклектики следует усматривать в негативно-оценочном моменте, традиционно сопровождающем это явление. Как правило, под эклектикой подразумевалось отсутствие ярко выраженного индивидуального стиля, подражательство, безвкусие художника, его бездарность, неспособность создать что-то «свое», что-то новое в искусстве.

Термин «эклектика», перешедший из архитектуры во многие области искусствознания, за время своего существования поменял множество различных коннотаций и на смену пониманию эклектики как механистического, безвкусного совмещения разностилевых элементов пришло понимание ее как органического и закономерного явления с определенной эстетической системой.

Этимология этого слова берет свое начало в древнегреческом языке, где понятие *eklektikós* означало «выбирающий». В архитектуре под этим понятием подразумевается определенное стилевое направление, возникшее во второй половине XIX столетия и связанное с широко распространившейся тенденцией копирования декоративно-стилистических форм прошлого (например, романских, барокко, византийских, древнерусского зодчества). «Возникший таким образом эклектизм кроме всего прочего выполнял основное требование общества конца XIX в., заключавшееся в стремлении к максимальной, даже показной парадности общественных зданий, в которых над классическими строительными материалами и способами решения интерьеров начинают преобладать их имитации, богатые лепные украшения и другие декоративные формы» [6, с. 180].

Знаменательно, что для обозначения этого архитектурного стиля исследователи используют чаще термин «историзм» или «псевдоисторизм», чем нежелательный и эстетически некрасивый «эклектизм», ведь последний ассоциируется со стилевой беспринципностью.

Тем не менее именно эклектизм с его использованием различных исторических форм способствовал освобождению художественного мышления от стилевых схем прошлого и переходу к новым концепциям и идеям.

Представляется неправомерным недооценивать значение этого явления, потому что именно оно создало почву для зарождения полистилистики как художественно-стилевой целостности. Прежнее негативное представление об эклектике как механическом заимствовании отдельных элементов на основе произвольного выбора уступило поискам особой системности в этом явлении.

Необходимо наметить точки соприкосновения в исторически меняющемся понимании эклектики как эстетической категории и как категории логико-философской. Последняя изначально тоже имела подчеркнуто негативный смысл и при этом представлялась синонимом категории «синкретизм». «В философии синкретизмом называют одну из разновидностей эклектизма», — написано в логическом словаре-справочнике И. Кондакова [4, с. 542]. В новейших работах проявился значительно более тонкий подход, «реабилитирующий» эклектику как системное понятие и одновременно разводящий ее с синкретизмом. Обсуждая антиномию необходимости и невозможности построения синтеза мировоззрения, Н. Автономова пишет: «...Попыткам синтеза противостоят обоснования принципиальной мозаичности, как status quo, при котором эклектичные (представляющие собой конгломерат разрозненных элементов) или же синкретичные (отмеченные определенной, хотя и неосуществимой тенденцией к синтезу) мыслительные образования санкционируются как нечто неизбежное и непреодолимое, вполне соответствующее реальному бытию мысли, реальным формам существования позднебуржуазного сознания» [1, с. 157 — 158]. Интересно, что Е. Кириченко противопоставляет термины «эклектика» и «синкретизм», рассматривая конкретные вопросы развития архитектурного стиля [3, с. 49].

В искусствоведении XX в. термин «эклектика» не имеет четко выраженных определений и потому доходит до диамет-

рально противоположных истолкований, в частности выступает как антоним красивого и легко усвоенного социумом термина «полистилистика». Эклектиками называют композиторов второго плана, тех, у которых отсутствует своя эстетика, отличающая яркую авторскую индивидуальность. Спорность такого подхода очевидна.

Смысловая расплывчатость этих понятий должна остаться в прошлом. Вероятно, глубокий и детальный анализ характера связи разностилевых элементов, используемых композитором в тексте, позволил бы создать условия для разграничения этих явлений. При этом спектр анализируемых текстов, конечно, не должен ограничиваться «полистилистическими» произведениями последних десятилетий, а варьироваться, по крайней мере, в историческом пространстве двух последних веков. Кроме того, в данном вопросе важен метод анализа, выбранный исследователем при рассмотрении текста произведения или группы произведений.

Если рассматривать произведения искусства как семиотические объекты, то эклектические (а также полистилистические) тексты могут выступать как механизмы «двойного кода», рассчитанные одновременно на различные уровни восприятия.

Семиотическая грань проблемы эклектики как явления исторического, предшествующего появлению различных полистилистических техник, позволит выдвинуть его на уровень перспективного предмета искусствоведческого исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Автономова Н. С.** Рассудок. Разум. Рациональность. М.: Наука, 1988. 285 с.
2. **Григорьева Г. В.** Стилевые проблемы русской советской музыки второй половины XX в. 50 – 80-е годы. М.: Сов. композитор, 1989. 206 с.
3. **Кириченко Е.** О закономерностях развития архитектуры (опыт системного анализа эклектики и модерна) // Архитектура СССР. 1973. № 12. С. 42 – 50.
4. **Кондаков Н. И.** Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
5. **Медушевский В.** К проблеме сущности, эволюции и типологии музыкальных стилей // Муз. современник. М.: Сов. композитор, 1984. Вып. 5. С. 5 – 17.
6. **Станькова Я., Пехар И.** Тысячелетнее развитие архитектуры / Пер. с чеш. В. К. Иванова; Под ред. В. Л. Глазычева. 2-е изд. М.: Стройиздат, 1987. 296 с.
7. **Шнитке А.** Полистилистические тенденции современной музыки: Докл. на VII Междунар. конгрессе в Москве // Музыкальная культура народов СССР: традиции и современность. М., 1973. С. 289 – 291.

Поступила 14.11.01.

ФОРТЕПИАННАЯ МУЗЫКА КОМПОЗИТОРОВ МОРДОВИИ

Т. Н. ГУЛАЯ, старший преподаватель

Неисчерпаемое богатство мордовской музыкальной культуры общеизвестно, и этот факт не раз отмечался в исследовательских работах, посвященных изучению особенностей национальной музыки Мордовии.

Самобытность и характерность фольклорных источников (мордовских песен, причитаний, танцевальных наигрышей и др.) не оставляет равнодушными мордовских профессиональных композиторов, вдохновляя своеобразными музыкальны-

© Т. Н. Гулая, 2001

ми идеями, волнуя воображение, сообщая особый колорит их творениям. Произведения композиторов Мордовии не чужды европейским музыкальным традициям, и это говорит о высоком профессиональном уровне подготовки авторов, их образованности и техническом мастерстве. Но любовь к родному краю, интерес к его культуре обогащают профессиональную музыку мордовских композиторов, насыщают ее своеобразным и неповторимым духом патриотизма, преданности своей культуре.

Знакомство с творчеством композиторов Мордовии убеждает в том, что его основное направление связано, прежде всего, с созданием крупных сочинений для больших исполнительских хоровых и оркестровых коллективов: оратрий, кантат, симфоний. Вместе с тем немалую роль играет и камерная, в частности фортепианная, музыка, которая заслуживает пристального внимания и изучения.

Позитивным моментом является тот факт, что в Саранске впервые в 2000 г. вышел в свет нотный сборник «Фортепианная музыка композиторов Мордовии», а в 2001 г. появилось следующее издание с одноименным названием. Редакцию этих сборников осуществила Л. Б. Бояркина, составили его Т. Н. Гулая, С. А. Исаева.

Фортепианные произведения композиторов, включенные в сборники, хотя и не являются основной областью их творчества, но представляют собой уникальные образцы претворения европейских традиций и использования национального мелоса. Авторами произведений являются Г. Вдовин, Н. Митин, Г. Г. Сураев-Королев, С. Терханов, Е. Лысенкова.

Произведения, вошедшие в первое издание сборника, принадлежат жанру фортепианной миниатюры.

Цикл Г. Вдовина *«8 пьес для фортепиано»* является своеобразным «словарем настроений», в котором одна картинка, как в калейдоскопе, сменяется другой. Жанровая яркость, образность сообщают миниатюрам характер этюдов, жанровых сцен. Типично романтический характер подобных форм проявляется не только в принципе контрастности следующих друг за другом пьес, но и в программном замысле их композиционного построения. Глубинная национальная первооснова этих сочинений (использование натуральных ладообразований, пентатонических построений, вариационного принципа развития тематизма) создает почву для различного рода творческих экспериментов.

Две прелюдии Г. Вдовина демонстрируют многогранность композиторского дарования автора: первая погружает в атмосферу философских размышлений, сосредоточенной суровости, вторая прелюдия контрастирует с ней своей танцевальностью, романтической устремленностью.

«Фантазия» и *«Танец»* Г. Вдовина являются ярким примером импровизационности, используемой с поистине романтической свободой.

Две прелюдии Н. Митина отражают романтические тенденции в творчестве композитора. Само обращение к жанру прелюдии предопределяет спектр выразительных и формообразующих средств, свойственных этому жанру в его романтическом толковании. Стилистически разные, непохожие друг на друга, обе миниатюры имеют схожее композиционное строение, яркую жанровую принадлежность: в первой — серенада, а во второй — танец.

Десять прелюдий-импровизаций Г. Г. Сураева-Королева вошли в сборник выборочно, но каждая свидетельствует о необыкновенном композиторском остроумии и находчивости автора, как в области композиции, так и в области мелодии и фактуры. Эти произведения привлекают своей пианистичностью, импровизационной свободой. Синкопы, ритмическая изобретательность, мелодическая вариационность, за которыми тянется шлейф джазовой непосредственности, создают образы, полные внутренней динамики.

Пьесы С. Терханова могли бы войти в «Детский альбом». Композитор, создающий музыку для оркестров и хоров, музыку серьезную и порой драматичную, сумел написать произведения, проникнутые поистине детской чистотой и непосредственностью. Неподдельная простота *«Польки зверят»*, лирическая проникновенность *«Вальса-видения»*, изящность и легкость *«Золушки на балу»*, задушевность и поэтичность *«Элегии»*, романтическая

тонкость «*Осеннего романса*» говорят не только о богатой образной палитре их автора, но и о необыкновенной гуманности и человечности этой музыки. За внешней простотой и порой безыскусственностью терхановских пьес скрывается глубочайшая продуманность всех деталей и мельчайших подробностей. Изысканность гармонических ходов, изящество мелодического рисунка и его отдельных поворотов, как и ряд других, едва заметных штрихов, придают пьесам удивительную легкость.

В инструментальном творчестве мордовских композиторов наряду с жанром миниатюры значительное место занимают произведения крупной формы. Сонаты и сонатины, вошедшие во второе издание сборника, составляют наиболее интересную и яркую страницу музыкального фонда композиторов Мордовии. Эти произведения отличаются яркой индивидуальной манерой, своеобразием национального колорита.

Соната № 2 Г. Вдовина создана в традициях прокофьевских сонат. Это трехчастный цикл, построенный по принципу контраста: драматическая первая часть сменяется строгой лирикой во второй, за которой следует стремительный финал.

«*Баллада*» этого же композитора является образцом героического инструментального эпоса. Эпичность ее образного строя обусловлена характерными для этого жанра особенностями. Как известно, баллада всегда являлась одним из излюбленных жанров романтического искусства, так как прекрасно передавала национальный колорит. В этом проявлялся интерес к историческому прошлому, отраженному в старинных преданиях и легендах. Рельефность образов обусловлена индивидуальностью тематизма, необыкновенной яркостью мелодических и ритмических оборотов.

Сонатина № 2 Г. Вдовина — произведение, по форме и композиции напоминающее классическую модель жанра сонатины. Однако и гармоническое содержание, и соотношение главной и побочной тем (d — e), и ладовые особенности тематизма обнаруживают связь с композиторской техникой XX в.

«*Школьная сонатина*» С. Терхапова благодаря названию настраивает на определенный характер восприятия. Композитор, сочиняющий много музыки для детей в жанре фортепианной миниатюры, сохраняет искренность и непосредственность высказывания и в произведении крупной формы.

Сонатина Е. Лысенковой отличается своеобразием двухчастной структуры. Если первая часть написана как традиционное сонатное allegro, то вторая, медленная часть (andante) — это тема с вариациями. Общность интонационного материала частей, непрерывность музыкального развития способствуют цельности формы этого произведения.

Фортепианная музыка композиторов Мордовии — область малоизученная и редко исполняемая. Однако она представляет собой одну из ярких граней национального искусства. Широкая пропаганда, концертная деятельность, исполнение и осмысление этих произведений могли бы внести большой вклад в развитие музыкальной культуры Мордовии.

В заключение хочется еще раз отметить важность не только исполнения этих произведений, но и их внимательного изучения и анализа. Очевидно, что фортепианные произведения мордовских композиторов — перспективный объект для теоретического исследования и методических разработок.

В настоящее время готовится к публикации следующий выпуск сборника «Фортепианная музыка композиторов Мордовии», включающий произведения циклической формы. Впервые будут опубликованы произведения Г. Вдовина, Н. Бояркина, Г. Г. Сураева-Королева, Е. Кузиной.

Поступила 14.11.01.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Ж. А. КОНАКОВА, кандидат филологических наук

Подростковый возраст очень своеобразен и интересен для воспитателя, учителя, и постановка данной проблемы сегодня неслучайна, ибо успех учебно-воспитательной работы со школьниками зависит от знания и учета их возрастных особенностей развития. Подростковый возраст (иногда его называют переходным, потому что в течение этого периода происходит своеобразный переход от детского состояния к взрослому) связан с серьезной перестройкой психических процессов, физического развития, деятельности школьника и поэтому требует решительных (хотя и постепенных) изменений в формах взаимоотношений, организации деятельности, руководства со стороны взрослых, в частности учителей. Трудности, встречающиеся в учебной и воспитательной работе со школьниками-подростками, объясняются иногда недостаточным знанием или игнорированием особенностей и закономерностей физического и психологического развития в этом возрасте.

Почему подростковый возраст считается более трудным для обучения и воспитания, чем младший и старший возрасты? По-видимому, сам процесс превращения ребенка во взрослого труден, так как связан с серьезной перестройкой организма, психики и ломкой уже сложившихся форм отношений с людьми, связан с изменением условий деятельности.

В самом деле, если школьник еще недавно охотно слушал подробные объяснения учителя, то теперь подобная форма знакомства с новым материалом часто вызывает у ученика скуку, равнодушие, явно тяготит его. Склонный ранее к дословному воспроизведению учебного материала, он стремится теперь излагать его «своими словами» и протестует, когда учитель требует точного воспроизведения формулы, закона, определения. Вчера еще послушный, вежливый подросток вдруг начинает проявлять резкость, грубость, упрямство, недисциплинированность. Беспрекословно принимавший ранее указания, требования взрослых, он теперь относится к ним избирательно критически, считает, что эти указания и требования должны быть достаточно аргументированы и логически убедительны (с его точки зрения). У него появляются собственное мнение (нередко расходящееся с общепринятым), преувеличенное представление о собственном достоинстве, необъяснимая обидчивость. Все это нервирует учителя, приводит к конфликтам с учащимися-подростками.

Трудности, связанные с обучением и воспитанием подростков, в том и состоят, что очень важно понять необходимость изменения привычных методов обучения и воспитания, изменения удачных в прошлом форм влияния и воздействия на школьников, в частности форм контроля за их жизнью и деятельностью.

Чтобы найти правильные приемы и средства обучения и воспитания подростков, надо хорошо знать своеобразие подросткового возраста, особенности физического и психического развития. Особенности эти разноплановые и говорить о них

© Ж. А. Конакова, 2001

можно много и долго. Остановимся лишь на некоторых из них.

Прежде всего надо определить рамки самого возраста. И здесь никак нельзя обойти явления акселерации (лат. *acselleratio* — ускорение), т. е. наблюдающееся за последние десятилетия ускорение развития людей. Акселерация психического и физического развития детей особенно скачкообразно скачкообразно скачкообраз

щие учителя в затруднительное положение.

Конечно, из всего сказанного не следует делать вывод, что подростковый возраст — это какой-то «инвалидный» возраст, требующий особого отношения, как к больному. Напротив, подростковый период — это период кипучей энергии, больших замыслов и больших дел. Но учитывать указанные выше особенности при организации учебно-воспитательной работы необходимо.

Важными факторами физического развития в подростковом возрасте являются половое созревание, начало функционирования половых желез. Начало полового созревания в большой степени зависит от климатических и национально-этнографических факторов (например, у жителей южных районов оно начинается раньше, чем у жителей Севера), а также от особенностей индивидуальной жизни (состояния здоровья, перенесенных болезней, питания, режима труда и отдыха, окружающей обстановки и т. д.). С этими поправками начало полового созревания у мальчиков можно отнести (в условиях средней полосы РФ) к 12 — 13 годам, у девочек — к 11 — 12 годам. Большинство мальчиков теперь созревают к 15 — 16 годам, а девочки — к 14 — 15 годам.

И. П. Павлов назвал процесс созревания биологической революцией в организме человека. Это происходит не 2 — 3 дня, а 3 — 4 года и игнорировать в учебно-воспитательной деятельности этот процесс нельзя.

Кроме того, совершенно ясно, что, если к 15 — 16 годам заканчивается период полового созревания, организм к этому времени становится способным к воспроизведению себе подобных, то говорить о полной физической, а тем более духовной, идейной, социальной, гражданской зрелости в этом возрасте, разумеется, нельзя. Нередко подросток не умеет контролировать свои чувства и поведение, правильно строить взаимоотношения с людьми, особенно противоположного пола. И если мы не хотим, чтобы он оказался беспомощным перед лицом властных, новых, неизвестных чувств и ощущений, чтобы он получал информацию и соответствующие указания из весьма сомнительных и нежелательных источников, чтобы на этой почве не возникли искривления его личности, учителя, воспитатели должны тактично помочь подростку разобраться во всех вопросах, которые его волнуют. Главное — не относится к этому равнодушно и безразлично.

Необходимо, насколько это возможно, оберегать подростков от дурных примеров, не допускать чтения неподходящей для них литературы, просмотра вредных в этом отношении кинофильмов и телепередач. Дело это, конечно, не такое простое. Прямой запрет может привести к обратному результату — подросток во что бы то ни стало будет пытаться проникнуть за «железный занавес» запрета. Важно переключить внимание подростков, направить их на иную, интересную и занимательную для них деятельность, полезный и интересный фильм, книгу. Помогут в этом правильный распорядок жизни подростка, четкий режим труда, сна, отдыха и питания, регулярные занятия физкультурой и спортом.

Итак, важным средством полового воспитания считается, как уже упоминалось, переключение внимания подростка со сферы интимных отношений между людьми на другие объекты. Но основное значение имеет разумная организация всей жизни ребенка, организация режима и распорядка его дня.

Интерес подростка (а его надо развивать) к различным творческим занятиям, техническим поделкам, увлечение музыкой, рисованием, спортом, участие в общественных делах способствуют его творческой активности, создают полезную направленность и устремленность. Наоборот, безделье, праздность, отсутствие полезных занятий уродуют интересы подростков.

Однако от действительности подростков не изолируешь. Вокруг них бурлит жизнь, на которую они смотрят широко открытыми, любопытными глазами. Они хотят познать и малопонятную, загадочную сторону человеческих отношений. И если воспитатели не придут вовремя на помощь, то подростки вынуждены будут сами искать объяснение непонятным и тревожно влекущим их явлениям. Тогда «просвещением» подростка займутся дру-

гие — не опытные, вдумчивые воспитатели, а малоосведомленные товарищи и подруги.

Директору школы и учителю (особенно классному руководителю, а также учителям литературы, истории, биологии) надо думать о том, как тактично и ненавязчиво воспитывать у подростков правильное отношение к лицам другого пола, к красоте человеческих взаимоотношений, воспитывать благородство и рыцарство (не надо бояться этих слов) у мальчиков и целомудрие, женское достоинство у девочек. Не нужно искусственно возбуждать интерес к соответствующим вопросам. Но если учитель видит проявления соответствующего поведения, слышит соответствующие разговоры, то занимать позицию постороннего наблюдателя ему не следует. Иногда подростки сами спрашивают: «Вот вы читаете лекции о дружбе, о товариществе, а расскажите: можно ли любить, что такое любовь, какие должны быть отношения между мальчиками и девочками?». Разговор на эти темы может принять самые разнообразные формы, но при этом всегда должна быть атмосфера доброжелательности, искренности, сердечности и доверия.

Желательно, конечно, говорить с подростками не только о том, что и как должно быть в человеческих отношениях, раскрывать не только светлые стороны жизни, воспитывать не только на положительных примерах. Думается, надо создавать своего рода иммунитет — отрицательную реакцию, невосприимчивость по отношению к отрицательным явлениям. Поэтому надо говорить и о таком, чего не должно быть, но что еще есть, к сожалению; говорить о некоторых уродливых сторонах быта и ненормальных взаимоотношениях людей, резко и убедительно осуждать их. Не нужно думать, что тем самым мы привлекаем внимание подростка к таким явлениям. Важно, чтобы он их правильно понял и оценил.

Мы уже отметили, что подростковый возраст является переходным от незрелого состояния к зрелому, от детского к взрослому. Это период подлинного становления, самоутверждения личности, стремления к самостоятельности, утверждения себя во взрослости. Вполне естественной тенденции к самоутверждению личности, стремлению казаться старше своих лет сопутствуют некоторая настороженность, повышенная чувствительность, обидчивость, сочетание грубости с застенчивостью. Грубость подростка нередко является формой самоутверждения, а иногда и защитным приемом.

Если подросток не найдет опоры для самоутверждения, утверждения себя как взрослого, в кругу близких ему людей (родителей, учителей), то он вынужден будет искать такую опору на стороне.

Главное же заключается в том, чтобы заполнить жизнь подростка интересными делами и установить правильные взаимоотношения с классом в целом и с каждым учеником в отдельности. Доверие, учет мнения учащихся и их возможностей, отсутствие мелочной опеки, глубокое уважение к личности и высокие требования, доброжелательный тон - таковы далеко не полные требования к учителям и родителям по отношению к детям.

Поступила 06.04.01.

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА

В. П. КУТЕЕВА, кандидат педагогических наук

Проблема качественной подготовки специалистов в настоящее время приобрела исключительную значимость в силу критического состояния нашего общества. Современная ситуация объективно требует от специалистов высшей квалификации компетентности, глубокой теоретической подготовки, наличия навыков управления коллективом, готовности к деловому сотрудничеству. Между тем стабильное неблагополучие в области профессиональной подготовки приводит к тому, что протекционизм, непорческий подход к работе с людьми берут верх над профессионализмом. Хроническая невосприимчивость общества к научно-техническому прогрессу, экономический и экологический кризисы связаны не только с проблемами социально-экономического характера, но и с падением уровня образования, профессиональной пригодности работников, престижа знаний по сравнению с утилитарными ценностями и практической деятельностью.

В условиях экономического хаоса, корпоративности мышления большинства руководителей производства потребность предприятий, учреждений в высококвалифицированных работниках, обладающих глубокими теоретическими знаниями, организаторскими способностями, навыками управления, часто остается нереализованной.

Получается замкнутый круг. Невостребованность профессиональных специалистов бумерангом возвращается в учебные заведения, снижая престижность добросовестной учебы. Но новую систему хозяйствования, способную вывести страну из кризиса, могут создать только высококвалифицированные специалисты. Поэтому сегодня первостепенное значение приобретает органический сплав профессионализма, социальной зрелости молодого человека, его гражданственности и интеллигентности, способности работать с детьми и потребности неукоснительно следовать требованиям общественного долга.

Высококвалифицированный специалист сегодня — не только знаток своего профессионального долга, но и организатор и воспитатель масс, субъект социальной активности. Поэтому задача высшей школы состоит не только в обучении студенческой молодежи, но и в формировании их гражданской зрелости, потребности в самоактуализации. Перед психологической наукой сегодня встают вопросы: как определить психологический потенциал тех общественных изменений, которые происходят в обществе; как развить уровень сознательности, ответственности и активности личности; каковы закономерности формирования социальной активности личности.

Анализ литературы по проблеме развития активности личности и результаты нашего исследования позволяют утверждать, что процесс формирования социальной активности развертывается как сложнейшее сплетение разнонаправленных человеческих действий, одни из которых способствуют ему, а другие — тормозят. Этот процесс включает не только сотрудничество, но и противоречия между личностями, личностью и группой, между группами и т. д. У каждого участника есть свои цели, мотивы, ориентация и представления о ценностях, своя направленность. А чтобы понять, как формируется, закрепляется или изменяется направленность личности, следует ее рассматривать в контексте социальных процессов, обратив внимание на то, с кем и по какому поводу личность вступает в сотрудничество или противоборство. Надо учитывать, вовлекается ли данная личность в те или иные социальные процессы стихийно, в силу сложившихся обстоятельств или включа-

© В. П. Кутеева, 2001

ется в них сознательно — в этом выражается ее социальная зрелость. Связь общественных отношений и психологических свойств личности не непосредственная: она опосредуется множеством факторов и условий.

При исследовании жизни личности в обществе необходимо иметь в виду, что совокупность общественных отношений, их система в целом определяют социальный статус каждой личности и ее развитие. Но при более детальном анализе выявляется, что способы включения человека в разные виды общественных отношений и порождают богатство психических свойств личности.

Существенное значение для развития личности имеют не только экономические, но и правовые и политические отношения. В период, когда государственные законы не обеспечивают права личности, складывается определенная общественная психология, которая находит свое отражение в системе психологических качеств личности. Неуверенность в социальной защищенности, недоверие к государственным институтам порождают социальную пассивность, такие черты характера, как безразличие к социальным событиям, нерешительность, безответственность.

Позитивные изменения в политической системе, формирование правового государства оказывают непосредственное влияние на условия развития каждой личности, требуют от нее самостоятельности и высокой ответственности за свои поступки.

Процесс перестройки общественных отношений сложен и противоречив, связан со специфическими психологическими явлениями, среди которых внутренние противоречия в «субъективном мире» личности (борьба ценностных ориентаций, моральных принципов, мотивов и т. д.). Основным средством этих противоречий является включение каждой личности в систему общественных отношений. Причем ее движение в данной системе может осуществляться только как активный процесс. Еще Г. В. Плеханов отмечал, что если при определенной сумме условий S в соответствии с законами развития общества должно совершиться событие A, то это не значит, что все произойдет само собой. Дело в том, что в сумму условий S наряду со многим другим входит деятельность конкретной личности a. Если личность не включается в социальный процесс, то сумма условий будет уже не S, а $S - a$. Следовательно, событие A либо наступит позже, либо совершится не во всей полноте, как предполагалось, либо не произойдет совсем. Данное высказывание имеет прямое отношение к современному периоду развития нашего общества. Однако неверно рассматривать развитие личности как ее движение в некоторой застывшей системе, также неверно представлять движение общества в виде некоторого потока массы пассивных однообразных индивидов. Действия личностей и развитие общественных отношений связаны неразрывно. Включаясь в социальные процессы, личность изменяет и обстоятельства своей жизни, «линию» собственной судьбы. Поэтому можно сказать, что основным условием самоопределения личности и сознательного регулирования ею своей жизнедеятельности выступает социальная активность.

Под социальной активностью мы понимаем особое качество личности, каким является способность к целенаправленному действию со средой — качество, которое базируется на потребностях и интересах человека, существует как внутренняя готовность к действию и проявляется как энергичная самодеятельность, направленная на преобразование различных областей действительности и самих субъектов.

Социальная активность как качество личности имеет сложную структуру, в которую входят, с одной стороны, мотивы, обеспечивающие проявление данного качества в определенном виде деятельности, с другой — усвоенные (закрепленные) способы (или формы) поведения, а также потребности, цели, интересы и установки. Эти и другие психологические компоненты личности составляют внутренний механизм активности личности, который обусловливает ее позицию, направленность в различных сферах деятельности и общения.

Формирование социальной активности, изменение качественных характеристик происходят в процессе совершенствования других свойств и сторон личности. Этот процесс осуществляется под влия-

ием тех отношений, которые складываются у личности с обществом и непосредственным окружением (микросредой).

Нашими исследованиями подтверждается, что уровень социальной активности личности во многом зависит от степени сознательности, глубины осознания общественной значимости деятельности, в которой она участвует. В этой связи очевидна та важная роль, какую следует отводить в процессе воспитания личности ее полноценному политическому и моральному просвещению. Мы полагаем, однако, что связь социальной активности с содержанием политического и нравственного просвещения не всегда проста и прямолинейна. Иначе чем можно объяснить ситуацию, когда молодые люди с одинаково развитой сознательностью (о чем свидетельствуют идентичные оценки их реакции на события и отношения в коллективе и обществе) проявляют различную степень социальной активности? Сталкиваясь с подобными фактами, педагоги ограничиваются подчас выводом о том, что налицо случай, когда у человека «слово расходится с делом» в результате проявления таких черт характера, как эгоизм, лицемерие, неискренность. В действительности же недостаточная активность студента может быть вызвана не этими причинами. При одинаковой осознанности важности той или иной деятельности у одного студента активность не выходит за пределы исполнительности, у другого она обусловлена инициативой и самостоятельностью. Происходит это потому, что в первом случае дисциплинированность, чувство личной ответственности за порученное дело, интерес к конкретной форме деятельности сочетаются со слабо развитыми организаторскими способностями и некоторой замкнутостью характера. Во втором случае на тот же уровень сознательности накладываются такие черты характера, как общительность, развитое чувство ответственности за себя и за коллектив, организаторские способности, интерес не только к конкретному виду, но и к любой деятельности на пользу общества.

Вышеизложенное еще раз свидетельствует о том, что социальную активность нельзя рассматривать как черту характера, однопорядковую с дисциплинированностью, требовательностью, инициативностью и т. д. С другой стороны, исследуя социальную активность как определенную психическую черту, необходимо помнить, что она формируется в зависимости от других качеств личности и может быть понята только в этой связи. Например, на формирование социальной активности большое влияние оказывают ценностные ориентации личности. А они соответствуют своей эпохе, периоду, и процесс их обновления происходит постепенно, с течением времени. Так, по данным нашего исследования, проведенного в Мордовском государственном университете, стало известно, что наиболее часто упоминаемым в студенческой среде оказался следующий набор жизненных ценностей: красивые фирменные вещи, карьера, деньги, секс, любовь, дружба. Этот набор характеризует социально-нравственные ориентиры 78,6 % опрошенных студентов. Учеба и образование как ценности находятся в нижней половине иерархии жизненных ценностей, значительно уступая таким ценностям, как верность, дружба, любовь, деньги, карьера и т. д. Учеба и образование оказались как бы отделенными, оторванными от своих следствий — материального благополучия и профессионального продвижения, что отражает в целом невостребованность образования в нашем обществе. Возможно, поэтому жизненные ценности современной студенческой молодежи смещены в сторону материально-вещевого, обывательского потребительства.

Материалы исследования свидетельствуют, что все более значимыми для студентов становятся не столько общественные, сколько личностные ориентиры. Особенно это проявляется в представлениях юношей и девушек об успехе в жизни. В ряду наиболее значимых ценностей 29,3 % студентов на первое место поставили дело по душе, интересную работу (по специальности хочет работать каждый третий студент); 25,7 % — высокий заработок, материальное благополучие (в фирмах, коммерческих структурах, на рынке, за границей намерены работать треть опрошенных) и 13,6 % — хороших, верных друзей, благополучные отношения в семье, удовлетворенность в интимной жизни, любви.

Что касается политических взглядов, то студенты в большинстве выбирают демократическую форму правления, учитывая даже негативную сторону современного социального развития общества. Однако отмечается «тоска» по массовым общественно-политическим организациям. Юноши и девушки считают, что организации типа ВЛКСМ нужны и в наше время. Объясняют они свою позицию прежде всего необходимостью в защите прав и интересов молодежи. В то же время указывается, что общественная деятельность в рамках ВЛКСМ не всегда была интересной. 20 % респондентов равнодушны к этой проблеме.

Полученные нами данные показывают, что не все безразлично нашему студенчеству, можно и нужно найти средства, способы привлечения молодых людей к общественно-политической деятельности, если она будет научно организована и эффективно управляема. Результаты исследования убедительно свидетельствуют и о том, что только комплексная учебно-научно-общественная деятельность студента лежит в основе его подготовки к самостоятельному профессиональному труду, развития необходимых для этого свойств, знаний, умений и навыков, формирования социальной активности как необходимого качества личности.

Поступила 17.07.01.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Медицина и биология

ИММУНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗВЕННОЙ БОЛЕЗНИ, ОСЛОЖНЕННОЙ КРОВОТЕЧЕНИЕМ

Н. И. БЕЛОНОГОВ, кандидат медицинских наук
В. А. БЕСОВ, О. Г. ЮРТАЙКИН, А. Б. РОЩИН,
А. Е. НОЗДРАЧЕВ, Д. В. БАРИНОВ, врачи

Важным звеном в патогенезе язвенной болезни являются изменения в иммунной системе организма. Мы исследовали динамику иммунных показателей у пациентов с язвенным гастродуоденальным кровотечением. У 108 больных язвенной болезнью желудка проведено исследование клеточно-гуморального иммунитета. Полученные результаты показали, что с нарастанием степени тяжести кровопотери происходит снижение уровня Т-лимфоцитов, соответствующее степени кровопотери. Так, при кровопотере II степени уровень Т-клеток составил $42{,}5 \pm 0{,}5$, а у больных с тяжелой степенью кровопотери этот показатель достоверно изменился и составил $34{,}2 \pm 0{,}5$ ($P < 0{,}05$). Достоверного снижения количества T_1-лимфо-

© Н. И. Белоногов, В. А. Бесов, О. Г. Юртайкин, А. Б. Рощин, А. Е. Ноздрачев, Д. В. Баринов, 2001

цитов не выявлено. Отмечена тенденция к уменьшению числа T_2-лимфоцитов с 35,2 ± 0,3 у пациентов с легкой степенью кровопотери до 27,4 ± 0,3 при тяжелой ее степени ($P \leq 0,05$). Достоверного изменения количества В-лимфоцитов не выявлено ($P > 0,05$). Констатировано достоверное снижение уровня иммуноглобулина G с 59,2 ± 2,4 у больных с легкой степенью кровопотери до 48,2 ± 1,4 у пациентов с тяжелой степенью ($P < 0,05$), а что касается количества иммуноглобулинов А и М, достоверного изменения не выявлено ($P > 0,05$).

Нами проведено также изучение показателей клеточно-гуморального иммунитета у 131 больного язвенной болезнью двенадцатиперстной кишки с учетом степени тяжести кровопотери. При этом исследование на содержание Т-лимфоцитов показало, что с нарастанием степени тяжести кровопотери уровень Т-клеток снижается. Так, при кровопотере II степени уровень Т-клеток составил 41,4 ± 0,5, а у больных с тяжелой ее степенью — 32,4 ± 0,5 ($P \leq 0,05$). Достоверного снижения количества T_1-лимфоцитов не выявлено. Отмечена тенденция к снижению числа T_2-лимфоцитов с 34,1 ± 0,3 у пациентов с легкой степенью кровопотери до 26,4 ± 0,3 при тяжелой ее степени ($P \leq 0,05$). Достоверного изменения количества В-лимфоцитов не зафиксировано. Отмечено достоверное снижение уровня иммуноглобулина G — с 57,3 ± 1,4 у больных с легкой степенью кровопотери до 47,4 ± 0,5 у пациентов с тяжелой ее степенью ($P \leq 0,05$). Достоверного изменения количества иммуноглобулинов А и М не выявлено. Показатели клеточно-гуморального иммунитета не зависели от локализации язвенного процесса.

Изменение иммунного статуса коррелировало со степенью тяжести кровопотери. Так, при кровопотере I степени (20 % от ОЦК) выраженное снижение уровня Т-клеток наблюдается на 1 — 3-и сутки, стабилизация показателей наступала на 10 — 16-е сутки, восстановление уровня приходилось на 21 — 22-е сутки.

При кровопотере II степени (20 — 30 % от ОЦК) выраженное снижение содержания Т-клеток отмечается на 10 — 16-е сутки. Восстановление их уровня не происходило и к 21 — 28-м суткам.

При кровопотере III — IV степени (30 % и более от ОЦК) уровень Т-клеток оставался сниженным с 1-х по 30-е сутки и только по истечении этого времени наступала стабилизация.

В группе, где проводили локальное лечение с применением тактивина, стабилизация показателей клеточно-гуморального иммунитета наступала раньше. Так, при кровопотере I — II степени восстановление основных показателей наступало на 12 — 14-е сутки, при III степени оно происходило к 21 — 23-м суткам, а при IV — на 28 — 30-е сутки.

Таким образом, изменения показателей клеточно-гуморального иммунитета у больных с язвенным гастродуоденальным кровотечением коррелируют со степенью тяжести кровопотери. Применение локального лечения способствует более эффективному их восстановлению.

Поступила 04.12.01.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННО-ЦЕННЫХ ПРИЗНАКОВ У ЛЮПИНА ПРИ ИНТРОДУКЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ

Н. Ф. САНАЕВ, доктор биологических наук,
М. И. ЛУКАШЕВИЧ, доктор сельскохозяйственных наук,
Н. ГОРЧАКОВА, студентка

В течение трех лет (1997 — 1999) в почвенно-климатических условиях Мордовии нами велись испытания сортообразцов люпина из коллекции ВНИИ люпина. При этом решались задачи по акклиматизации данной культуры в новой природной зоне. В результате выявлены сходные закономерности роста и развития люпина, установленные ранее [1 — 4]. Вместе с тем отмечено своеобразие в проявлении его некоторых признаков.

В качестве исследуемого материала служили образцы однолетнего люпина с ценными в экологическом и практическом отношениях показателями. Использовались виды люпина желтого и узколистного. В первую группу вошли: сорт Кастрычник, получивший широкое распространение в Брянской области и других прилегающих районах; сорт Брянский 17, характеризующийся сочетанием признаков скороспелости и повышенного содержания белка в семенах; сорт Брянский 81, отличающийся ранним цветением и признаками детерминантности; сортообразец 40/93, выделяющийся ультраскороспелостью; сортообразец 122/90, обладающий скороспелостью.

Вторую группу исследуемых форм составили сорта люпина узколистного. В том числе сорт Кристалл с нерастрескивающимися (преждевременно) бобами, сорт Брянский 123 с устойчивыми признаками и детерминантный сорт Ликаф 14.

Полевые опыты проводились на базе Мордовского НИИ сельского хозяйства РАСХН, где почвы представлены выщелоченным черноземом. В пахотном слое земли отмечалось высокое содержание радионуклидов от Чернобыльской АЭС.

В годы исследований климат был нестабильным. Наблюдались аномальные явления в температурном режиме (резкие перепады в весенний период и затяжная жара летом). Перегрев, как правило, сопровождался острым дефицитом влаги.

С точки зрения акклиматизации представляют интерес закономерности роста и развития изучаемых образцов люпина. Так, просматривается тенденция к низкорослости, что особенно заметно проявилось на третьем году испытания.

В приспособительном отношении важное значение имеет укорочение периода вегетации. Если в первый год испытания сорт Кастрычник вызрел за 102 дня, то на втором и третьем году соответственно на три и шесть дней раньше. Аналогичные соотношения данных наблюдались и по другим сортообразцам (табл. 1). Особую ценность представляют ультраскороспелые формы, в частности 40/93.

В широких пределах варьировалась семенная продуктивность. При этом установлена зависимость урожайности от видовых и сортовых особенностей, а также от года возделывания люпина. По выходу семян наиболее высокие показатели оказались у образцов люпина узколистного в 1998 и 1999 гг. Относительно выровненные данные по урожаю семян получены у сортообразцов люпина желтого в 1999 г.

Посевы люпина повлияли на уменьшение радионуклидов в почве (табл. 2). Так, они способствовали снижению содержания ^{137}Cs. Установлены различия по годам. На участках, где произрастали образцы люпина желтого, наиболее активное поглощение изотопа происходило в 1997 г.

© Н. Ф. Санаев, М. И. Лукашевич, Н. Горчакова, 2001

В последующие годы наблюдалось ослабление способности к аккумуляции радиоактивного цезия, что может быть связано с действием факторов окружающей среды. Минимальное количество радиоактивного элемента обнаружено у сортообразца 40/93. Видимо, срабатывает механизм блокирования избыточного накопления радионуклидов, что является важным эколого-селекционным показателем.

Таблица 1

Влияние средовых факторов на сроки вегетационного периода люпина

Сортообразцы	Продолжительность периода вегетации по годам, дни		
	1997	1998	1999
Lupinus luteus L.:			
Кастрычник	102 ± 1,04	99 ± 1,06	83 ± 0,93
Брянский 17	106 ± 0,96	92 ± 0,76	85 ± 0,75
Брянский 81	101 ± 1,34	93 ± 0,84	83 ± 0,84
С. в. 40/93	90 ± 0,74	91 ± 0,56	83 ± 0,91
С. в. 122/90	106 ± 0,23	90 ± 0,87	85 ± 0,75
Lupinus angustifolius L.:			
Кристалл	92 ± 1,34	82 ± 1,33	73 ± 1,48
Дикаф 14	92 ± 1,32	82 ± 1,52	73 ± 1,29
Брянский 123	96 ± 1,41	82 ± 1,24	73 ± 1,31

Таблица 2

Влияние посевов люпина на снижение содержания ^{137}Cs в почве

Сортообразцы	Уровень радиоактивности, Бк/кг					
	До посева			После посева		
	1997	1998	1999	1997	1998	1999
Lupinus luteus L.:						
Кастрычник	234,00±0,18	309,20±0.18	285,70±0,16	186,60±0.17	268,40±0,13	239,00±0,11
Брянский 17	234,00±0.11	314,70±0.14	235.30±0,21	186,60±0,20	287,50±0,19	210,30±0,21
Брянский 81	237,00±0.21	330,30±0,14	276,00±0,18	189,00±0,19	271,60±0,19	232,70±0,15
С. в. 40/93	238,00±0,16	297,80±0,26	235,30±0.15	180.00±0,12	262,80±0,18	225,20±0,14
С. в. 122/90	239,00±0,13	299.50±0,22	253,00±0,24	186,60±0,21	258,20±0,28	210,40±0,31
Lupinus angustifolius L.:						
Кристалл	247,00±0,15	311,80±0,18	263,30±0,14	230,00±0,19	255,70±0,15	226,80±0,16
Дикаф 14	242,00±0,19	328,80±0,24	258,00±0.18	231,00±0,12	271,00±0.12	223,20±0,17
Брянский 123	273,00±0,13	318,00±0,42	246,70±0,15	229,00±0,17	256,20±0,30	212,40±0,16

В отличие от люпина желтого у люпина узколистного на первом году испытания (1997) выявлена склонность к ограниченному накоплению радиоактивных загрязнений, что, вероятно, обусловлено включением в метаболизм алкалоидов, выполняющих роль радиопротекторов (см. табл. 2). Однако на втором году эксперимента произошло резкое повышение уровня накопления радиоак-

тивного цезия в растениях. За счет этого возрос вынос люпином ^{137}Cs из почвы.

В заключение необходимо подчеркнуть возможность возделывания люпина на территории Мордовии. Среди изученных образцов наибольшую ценность представляют детерминантный сорт Дикаф 14 люпина узколистного, характеризующийся ранним и дружным созреванием семян, а также сортообразец 40/93 люпина желтого, отличающийся суперскороспелостью. Они могут служить исходным материалом для создания популяций и линий, приспособленных к местным условиям. Целесообразно возделывание люпина для очищения окружающей среды от радионуклидов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Горчакова Н. А., Санаев Н. Ф., Лукашевич М. И.** Использование биологических особенностей однолетнего люпина при интродукции в почвенно-климатических условиях Мордовии // Материалы IV науч. конф. молодых ученых Мордов. гос. ун-та им. Н. П. Огарева. Саранск, 1999. Ч. 2. С. 229 — 236.

2. **Санаев Н. Ф., Горчакова Н. А.** Исследования организменно-средовых отношений при интродукции люпина в РМ // Вестн. Морд. ун-та. 1998. № 3 — 4. С. 98 — 101.

3. **Санаев Н. Ф., Борисова Р. Н., Лукашевич М. И.** Проявление хозяйственно-ценных признаков у желтого люпина в зоне интродукции // Индуцированная изменчивость в интродукции и селекции. Саранск, 1991. С. 64 — 71.

4. **Санаев Н. Ф., Лукашевич М. И., Гудошникова Т. Н.** Изменчивость количественных признаков у генотипически различных образцов однолетнего люпина в зоне интродукции // Индуцированная изменчивость и адаптация растений. Саранск, 1995. С. 4 — 10.

Поступила 19.02.01.

ФЛОРИСТИЧЕСКИЙ И АГРОФИТОЦЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОРНОЙ РАСТИТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

А. В. ИВОЙЛОВ, доктор сельскохозяйственных наук,
Д. ИВОЙЛОВ, студент

О современной сорно-полевой флоре Республики Мордовия имеется мало информации. В опубликованных работах, как правило, уделено внимание лишь наиболее обременительным сорным растениям (чаще всего — сегетальным) и указываются меры борьбы с ними [3; 7]. При этом не придается особого значения рудеральной и адвентивной флоре, некоторые виды которой хотя в настоящее время и не обильны в посевах, но со временем могут создать угрозу для земледелия республики.

Нами на основе опубликованных данных [11; 14] и результатов собственных маршрутных обследований проведена ревизия сорных растений Республики Мордовия.

Сорная флора Мордовии представлена, по нашим подсчетам [5], 241 видом сосудистых растений, относящихся к 157 родам и 34 семействам (табл. 1).

По видовому богатству сорной растительности ведущими в Мордовии являются следующие семейства: Астровые (Сложноцветные) — *Asteraceae* (58 видов), Капустные (Крестоцветные) — *Brassicaceae* (29 видов), Яснотковые (Губоцветные) —

© А. В. Ивойлов, Д. Ивойлов, 2001

Lamiaceae (20 видов), Мятликовые (Злаковые) — *Poaceae* (17 видов), Гвоздичные — *Caryophyllaceae* (14 видов), Мотыльковые (Бобовые) — *Leguminosae* (11 видов), Маревые — *Chenopodiaceae* (11 видов), Бурачниковые — *Boraginaceae* (10 видов) и другие.

Около 77 % всех видов сегетальной и рудеральной сорной растительности приходится на долю 10 основных семейств. Такой высокий суммарный процент незначительного количества семейств свойствен, по мнению А. И. Толмачева [12], территориям, условия развития растительного покрова которых могут рассматриваться как экстремальные. И действительно, Мордовия расположена в лесостепной зоне, характеризующейся неустойчивым увлажнением, когда годы с достаточным и даже избыточным количеством атмосферных осадков чередуются с годами остро засушливыми [1].

Таблица 1

Флористический спектр сорных растений Мордовии

Семейство	Число	
	роды	виды
1	2	3
Equisetaceae Rich. ex DC. (Хвощевые)	1	1
Liliaceae L. (Лилейные)	1	1
Poaceae Barnhart (Мятликовые, или Злаковые)	13	17
Urticaceae Juss. (Крапивные)	1	2
Polygonaceae Juss. (Гречишные)	3	9
Chenopodiaceae Vent. (Маревые)	5	11
Amaranthaceae Juss. (Амарантовые)	1	3
Caryophyllaceae Juss. (Гвоздичные)	11	14
Ranunculaceae Juss. (Лютиковые)	3	5
Papaveraceae Juss. (Маковые)	3	3
Brassicaceae Burnett. (Капустные, или Крестоцветные)	23	29
Resedaceae S.F. Gray (Резедовые)	1	1
Crassulaceae DC. (Толстянковые)	1	2
Rosaceae Juss. (Розоцветные)	3	7
Fabaceae Lindl. (Бобовые, или Мотыльковые)	5	11
Geraniaceae Juss. (Гераниевые)	2	2
Euphorbiaceae Juss. (Молочайные)	1	4
Balsaminaceae A. Rich. (Бальзаминовые)	1	1
Malvaceae Juss. (Мальвовые)	1	2
Violaceae Batsch (Фиалковые)	1	2
Onagraceae Juss. (Кипрейные)	2	2
Apiaceae Lindl. (Сельдерейные, или Зонтичные)	4	4
Primulaceae Vent. (Первоцветные)	1	1
Convolvulaceae Juss. (Вьюнковые)	2	2
Cuscutaceae Dumort. (Повиликовые)	1	1
Boraginaceae Juss. (Бурачниковые)	9	10
Lamiaceae Lindl. (Яснотковые, или Губоцветные)	13	20
Solanaceae Juss. (Пасленовые)	3	3
Scrophulariaceae Juss. (Норичниковые)	5	6

Окончание табл. 1

1	2	3
Plantaginaceae Juss. (Подорожниковые)	1	3
Rubiaceae Juss. (Мареновые)	1	2
Dipsacaceae Juss. (Ворсянковые)	1	1
Cucurbitaceae Juss. (Тыквенные)	1	1
Asteraceae Dumort. (Астровые, или Сложноцветные)	32	58
Всего	137	241

Сопоставление таксономических спектров сорно-полевой флоры Мордовии с флорой других регионов (Подмосковье, Волжско-Камский край, Южное Заволжье) по ведущим семействам с использованием метода ранговой корреляции Кендэла [4] свидетельствует, что сорная растительность республики достаточно самобытна. В то же время четко проявляется ее связь с Южным Заволжьем (табл. 2, 3).

Таблица 2

Относительное количество видов (%) и место ведущих семейств в сравниваемых флорах

Семейство	Республика Мордовия		Волжско-Камский край [13]		Южное Заволжье [10]		Московская область [2]	
	%	место	%	место	%	место	%	место
Asteraceae	23,8	1	15,8	1	13,5	1	10,6	1
Brassicaceae	12,1	2	8,5	4	6,0	4	4,6	5
Lamiaceae	8,4	3	7,2	6	4,1	7	3,3	8
Poaceae	7,1	4	7,3	5	9,6	2	8,9	2
Caryophyllaceae	5,8	5	8,7	3	4,8	6	3,8	7
Fabaceae	4,7	6	9,0	2	6,8	3	4,9	4
Chenopodiaceae	4,6	7	4,8	9	5,9	5	1,6	12
Boraginaceae	4,2	8	2,7	12	1,7	12	1,7	11
Polygonaceae	3,8	9	5,2	8	3,0	10	2,3	10
Rosaceae	2,9	10	3,0	10	4,0	8	6,2	3
Scrophulariaceae	2,5	11	5,4	7	3,7	9	4,2	6
Apiaceae	1,7	12	3,1	11	2,8	11	2,9	9

Таблица 3

Коэффициент ранговой корреляции Кендэла таксономической структуры сравниваемых флор

Регион	Порядковый номер региона			
	1	2	3	4
1. Республика Мордовия	1			
2. Волжско-Камский край	0,515	1		
3. Южное Заволжье	0,576	0,697	1	
4. Московская область	0,273	0,515	0,576	1

Оценка сорно-полевой флоры Мордовии по продолжительности жизни и ритмике развития показала, что в сложении сегетальной и рудеральной растительности активное участие принимают малолетники. Из 241 вида сорных растений 145, или около 60 %, являются малолетниками, среди которых по видовой многочисленности на первом месте стоят *яровые ранние однолетники*. В группе типичных сорняков доля малолетних возрастает до 70 %, а среди эуагрофитов — до 86 %.

Анализ сорно-полевой растительности Мордовии по условиям местообитаний (по В. В. Никитину, [9]) свидетельствует, что наибольшее число видов (120, или около 50 % к общему числу отмеченных в республике, в том числе 6 видов из класса однодольных и 114 видов — из класса двудольных) приходится на *рудеральные сорные растения* (табл. 4).

Таблица 4

Категории сорных растений Республики Мордовия по наиболее характерным местообитаниям

Категория растений	Однодольные		Двудольные		Итого	
	Число видов	%	Число видов	%	Число видов	%
Сегетальные	8	42,1	12	5,4	20	8,3
Сегетально-рудеральные	3	15,8	42	18,9	45	18,7
Рудерально-сегетальные	2	10,5	45	20,3	47	19,5
Рудеральные	6	31,6	114	51,4	120	49,8
Остаточные	0	0	9	4,0	9	3,7
Всего	19	100,0	222	100,0	241	100,0

Группа *сегетальных растений* (не произрастающих, как правило, вне посевов) представлена 20 видами, *сегетально-рудеральных* (предпочитающих селиться на обрабатываемой территории среди культурных растений, но встречающихся и на рудеральных местообитаниях) — 45 видами. Эти две группы сорных растений наиболее устойчивы и обильны в агрофитоценозах Мордовии. Группа *рудерально-сегетальных растений* насчитывает 47 видов.

Сравнение основных агрофитоценозов (озимая рожь, ячмень, горох, кукуруза) центральной части республики по видовому составу сорняков, основанное на вычислении *коэффициента сходства Чекановского* и оценке полученных данных по *F-критерию*, свидетельствует о несущественности различий сравниваемых агрофитоценозов по сорному компоненту. Это вполне объяснимо: состав банка зачатков и семян сорняков в агрофитоценозах достаточно стабилен и определяется, как правило, типом почвы и местообитанием. К аналогичным выводам для посевов пшеницы (*Triticum aestivum L.* em. Thell.) пришел Б. М. Миркин с соавт. [8].

По данным учетов на фиксированных площадках, общая численность сорняков в посевах ржи и многолетних трав достигает максимума в период колошения озимой ржи, а в яровых культурах — в период фазы выхода яровых злаков в трубку. Наибольшая численность сорняков наблюдалась в посевах яровой пшеницы, наименьшая — озимой ржи. В течение вегетационного периода из травостоя полевых сообществ выпадает большое количество сорных растений (как правило, в ранних фазах их развития). Особенно много сорняков погибает в посевах ржи и в многолетних травах 2-го и 3-го года пользования. В яровых культурах гибель сорных растений незначительна.

В агрофитоценозах в течение вегетационного периода наблюдается несколько волн цветения сорных растений, чем определяются *частные аспекты* полевых растительных сообществ. В посевах ржи выделяются три частных аспекта: весенний — фаза цветения эфемеров, озимых и зимующих сорняков; раннелетний — фаза цветения яровых ранних сорняков; летний — фаза цветения *Centaurea*

cyanus L., *Consolida regalis* S.F Gray, *Cirsium arvense* (L.) Scop. (поздних яровых сорняков). В посевах яровых культур фиксируются три частных аспекта: раннелетний — фаза *Raphanum raphanistrum* L. и *Fumaria officinalis* L.; летний — фаза *Chenopodium album* L. яровых форм зимующих сорняков, поздпелетний — фаза *Centaurea cyanus* L., *Cirsium arvense* (L.) Scop., *Sonchus arvensis* L., *Galeopsis* ssp.

Изучение сезонной динамики агрофитоценозов показало, что в каждом растительном сообществе среди сорняков выделяются виды, которые по численности и биомассе резко преобладают над остальными. Так, в посевах яровых зерновых и зернобобовых культур к ним относятся овсюг (*Avena fatua* L.), бодяк полевой, или осот розовый (*Cirsium arvense* (L.) Scop.), осот полевой, или желтый (*Sonchus arvensis* L.), фаллопия вьюнковая, или гречишка вьюнковая (*Fallopia convolvulus* (L.) A. Love), пикульники (*Galeopsis* ssp.), подмаренник цепкий (*Galium aparine* L.) и другие, в посевах озимой ржи — бодяк полевой, или осот розовый (*Cirsium arvense* (L.) Scop.), василек синий (*Centaurea cyanus* L.), сокирки полевые, или живокость полевая (*Consolida regalis* S.F Gray.) и др., при соответствующих условиях — хвощ полевой (*Equisetum arvense* L.) и др.

Несмотря на большое видовое разнообразие сорных растений Мордовии, при маршрутном обследовании полей на учетных площадках фиксируется, как правило, около 40 видов (или около 16 % к общему их числу). Наиболее распространенными сорняками являются 24 вида *м а л о л е т н и к о в* : овес пустой, или овсюг (*Avena fatua* L.), василек синий (*Centaurea cyanus* L.), марь белая (*Chenopodium album* L.), сокирки полевые, или живокость полевая (*Consolida regalis* S.F. Gray), ежовник обыкновенный, или просо куриное (*Echinochloa crusgalli* L.), аистник цикутный (*Erodium cicutarium* (L.) L. Her.), фаллопия вьюнковая, или гречишка вьюнковая (*Fallopia convolvulus* (L.) A. Love), дымянка лекарственная (*Fumaria officinalis* L.), пикульник ладанниковый (*Galeopsis ladanum* L.), пикульник замечательный, или красивый (*Galeopsis speciosa* Mill.), пикульник обыкновенный (*Galeopsis tetrachit* L.), подмаренник цепкий (*Galium aparine* L.), прохоберник непахучий, или ромашка продырявленная (*Matricaria perforata* Merat.), горец шероховатый, или гречишка разнесистая (*Poligonum lapathifolium* L.), редька дикая (*Raphanum raphanistrum* L.), торица полевая (*Spergula arvensis* L.), ярутка полевая (*Thlaspi arvense* L.), фиалка полевая (*Viola arvensis* L.), щетинник сизый, или мышей сизый (*Setaria glauca* (L.) Beauv.), щетинник зеленый, или мышей зеленый (*Setaria viridis* (L.) Beauv.), щирица запрокинутая (*Amarantus retroflexus* L.), желтушник лакфиолыный (*Erysimum cheiranthoides* L.), пастушья сумка (*Capsella bursa-pastoris* (L.) Medik.), осот огородный, или овощной (*Sonchus oleraceus* L.) и 7 видов *м н о г о л е т н и к о в* : бодяк щетинистый, или осот щетинистый (*Cirsium setosum* (Willd.) Bess.), бодяк полевой, или осот розовый (*Cirsium arvense* (L.) Scop.), вьюнок полевой (*Convolvulus arvensis* L.), осот полевой, или желтый (*Sonchus arvensis* L.), хвощ полевой (*Equisetum arvense* L.), молочай прутьевидный, или лозный (*Euphorbium virgata* Waldst.), латук татарский, или молокан татарский (*Lactuca tatarica* (L.) C.A. Mey.).

В 30 — 40-х годах в числе злостных сорняков отсутствовал овсюг (*Avena fatua* L.), который «...в Мордовии постоянного распространения не имеет, появляется в некоторые годы с завозными семенами» [6]. В настоящее время он один из самых распространенных и злостных сорняков республики.

Сопоставление наших данных с исследованиями П. К. Кузьмина [6] свидетельствует, что за последние 60 лет на интенсивно обрабатываемых полях из агрофитоценозов практически полностью выпали пырей ползучий (*Elytrigia repens* (L.) Nevski), куколь обыкновенный (*Agrostemma githago* L.), липала однолетняя (*Scleranthus annuus* L.), дрема белая (*Melandrium album* (Mill.) Garcke.), качим постенный (*Gypsophila murales* L.), мак самосейка (*Papaver rhoeas* L.), гулявник Лезеля (*Sisymbrium loeselii* L.) дескурения Софьи (*Descurenia Sophia* (L.) Webb. ex Prantl.), икотник седой (*Berteroa incana* (L.) DC.), льнянка обыкновенная (*Linaria*

vulgaris Mill.), змееголовник тимьяноцветковый (*Dracocephalum thymiflorum* L.), тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.), цикорий обыкновенный (*Cichorium intybus* L.) и другие. Это связано как с интенсификацией обработки почвы, в частности увеличением глубины вспашки с 14 — 16 до 25 — 27 см, так и с улучшением качества очистки посевного материала.

В условиях современного земледелия наибольшее фитоценотическое значение имеют сорняки с коротким жизненным циклом (яровые и зимующие малолетники) и вегетативно-подвижные многолетники (корнеотпрысковые и корневищные) [13]. Настораживает, что среди сорняков неуклонно растет количество таких видов, как осоты (*Cirsium arvense* (L.) Scop., *Cirsium setosum* (Willd.) Bess., *Sonchus arvensis* L.), вьюнок полевой (*Convolvulus arvensis* L.), подмаренник цепкий (*Galium aparine* L.), трехреберник непахучий (*Matricaria perforata* Merat.), овсюг (*Avena fatua* L.), щетинники (*Setaria* ssp.), пикульники (*Galeopsis* ssp.), которые, как правило, обладают повышенной устойчивостью ко многим гербицидам. В то же время в последние годы (с 1984) в агрофитоценозах Мордовии не встречается куколь обыкновенный (*Agrostemma githago* L.). Об этом свидетельствуют данные наблюдений и других авторов [7].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Бучинский И. Е.** Засухи и суховеи. Л.: Гидрометеоиздат, 1976. 214 с.
2. **Ворошилов В. Н., Скворцов А. К., Тихомиров В. Н.** Определитель растений Московской области. М.: Наука, 1968. 367 с.
3. **Данилов Г. Г.** Борьба с засоренностью полей. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1970. 180 с.
4. **Зайцев Г. Н.** Математический анализ биологических данных. М.: Наука, 1991. С. 89 — 92.
5. **Ивойлов А. В., Ивойлов Д. А.** Конспект сорной флоры Республики Мордовия // Экологические и технологические аспекты современного земледелия: Сб. науч. тр. Саранск, 1999. С. 51 — 63.
6. **Кузьмин П. К.** Сорные растения Мордовии и меры борьбы с ними. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1941. 312 с.
7. **Лиянский В. П., Чернышова В. В.** Определитель сорных растений Мордовской ССР: Учеб. пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. 80 с.
8. **Миркин Б. М., Абрамова Л. М., Рулаков К. М.** О специфике сегетальных компонентов посевов пшеницы в Башкирии // Агроценоз пшеничного поля. М., 1986. С. 18 — 27.
9. **Никитин В. В.** Сорные растения флоры СССР. Л.: Наука, 1983. 454 с.
10. **Тарасов А. О.** К вопросу о генезисе флоры и зональной растительности Южного Заволжья. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1971. 57 с.
11. **Тишкин В. В., Третьяков А. В., Карпин И. Ф., Барышников А. А.** Прогноз засоренности агрофитоценозов. Саранск: Б. и., 1999. 80 с.
12. **Толмачев А. И.** Введение в географию растений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 244 с.
13. **Туганаев В. В.** Агрофитоценозы современного земледелия и их история. М.: Наука, 1984. 88 с.
14. Флора Мордовской АССР / Под ред. В. Н. Ржавитина. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1968. 138 с. (Учен. зап. Морд. ун-та. № 66).

Поступила 26.10.2000.

НЕКОТОРЫЕ ГРАНИЧНЫЕ ЗАДАЧИ ДЛЯ БИГАРМОНИЧЕСКОГО УРАВНЕНИЯ

Н. П. ЧЕРНОВ, кандидат физико-математических наук,
Е. М. КЛИМАНЦ, соискатель

В предлагаемой статье рассмотрены постановка и частичное исследование, в определенном смысле, наиболее естественных граничных задач для бигармонического уравнения. При постановке задач мы исходим из интегрального представления функций $u \in C^4(\overline{\Omega})$, где Ω — ограниченная область в R^n. А именно, справедлива следующая теорема.

Теорема. Пусть $u \in C^4(\overline{\Omega})$. Тогда для любой точки $x \in \Omega$ справедливо равенство

$$u(x) = \int_{\Omega} E(x-y)\Delta^2 u(y)dy + \int_S \left[\Delta u(y)\frac{\partial E(x-y)}{\partial \nu_y} - \Delta E(x-y)\frac{\partial u(y)}{\partial \nu_y}\right]dS + \tag{1}$$

$$+ \int_S \left[u(y)\frac{\partial(\Delta E(x-y))}{\partial \nu_y} - E(x-y)\frac{\partial(\Delta u(y))}{\partial \nu_y}\right]dS,$$

где $$E(x-y) = v_n(r) = \begin{cases} \frac{1}{8\pi} r^2 \ln r & \text{при } n = 2, \\ -\frac{1}{8\pi^2}\ln r & \text{при } n = 4, \\ \frac{1}{2(n-2)(n-4)\sigma_n r^{n-4}} & \text{при } n \geq 3,\ n \neq 4 \end{cases} —$$

фундаментальное решение оператора Δ^2; $S = \partial\Omega$ — граница области Ω; $\frac{\partial}{\partial \nu}$ — производная по направлению внешней нормали к S; $r = |x-y|$.

Эта теорема доказывается аналогично теореме о представлении функции из $C^2(\overline{\Omega})$ в виде суммы потенциалов, отвечающих фундаментальному решению оператора Лапласа [1].

Граничная задача для уравнения $\Delta^2 u = 0$ в области Ω ставится так: найти решение $u = u(x)$ этого уравнения, удовлетворяющее некоторым граничным условиям.

Формула (1) подсказывает, что в качестве граничных условий естественно указывать значение на S каких-либо из функций:

$$u|_S = \varphi_0(x), \quad \left.\frac{\partial u}{\partial \nu}\right|_S = \varphi_1(x),$$

$$\Delta u|_S = \varphi_2(x), \quad \left.\frac{\partial u}{\partial \nu}(\Delta u)\right|_S = \varphi_3(x). \tag{1'}$$

Задание на S одной их этих функций

© Н. П. Чернов, Е. М. Климанц, 2001

недостаточно для однозначного определения функции u, задание любых трех функций из набора (1′) уже избыточно — задача, вообще говоря, будет неразрешима. Поэтому в качестве граничных условий возможны такие комбинации:

$$\begin{aligned} u|_S &= \varphi_0(x), \\ \left.\frac{\partial u}{\partial \nu}\right|_S &= \varphi_1(x) \end{aligned} \tag{2}$$

(задача Дирихле);

$$\begin{aligned} u|_S &= \varphi_0(x), \\ \Delta u|_S &= \varphi_2(x) \end{aligned} \tag{3}$$

(задача Рикье);

$$\begin{aligned} u|_S &= \varphi_0(x), \\ \left.\frac{\partial}{\partial \nu}(\Delta u)\right|_S &= \varphi_3(x); \end{aligned} \tag{4}$$

$$\begin{aligned} \left.\frac{\partial u}{\partial \nu}\right|_S &= \varphi_1(x), \\ \Delta u|_S &= \varphi_2(x); \end{aligned} \tag{5}$$

$$\begin{aligned} \left.\frac{\partial u}{\partial \nu}\right|_S &= \varphi_1(x), \\ \left.\frac{\partial}{\partial \nu}(\Delta u)\right|_S &= \varphi_3(x); \end{aligned} \tag{6}$$

$$\begin{aligned} \Delta u|_S &= \varphi_2(x), \\ \left.\frac{\partial}{\partial \nu}(\Delta u)\right|_S &= \varphi_3(x); \end{aligned} \tag{7}$$

Замечание Задача $\Delta^2 u = 0$ в Ω с граничными условиями (7) заведомо некорректна. Полагая $\Delta u = v$, получим

$$\begin{aligned} &\Delta v = 0; \\ &v|_S = \varphi_2(x); \\ &\left.\frac{\partial}{\partial \nu}(\Delta u)\right|_S = \varphi_3(x). \end{aligned}$$

Но граничные условия могут противоречить друг другу.

Каждая из задач с граничными условиями (3) — (6) сводится к системе

$$\begin{cases} \Delta u = v; \\ \Delta u = 0, \end{cases}$$

причем на S для функций u, v задается либо условие Дирихле, либо условие Неймана.

Рассмотрим подробнее следующие задачи.

Задача Рикье $\Delta^2 u(x) = 0 \quad (x \in U_R)$, $u|_S = \varphi$, $\Delta u|_S = \psi$, где $S = S_R$ — граница шара, сводится к системе

$$\begin{cases} \Delta u = v; \\ u|_S = \varphi; \end{cases} \tag{3.1}$$

$$\begin{cases} \Delta v = 0; \\ v|_S = \psi. \end{cases} \tag{3.2}$$

При решении данных задач следует учитывать следующие необходимые условия:

$$u \in C^1(U_R) \cap C^2(\overline{U}_R),$$

$$\varphi \in C^2(S), \quad \psi \in C(S).$$

Решение задачи (3.2) дается формулой Пуассона:

$$v(x) = \int\limits_{|y|=R} P(x,y)\psi(y)dS_y, \tag{3.3}$$

где $P(x,y) = \dfrac{R^2 - |x|^2}{R\sigma_n|x-y|^n}$ — ядро Пуассона.

Решение задачи (3.1) дается формулой

$$u(x) = \int\limits_{|y|=R} P(x,y)\varphi(y)dS_y + \int\limits_{|y|\le R} G(x,y)v(y)dy, \tag{3.4}$$

где

$$G(x,y) = v_n(r) - v_n\left(\frac{|x|}{R}\left|\frac{R^2 x}{|x|^2} - y\right|\right) - \tag{3.5}$$

функция Грина для шара, а $v_n(r)$ — фундаментальное решение оператора Лапласа.

Пусть $I = \int\limits_{|x|\le R} G(x,z)v(z)dz.$ (3.6)

Подставив в интеграл (3.6) значения (3.3) и (3.5), получим

$$I = \int\limits_{|z|\le R}\left[v_n(r) - v_n\left(\frac{|x|}{R}\left|\frac{R^2x}{|x|^2} - z\right|\right)\times\right.$$

$$\left.\times \int\limits_{|y|=R} P(x,y)\psi(y)dS_y\right]dz.$$

Учитывая, что $v_n(r) = \dfrac{-1}{(n-2)\sigma_n|x-z|^{n-2}}$,

имеем

$$u(x) = \int\limits_{|y|=R} P(x,y)\varphi(y)dS_y +$$

$$+ \int\limits_{|y|=R} Q(x,y)\psi(y)dS_y =$$

$$= \int\limits_{|y|=R}\left[P(x,y)\varphi(y) + Q(x,y)\psi(y)\right]dS_y,$$

где $Q(x,y) = \int\limits_{|z|\le R}\left(-\dfrac{P(z,y)}{(n-2)\sigma_n|x-z|^{n-2}} + \right.$

$$\left. + \frac{P(z,y)}{(n-2)\sigma_n}\left(\frac{|x|}{R}\left|\frac{R^2x}{|x|^2} - z\right|\right)^{2-n}\right)dz.$$

Задача. Найти функцию $u(x,y)$, такую, что $\Delta^2 u(x) = 0$ при $x = (x_1,\ldots,x_n) \in \Omega \subset R^n$, $\left.\dfrac{\partial u}{\partial v}\right|_s = \varphi$, $\Delta u|_s = \psi$. Таким образом, надо решить систему:

$$\begin{cases}\Delta u = v;\\ \left.\dfrac{\partial u}{\partial v}\right|_s = \varphi;\end{cases} \quad (5.1)$$

$$\begin{cases}\Delta v = 0;\\ v|_s = \psi.\end{cases} \quad (5.2)$$

В случае, когда $\Omega = U_R = U_R(0)$, решение задачи (5.2) дается формулой Пуассона

$$v(x) = \int\limits_{|y|=R} P(x,y)\psi(y)dS_y,$$

где $P(x,y) = \dfrac{R^2 - |x|^2}{R\sigma_n|x-y|^n}$ — ядро Пуассона.

Задача (5.2) разрешима при всех $\psi \in C^2(S_R)$. Для разрешимости задачи (5.1) необходимо (при непрерывной φ и достаточно), чтобы $\int\limits_{|y|=R}\varphi(y)dS = \int\limits_{|y|\le R} v(y)dy$. Таким образом, видно, что ψ можно задавать произвольным образом, а функцию φ — нет.

Задача. Найти функцию $u(x,y)$, такую, что $\Delta^2 u(x) = 0$ при $x = (x_1,\ldots,x_n) \in \Omega \subset R^n$, $\left.\dfrac{\partial u}{\partial v}\right|_s = \varphi$, $\left.\dfrac{\partial}{\partial v}(\Delta u)\right|_s = \psi$.

Таким образом, надо решить систему

$$\begin{cases}\Delta u = v;\\ \left.\dfrac{\partial u}{\partial v}\right|_s = \varphi;\end{cases} \quad (6.1)$$

$$\begin{cases}\Delta v = 0;\\ \left.\dfrac{\partial v}{\partial v}\right|_s = \psi.\end{cases} \quad (6.2)$$

Для разрешимости задачи (2) необходимо (при непрерывной ψ и достаточно), чтобы $\int\limits_{|y|=R}\psi(y)dS_y = 0$. При этом общее решение задачи (6.2) имеет вид

$$v(x) = v_{\text{част}} + C,$$

где $v_{\text{част}}(x)$ — некоторое частное решение; C — произвольная постоянная.

Для разрешимости задачи (6.1) необходимо (при непрерывной φ и достаточно), чтобы $\int\limits_S \varphi(y)dS = \int\limits_\Omega v(y)dy$. Это равенство при заданном φ выполняется при соответствующем выборе постоянной C.

Таким образом, видно, что непрерывную функцию ψ можно задавать произвольным образом, а функцию φ произвольно задавать нельзя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Михайлов В. П.** Дифференциальные уравнения с частными производными. М.: Наука, 1983. 437 с.
2. **Тихонов Г. Е., Самарский А. А.** Уравнения математической физики. М.: Наука, 1997. 735 с.

Поступила 10.01.2000.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УСТАЛОСТНАЯ ДОЛГОВЕЧНОСТЬ АСФАЛЬТОБЕТОНОВ НА МОДИФИЦИРОВАННЫХ БИТУМАХ

В. П. ЛАВРУХИН, кандидат технических наук,
Ю. И. КАЛГИН, кандидат технических наук,
В. Т. ЕРОФЕЕВ, доктор технических наук, член-кор. РААСН

По отечественным и зарубежным нормам усталостные испытания асфальтобетонов проводятся как в режиме переменного растяжения-сжатия методами сжатия по образующей или растяжения от повторных нагрузок, так и в режиме знакопеременного или одностороннего изгиба [6; 11; 12; 14]. Наибольшее использование в практике имеют методы испытаний на изгиб как наилучшим образом воспроизводящие напряженное состояние покрытия [6]. Из работы А. О. Саля [9] следует, что величина показателя степени в формуле зависимости усталостной прочности асфальтобетона от числа циклов нагружений при испытаниях в условиях знакопеременного или одностороннего изгиба совпадает. В этой связи предпочтение отдастся второму методу как более простому с точки зрения аппаратного оформления. Как правило, образец при испытаниях устанавливают на две опоры. В работе В. Н. Конопова [3] предложено применять в этом случае опоры из плотной резины, что позволяет обеспечить стабильное основание, работающее в упругой стадии.

Нами для исследований усталостных свойств асфальтобетонов принята схема испытаний балочек, помещенных на две опоры при одностороннем изгибе в режиме $E = \text{const}$, когда образец в каждом цикле получает определенный прогиб. В этом случае из строя быстрее выйдет более жесткий образец за счет развития в нем усталостных явлений, и поскольку прочность дорожной одежды обусловлена главным образом несущей способностью грунта земляного полотна и слоями оснований, устойчивость асфальтобетонного покрытия будет обусловлена именно устойчивостью материала против образования трещин при многократном изгибе.

Испытания важно проводить при таких режимах, которые соответствуют режимам деформирования покрытий в натуральных условиях. В работе А. О. Саля [8] подчеркивается, что сопротивление асфальтового бетона разрушению существенно различается при кратковре-

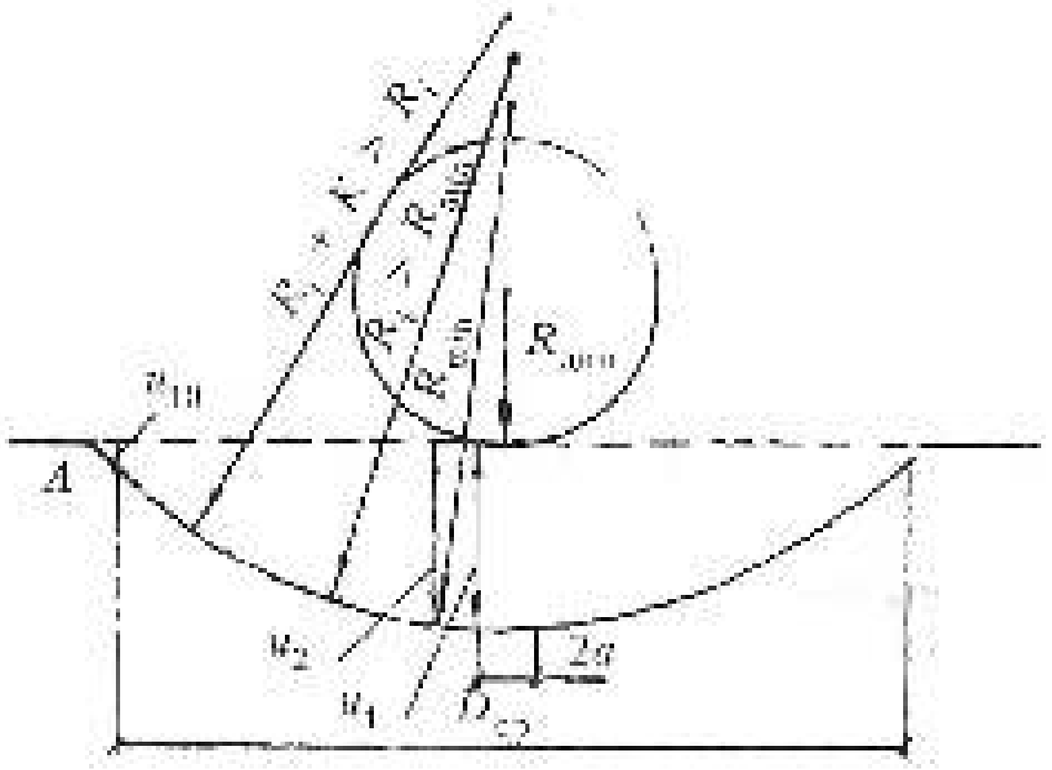
© В. П. Лаврухин, Ю. И. Калгин, В. Т. Ерофеев, 2001

менном и длительном действии нагрузки: если при невысоких скоростях загружения прочность асфальтобетона тем выше, чем больше вязкость битума, то при повышении скорости загружения может наблюдаться обратная связь. С учетом этого автор рекомендует проводить испытания при скоростях нагружения 10 — 40 МПа·с$^{-1}$. По данным исследований В. Ф. Бабкова, средняя фактическая скорость движения автомобилей на дорогах составляет 45—60 км/ч [2]. Измерения прогибов дорожных одежд с асфальтобетонными покрытиями под движущимися автомобилями при скорости движения 60 км/ч показали, что в этом случае возникают почти двойные колебания дорожной одежды с частотой, близкой к 5 Гц [13]. Б. И. Ладыгин, И. К. Ядевич считают, что функция нагружения, соответствующая эпюре прогиба при скорости автомобиля 60 км/ч, должна иметь частоту 5,9 Гц [7]. Длительность действия автомобиля в пределах чаши прогиба, по данным Н. Н. Иванова, составляет 0,1 — 0,3 с [4]. В работе [6] фактический колоколообразный импульс возникающих напряжений заменяется равновеликим импульсом в виде полуволны синусоиды с полупериодом T либо равнобедренным треугольником с основанием T; при этом T назначают обычно равным 0,1 с.

Величина прогиба покрытия в натурных условиях с приведением ее к размерам образца и времени загружения нами была уточнена с использованием данных А. В. Смирнова [10] о прогибах покрытий, полученных им на основе решения динамической задачи деформирования поверхности слоистого полупространства. Предпосылкой к расчету послужили следующие соображения: в результате проезда колеса автомобиля со скоростью V развивается динамическая чаша прогиба (рис. 1); радиус кривизны поверхности покрытия при этом изменяется от ∞ (в точке А) до некоторой конечной величины, минимальной непосредственно под загруженной площадкой.

По номограммам А. В. Смирнова [10] определялись амплитуды колебания покрытия на расстоянии $r/a = 1(u_1)$, $r/a = 2(u_2)$ и $r/a = 10(u_{10})$. По разности величин $u_1 - u_{10}$ устанавливались средний диаметр динамической чаши прогиба $D_{ср}$ и время прохода колеса (t):

$$D_{ср} = \frac{u_1 \cdot 100}{u_1 - u_{10}}; \quad t = \frac{D_{ср}}{V} \qquad (1)$$



Р и с. 1. Схема к определению динамической части прогиба дорожной одежды

По разности величин $u_1 - u_2$ из геометрических соображений определяется условный средний диаметр, который бы имела динамическая чаша прогиба при постоянстве максимальной кривизны:

$$D_{ср}^{усл} = \frac{u_1 \cdot 2a}{u_1 - u_2} \quad \text{и} \quad R_{min} = \frac{D_{min}^2}{8u_1}. \qquad (2)$$

Тогда прогиб образца, на который должны экстраполироваться результаты эксперимента, будет равен:

$$f = \frac{l_{обр}^2}{8R_{min}}, \qquad (3)$$

где $l_{обр}$ — расстояние между центрами опор.

Сопоставление вычисленных таким образом минимальных радиусов кривизны с экспериментальными данными, приведенными в работе [13], показало их удовлетворительную сходимость. Результаты расчетов, представленных в табл. 1, свидетельствуют о том, что при скорости движения автомобиля 40 — 60 км/ч время деформирования покрытия составляет величину 0,161 — 0,165 с, что дает частоту загружения образца 6 Гц. Величина прогиба, на которую нужно экстраполировать экспериментальные данные, зависит от прочности конструкции дорожной одежды.

Таблица 1

Данные для назначения режимов испытания образцов-балочек на усталость

$E_{эки}$, МПа	$V_{авт}$, км/ч	$D_{ср}$, м	t, с	$D_{ср}^{уст}$, м	R_{min}, м	f_{max}, мм
100	40	1,79	0,162	0,56	28,9	0,094
100	60	1,79	0,161	0,59	30,6	0,092
200	40	1,82	0,163	0,61	74,3	0,038
300	40	1,83	0,165	0,65	125,4	0,022

Примечание. Расчеты приведены для диаметра круга, равновеликого следу отпечатка колеса автомобиля D = 34 см и образца d = 15 см.

Эквивалентный модуль упругости дорожной одежды и ее деформативная способность подвержены гармоническим изменениям под влиянием теплового режима и прочности грунтового основания. С точки зрения развития усталостных явлений в материале покрытия наиболее опасен весенний период с интервалом температур от 0 до +10 °С, когда температура покрытия сравнительно низкая, а относительное влагозадержание грунта земляного полотна максимально [7; 8]. В соответствии с этим испытания образцов на усталость нами проведены при температуре +5 °С на установке, собранной на базе АВМ МН-7М и электромагнитного пресса-пульсатора, позволяющего осуществить практически безударные повторяющиеся нагрузки заданной продолжительности. Блок-схема установки представлена на рис. 2. Электромагнитный пресс-пульсатор состоит из Ш-образного корпуса с обмотками на крайних стойках и подвижного якоря, сочлененного со штоком. Шток проходит через отверстие в корпусе и оснащен устройством, передающим усилие на образец. Под действием электромагнитного поля, возникшего при прохождении тока по обмоткам катушек, якорь с усилием, зависящим от силы тока, притягивается к ярму электромагнита и передает усилие на образец. При уменьшении силы тока до нуля усилие убывает также до нуля и образец разгружается. Усилие на образец и прогиб последнего фиксируются электромеханическими датчиками. Для исклю-

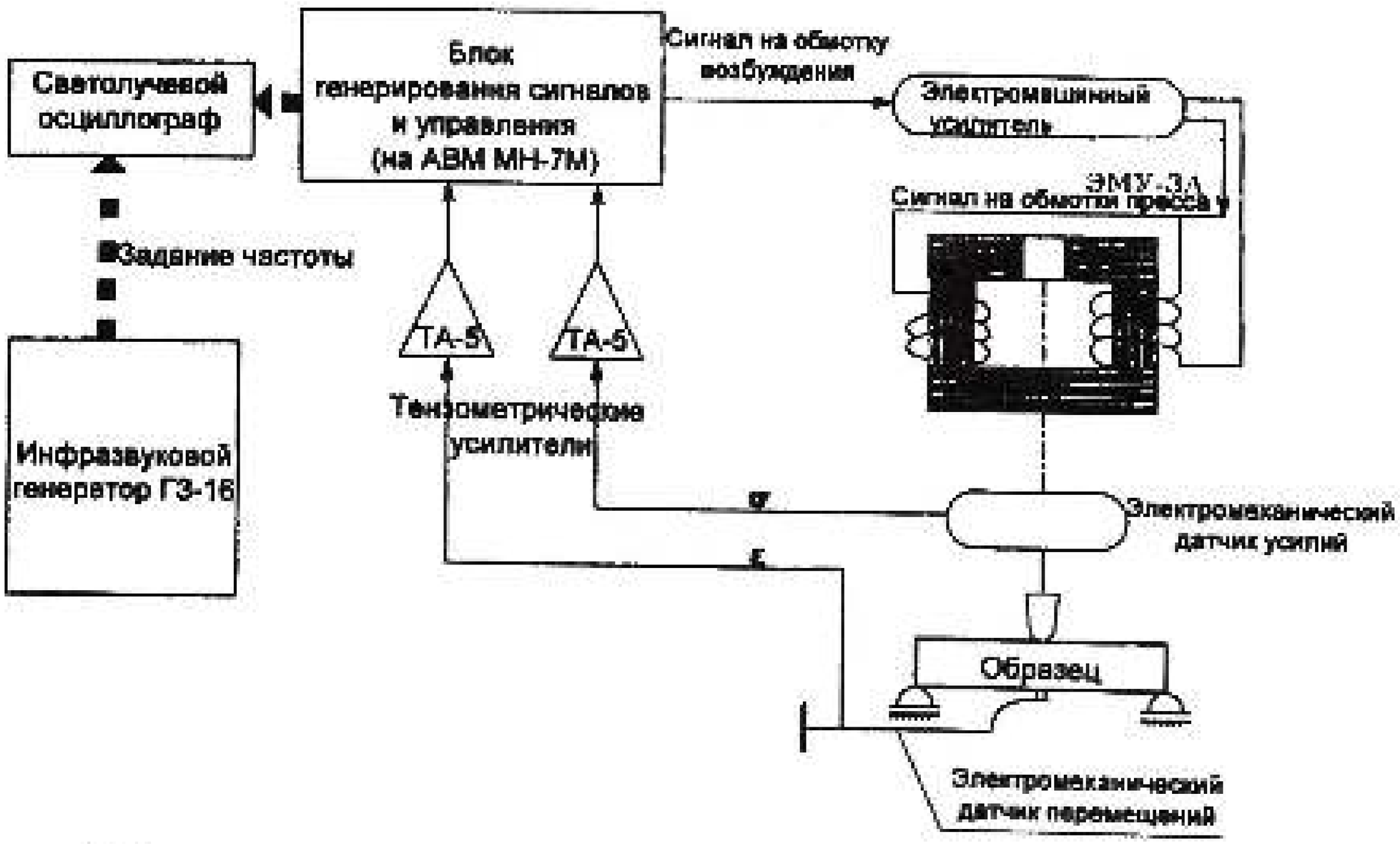


Рис. 2. Блок-схема установки для исследования усталостных свойств асфальтового бетона

чения влияния обмятия на опорах на образец наклеивались текстолитные прокладки; для ускорения возвращения образца в исходное положение при снятии нагрузки на него помещались прокладки из плотной резины, что моделировало основание дорожной одежды.

Усталостная долговечность определялась как непосредственным экспериментом, так и косвенно — по коэффициенту потерь $K_п$ (введен на основе эмпирического подхода к исследованию усталостных свойств асфальтобетона как отношение потерянной энергии к общей, затраченной на деформирование). Коэффициент потерь согласно [13] зависит от совокупности реологических свойств асфальтобетона, определяемых экспериментально при температуре +10 °С:

$$K_п = 200 P_1 \sqrt[4]{1{,}5 \times t / P_2}. \qquad (4)$$

В формуле (4) показатель P_2 характеризует скорость уменьшения сопротивляемости деформированию, поэтому желательно иметь минимальные значения P_1 при высокой температуре; кинетическая характеристика асфальтобетона P_2 показывает скорость роста упругой деформации, в соответствии с чем возникает требование максимального значения этого показателя при высоких температурах; показатель t характеризует суммарное время воздействия нагрузки за срок службы покрытия.

При непосредственном эксперименте по определению усталостной долговечности образцы-балочки каждой серии подвергались циклическим нагружениям при нескольких заданных прогибах (по 3 образца в каждой точке) до появления первой трещины (определялось число циклов). Экспериментальные точки наносились на график $\lg\varepsilon - \lg N$, и по графику определялись параметры уравнения $\lg\varepsilon = -m\lg N + C$ (здесь параметр C представляет собой десятичный логарифм отностельной деформации $\varepsilon = f/l_{обр}$, при которой образец разрушается за один цикл).

Для исследования влияния модификаторов на усталостную долговечность асфальтобетона были взяты битумно-каучуковые вяжущие (БКВ), содержащие 3 % по массе каучука марок СКС, СКД, СКИ, и полимерно-битумное вяжущее (ПБВ), содержащее 4 % добавки ДСТ. С целью получения наиболее полной оценки эффективности модификаторов по повышению усталостной долговечности асфальтобетона и установления влияния вязкости исходного битума на получаемые результаты были использованы битумы БНД 60/90 и БНД 90/130. Результаты эксперимента представлены в табл. 2, где также дано расчетное число циклов до разрушения образцов, соответствующее $\varepsilon = 0{,}613 \times 10^{-3}$ (для дорожной одежды с $E_{экв} = 100$ МПа и скорости движения 60 км/ч).

Таблица 2

Влияние каучуков общего назначения и ДСТ на усталостную долговечность асфальтобетона

Марка исходного битума	Тип каучука в БКВ	Кинетические характеристики		Коэффициент потерь, $K_п$	Параметры уравнения «долговечность деформация»		Расчетное число циклов до появления трещин, $N \times 10^3$
		$P_1 \times 10^6$, c^{-1}	P_2, c^{-1}		m	$-c$	
БНД 60/90	—	132	0,146	0,180	0,228	2,217	25,6
	СКД	152	0,132	0,212	0,211	2,126	136,0
	СКИ	166	0,128	0,234	0,203	2,112	294,0
	СКС	164	0,137	0,227	0,217	2,130	87,1
	ДСТ	160	0,135	0,219	0,215	2,131	65,0
БНД 90/130	—	195	0,129	0,274	0,225	2,190	38,6
	СКД	144	0,159	0,192	0,203	2,089	381,0
	СКИ	147	0,137	0,204	0,198	2,062	721,0
	СКС	160	0,143	0,219	0,211	2,099	210,0
	ДСТ	168	0,142	0,221	0,218	2,122	154,0

Как видно из приведенных данных, при температуре +10 °С каучуки вызывают возрастание величины P_1 асфальтобетона на более вязком битуме и снижают ее на менее вязком. Воздействие эластомеров на P_2 противоположно их воздействию на P_1. Суммарно это приводит к тому, что коэффициент потерь при введении каучука в более вязкий (БНД 60/90) битум возрастает, а при модификации менее вязкого снижается. Однако эксперимент по непосредственному определению усталостных свойств образцов свидетельствует о значительно более заметном влиянии каучуков на усталостную долговечность асфальтобетона, при этом показатель N возрастает при использовании битума обеих марок.

Согласно данным экспериментальных исследований, усталостная долговечность асфальтобетона, модифицированного каучуком СКИ, возрастает в 11 — 19 раз, СКД — в 6 — 10 раз, СКС — в 3,4 — 5,4 раза, ДСТ — в 2,5 — 3,9 раза. Таким образом, модификация битума товарными каучуками и ДСТ способствует резкому повышению усталостной долговечности асфальтобетона.

В последние годы распространено утверждение, что важнейшим показателем полимерно-битумного вяжущего, определяющим работоспособность асфальтобетонного покрытия, является его эластичность. В связи с этим нами было изучено влияние каучуков СКС, СКД, СКИ и ДСТ на эластичность вяжущих, а также проведены исследования по установлению взаимосвязи между показателями эластичности вяжущего и усталостной долговечности асфальтобетона. В эксперименте были использованы битумно-каучуковые вяжущие, содержащие 3 % каучука марок СКС, СКД, СКИ, и полимерно-битумное вяжущее с добавкой 4 % ДСТ. Результаты приведены в табл. 3.

Битумно-каучуковые вяжущие, содержащие каучук СКС, характеризуются повышенной растяжимостью при +25 и 0 °С, достигающей 100 см, и высокой эластичностью (70 и 65 %), а усталостная долговечность асфальтобетона на их основе, определенная по количеству циклов до появления трещин в балочке, меньше в 2 — 3 раза в сравнении с асфальтобетоном с применением битумно-каучуковых вяжущих, содержащих каучуки СКД и СКИ и характеризующихся малой растяжимостью при +25 и 0 °С (6,0 и 7,0 см соответственно) и эластичностью. Асфальтобетон на полимерно-битумном вяжущем, содержащем 4 % ДСТ, отличается высокой эластичностью, однако обладает значительно меньшей усталостной долговечностью в сравнении с асфальтобетоном на БКВ. Таким образом, утверждение, что эластичность является определяющим показателем в свойствах модифицированных битумов, вызывает серьезные сомнения и требует дополнительных исследований и доказательств.

Таблица 3

Влияние каучуков СКС, СКД, СКИ и ДСТ на эластичность вяжущих и усталостную долговечность асфальтобетонов

Марка исходного битума	Тип полимера	Количество полимера, %	Эластичность, %	Расчетное число циклов до появления трещин, $N \times 10^3$
БНД 60/90	—	—	—	25,6
	СКД	3	40	156,0
	СКИ	3	55	294,0
	СКС	3	70	87,1
	ДСТ	4	80	65,0
БНД 90/130	—	—	—	38,6
	СКД	3	35	381,0
	СКИ	3	50	721,0
	СКС	3	65	210,0
	ДСТ	4	86	154,0

Известно, что использование каучука позволяет значительно расширить область применения сдвигоустойчивых и трещиностойких смесей, так как асфальтобетон на БКВ при низких температурах обладает минимально возможной жесткостью и максимально возможными вязкоупругими свойствами [5]. Согласно данным эксперимента по исследованию влияния каучуков на технические характеристики и усталостную долговечность асфальтобетонов каучук СКД занимает промежу-

точное положение. В связи с этим он был принят для дальнейшей работы при исследовании влияния каучуков на структурно-реологические свойства асфальтобетона в интервале температур 0 + 30 °С, которые наиболее полно характеризуют его трещиностойкость. Для проведения исследования был использован битум марки БНД 60/90, количество добавки каучука составило 2 и 4 % по массе. Влияние каучука на структурно-реологические свойства асфальтобетона при низких температурах оценивалось по следующим показателям: времени релаксации θ, времени упругого последствия τ, коэффициенту вязкости неразрушенной структуры $\eta_м$. Также были определены прочность и модуль упругости асфальтобетона с различным содержанием каучука в диапазоне температур 0 + 30 °С. Важным моментом было определение динамики изменения прочности и модуля упругости асфальтобетона, модифицированного каучуком, при низких температурах, тем более, что во многих работах, например [1], сообщается о незначительном влиянии указанных величин на трещиностойкость асфальтобетона на битумах, так как они не полностью характеризуют его особенности как упруго-вязко-пластичного тела. Результаты приведены в табл. 4.

Таблица 4

Влияние каучука на структурно-реологические свойства, прочность и модуль упругости асфальтобетона (мелкозернистый, тип Б) при низких температурах

Т, °С	R, МПа	θ, с	τ, с	E, МПа	$\eta_м$, ТПа·с
Битум БНД 60/90					
−30	17,79	33 460	2.58	1 690	56,5
−20	14,98	9 970	8,76	768	7,66
−10	12,89	7 700	19,13	344	2,65
0	11,10	5 900	25,09	258	1.53
2 % СКД					
−30	17,82	9 060	13,63	617	5,60
−20	14,33	6 220	19,83	407	2,95
−10	11,92	5 240	24,33	304	1,59
0	10,20	4 940	27,05	243	1,20
4 % СКД					
−30	15,69	6 100	23,88	370	2,30
−20	13,06	5 160	28,48	280	1,48
−10	11,25	4 870	31,21	227	1,13
0	9,35	4 620	32,48	186	0,869

Результаты испытаний показывают, что введение каучука снижает время релаксации θ и повышает время упругого последствия τ, что свидетельствует об уменьшении жесткости асфальтобетона на основе БКВ в сравнении с асфальтобетонами на битумах. Это является следствием наличия в пленке битума эластомерных элементов — макромолекул каучука и их ассоциатов. Наконец, кинетика изменения коэффициента вязкости неразрушенной структуры $\eta_м$ свидетельствует о возрастании деформационной устойчивости асфальтобетона, содержащего каучук. Совокупность показателей структурно-реологических свойств свидетельствует о необходимом повышении трещиностойкости асфальтобетона с применением БКВ, что исключает или резко замедляет процесс трещинообразования.

Что касается концентрации каучука в БКВ, то увеличение его содержания до 4 % позволяет создать более мощную структурную сетку, что отражается в улуч-

шении показателей структурно-реологических свойств асфальтобетона и создает условия для применения БКВ во всех регионах России, включая Крайний Север.

Легко заметить, что величина и динамика изменения прочности при сжатии и модуля упругости асфальтобетона при отрицательных температурах сильно различаются для асфальтобетонов на основе БКВ и на битумах. Введение каучука практически незначительно изменяет прочность при сжатии асфальтобетона при отрицательных температурах, но кардинально изменяет величину его модуля упругости. Данные, приведенные в табл. 4, свидетельствуют, что введение 2 % каучука СКД снижает величину модуля упругости в температурном диапазоне −20 + −30 °С в 2 — 3 рала, а 4 % каучука — в 3 — 5 раз. Это подтверждает предположение о целесообразности применения БКВ в северных районах.

Таким образом, на основании проведенных исследований установлено следующее:

1) рассмотренные высокополимерные добавки увеличивают усталостную долговечность асфальтобетона, среди которых наибольший эффект показывают добавки каучуков СКИ и СКД;

2) усталостная долговечность асфальтобетона не зависит от величины эластичности модифицированных битумов;

3) модуль упругости асфальтобетона при отрицательных температурах наиболее полно отражает его работу в сравнении с пределом прочности на сжатие при тех же температурах. Учитывая полученные данные, считаем необходимым ввести в ГОСТ 9128 — 97 положение о величине модуля упругости асфальтобетона при отрицательных температурах;

4) использование битумов, модифицированных каучуками в количестве 2 — 4 %, позволяет повысить деформативную способность асфальтобетона при низких температурах в 3 — 5 раз, что очень важно в условиях Крайнего Севера;

5) необходимо проведение дальнейших исследований усталостной долговечности асфальтобетона на битумах, модифицированных различными модификаторами, с целью выбора оптимального модификатора применительно к различным дорожно-климатическим зонам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Богуславский А. М.** Зависимость реологических свойств асфальтобетона от его состава и структуры / А. М. Богуславский, И. А. Сархан, Л. Г. Ефремов // Автомобильные дороги. 1977. № 8. С. 22 — 24.

2. Дорожные условия и режимы движения автомобилей / Под ред. В. Ф. Бабкова. М.: Транспорт. 1967. 224 с.

3. **Копонов В. Н.** К уточнению некоторых положений по расчету и конструированию дорожных одежд с асфальтобетонным покрытием // Материалы V Всесоюзного научно-технического совещания по основным проблемам технического прогресса в дорожном строительстве. М., 1971. С. 28 — 34.

4. Конструирование и расчет нежестких дорожных одежд / Под ред. Н. Иванова. М.: Транспорт, 1973. С. 328.

5. **Микрин В. И.** Усталостная трещиностойкость асфальтобетона, модифицированного эластомерами / В. И. Микрин, А. М. Богуславский, В. П. Лаврухин // Повышение эффективности применения цементных и асфальтовых бетонов: Межвуз. сб. Омск, 1981. С. 22 — 28.

6. Проектирование дорожных одежд с учетом усталости асфальтобетонных покрытий / ВИНИТИ. М., 1976. № 3. 26 с.

7. Прочность и долговечность асфальтобетона / Под ред. Б. И. Ладыгина. Минск: Наука и техника, 1972. 286 с.

8. **Саль А. О.** Механические свойства асфальтобетона при изгибе под кратковременными нагрузками // Исследование органических вяжущих материалов для дорожного строительства. М., 1969. С. 102 — 115.

9. **Саль А. О.** Исследование трещиностойкости черных покрытий на основаниях из малопрочных каменных материалов // Опыт службы дорожных одежд с асфальтовыми покрытиями. Л., 1972. С. 8 — 38.

10. **Смиров А. В.** Теоретические основы проектирования дорожных одежд на подвижные нагрузки // Тр. СоюздорНИИ. М., 1978. Вып. 108. С. 32 — 38.

11. **Adedimila A.** Repeated-Load Indirect Tensile Fatigue Characteristics of Asphalt Mixtures // Transp. Res. Rec. 1976. № 595. P. 25 — 33.

12. **Aussedat G., Monniot M.** Methode pratique pour le di mensionnement des chasses a la fatigue // Rev. gen routes et ac rodr. 1974. Vol. 44, № 495. P. 25 — 32.

13. **Just H.** Ergebnisse von dynamischen Messungen an vorhandenen Strassen-befestigungen // Strasse. 1968. № 108. P. 505 — 510.

14. **Maupin G.** Results nf Indirect Tensile Tests Related to Asphalt Fatigue // Highway Res. Rec. 1976. № 404. P. 1 — 7.

Поступила 11.11.01.

ЭФФЕКТИВНЫЕ МОДУЛИ УПРУГОСТИ ДВУХСЛОЙНОЙ СФЕРЫ*

А. С. ТЮРЯХИН, кандидат технических наук,
В. Д. ЧЕРКАСОВ, доктор технических наук, член-кор. РААСН

В статье [4] приведено обоснование необходимости перехода от односвязных моделей представительной ячейки полидисперсного композита к рассмотрению эффективных двухсвязных. В работах [5 — 7] на частных примерах показана эффективность такого подхода при теоретическом определении эффективных характеристик композита по заданным величинам упругих констант его исходных компонентов. В данной статье на базе полидисперсной модели Хашина [8], методологии авторов [4 — 7] и результатов работы [3] делается общий вывод формул для двух характеристик жесткости композита: объемного модуля и модуля сдвига.

Представим модель ячейки композита в виде толстостенной сферы (рис. 1, *а*), которая испытывает радиальное давление p изнутри ($r = a$) и давление q извне ($r = b$). Для заданных радиусов сферы $a < R < b$ взаимодействие матрицы с наполнителем на границе $r = R$ проявится в виде контактного давления p_k (рис. 1, *б*).

Обозначим: $w = a^3/b^3$, $m = R^3/b^3$, $n = a^3/R^3$, $V = 1 - w$, $V_m = 1 - m$, $\delta_n = 1 - n$, где V и V_m — объемные доли (в шаре радиусом b) соответственно композита и матрицы; δ_n — объемная доля наполнителя в шаре радиусом R; при этом $w = mn$. Индексами m и n здесь и далее обозначаются величины, относящиеся соответственно к матрице и наполнителю. В целях сокращения объема и громоздкости последующих выкладок введем еще три объемные координаты: $p_n = r^3/R^3$, $p = p_m = r^3/b^3$, шесть обобщенных давлений: P и Q — для гомогенной сферы композита по формулам

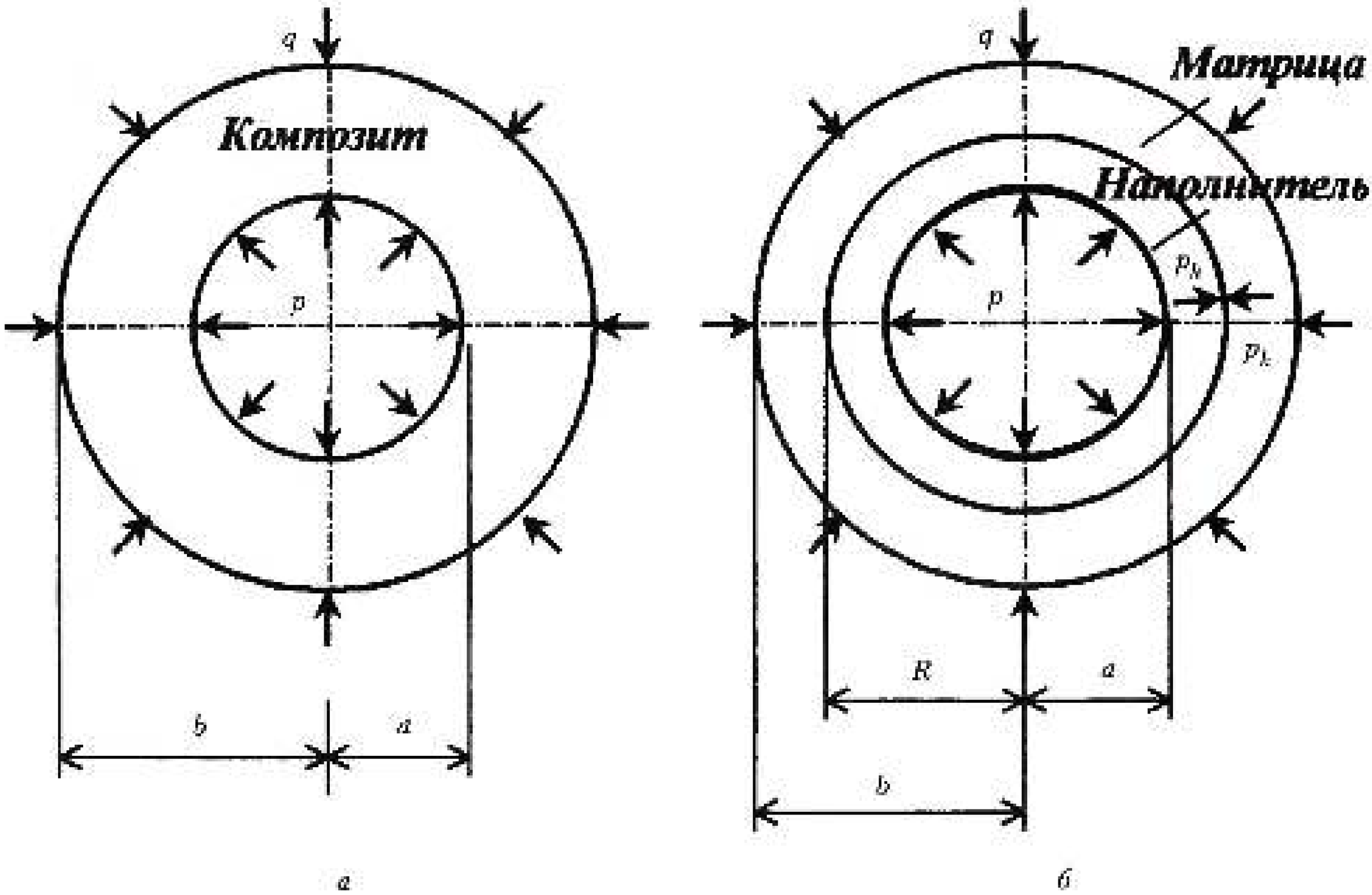
$$P = (pw - q)/V;\ Q = (p - q)/V \quad (1)$$

и еще четыре для сфер наполнителя и матрицы гетерогенной модели (по аналогичным формулам):

$$\begin{aligned} P_n &= (pn - p_k)/\delta_n; \\ Q_n &= (p - p_k)/\delta_k; \end{aligned} \quad (2)$$

* Издается при поддержке РФФИ (проект № 98—01—03512).

© А. С. Тюряхин, В. Д. Черкасов, 2001



а б

Р и с. 1. Расчетные модели представительной ячейки композита: *а* — гомогенная; *б* — гетерогенная

$$P_m = (p_k m - q)/V_m;$$
$$Q_m = (p_k - q)/V_m. \qquad (3)$$

С учетом принятых обозначений и согласно [1, 3] представим окружные относительные деформации вышеназванных толстостенных сфер в виде суммы деформаций сферического сжатия и сферического сдвига:

$$\varepsilon = \frac{P}{e} + \frac{Q}{2g}\frac{w}{p};\ \varepsilon_m = \frac{P_m}{e_m} + \frac{Q_m}{2g_m}\frac{m}{p_m};$$
$$\varepsilon_n = \frac{P_n}{e_n} + \frac{Q_n}{2g_n}\frac{n}{p_n}. \qquad (4)$$

где $e = E/(1-2\nu)$; $g = E/(1+\nu)$; E — модуль Юнга; ν — коэффициент Пуассона для материала гомогенной модели композита.

В точках граничных поверхностей эффективной модели при $p = w$ и $p = 1$ выражения для деформаций согласно (4) примут вид:

$$\varepsilon(a) = \frac{P}{e} + \frac{Q}{2g};$$
$$\varepsilon(b) = \frac{P}{e} + \frac{Q}{2g}w. \qquad (5)$$

Аналогично в случае $p_m = m$ и $p_m = 1$ получим выражения для матрицы:

$$\varepsilon_m(R) = \frac{P_m}{e_m} + \frac{Q_m}{2g_m};$$
$$\varepsilon_m(b) = \frac{P_m}{e_m} + \frac{Q_m}{2g_m}m; \qquad (6)$$

при значениях $p_n = n$ и $p_n = 1$ — для наполнителя:

$$\varepsilon_n(a) = \frac{P_n}{e_n} + \frac{Q_n}{2g_n};$$
$$\varepsilon_n(R) = \frac{P_n}{e_n} + \frac{Q_n}{2g_n}n. \qquad (7)$$

Для определения эффективных модулей e и g запишем одно условие совместности деформаций (матрицы с наполнителем в точках с координатой $r = R$) и два условия эквивалентности (эффективной и структурной моделей в точках с координатами $r = a$ и $r = b$):

$$\varepsilon_m(R) = \varepsilon_n(R);\ \varepsilon(a) = \varepsilon_n(a);\quad \varepsilon(b) = \varepsilon_m(b). \tag{8}$$

С учетом (5) — (7) равенства (8) примут вид:

$$\frac{P_n}{e_n} + \frac{Q_n}{2g_n}n = \frac{P_m}{e_m} + \frac{Q_m}{2g_m}; \tag{8а}$$

$$\frac{P}{e} + \frac{Q}{2g} = \frac{P_n}{e_n} + \frac{Q_n}{2g_n}; \tag{8б}$$

$$\frac{P}{e} + \frac{Q}{2g}w = \frac{P_m}{e_m} + \frac{Q_m}{2g_m}m. \tag{8в}$$

Условие совместности деформаций используем для определения контактного давления p_k. С этой целью комплексные давления, входящие в (8а), выразим, используя (2) и (3), через действующие давления p, p_k и q:

$$\frac{pn - p_k}{e_n\delta_n} + \frac{p - p_k}{2g_n\delta_n}n = \frac{p_k m - q}{e_m V_m} + \frac{p_k - q}{2g_m V_m},$$

отсюда

$$k = \frac{n(1+\theta_n)V_m + q/p(1+\theta_m)\alpha\delta_n}{(1+\theta_n n)V_m + (m+\theta_m)\alpha\delta_n}. \tag{9}$$

где $k = p_k/p$; $\theta_n = e_n/2g_n$; $\theta_m = e_m/2g_m$; $\alpha = e_n/e_m$.

Для нахождения эффективного модуля сдвига сначала представим выражение (8а) в следующем виде:

$$\frac{P_n}{e_n} + \frac{P_m}{e_m} = \frac{Q_m}{2g_m} - \frac{Q_n}{2g_n}n, \tag{10}$$

затем вычтем (8в) из (8б) и с учетом (10) избавимся от слагаемых, содержащих модули e_n и e_m. В результате получим:

$$\frac{Q\delta}{2g} = \frac{Q_n\delta_n}{2g_n} + \frac{Q_m V_m}{2g_m} \tag{11}$$

Подстановка (1) — (3) в (11) после упрощений дает выражение

$$\frac{p-q}{2g} = \frac{p-p_k}{2g_n} + \frac{p_k - q}{2g_m},$$

из которого найдем модуль g:

$$g = \frac{(1-q/p)g_n}{k(\beta-1) + (1-\beta q/p)}, \tag{12}$$

где $\beta = g_n/g_m$, а отношение $k = p_k/p$ определяется выражением (9).

Чтобы найти модуль e, умножим левую и правую части равенства (8б) на величину w; затем вычтем (8б) из (8в) и, избавившись с учетом (10) от слагаемых, содержащих модули g_n и g_m, запишем:

$$\frac{PV}{e} = \frac{P_m V_m}{e_m} + m\frac{P_n\delta_n}{e_n} \tag{13}$$

Аналогично (11) подставим (1) — (3) в (13) и найдем:

$$\frac{pw - q}{e} = \frac{p_k m - q}{e_m} + m\frac{pn - p_k}{e_n},$$

откуда

$$e = \frac{(q/p - w)e_n}{km(1-\alpha) + (\alpha q/p - w)}, \tag{14}$$

где k определяется тем же выражением (9).

Простые алгебраические выражения (9), (12) и (14) дают решение задачи в самой общей постановке. Эффективный объемный модуль $K = e/3$ и эффективный модуль сдвига $G = g/2$ вычисляются по написанным формулам при произвольном отношении q/p действующих давлений. Из (12) и (14) следует, что каждый из модулей K и G зависит в общем случае от 6 параметров матрицы и наполнителя: 4 упругих констант (e_m, g_m; e_n, g_n) и 2 коэффициентов структуры (m и n).

При практических вычислениях в качестве исходных удобнее задаваться величинами $w = mn$ и $c = V_n/V$ (где c — объемная доля наполнителя в композите). В этом случае структурные коэффициенты m и n определяются из выражений

$$m = 1 - (1-w)(1-c);\quad n = w/m, \tag{15}$$

где $(1-c) = V_m/V$ — объемная доля матрицы в композите.

Дадим краткий анализ полученного решения при рассмотрении 4 характерных случаев равновесного состояния сферической ячейки композита. При этом в числовых примерах величины эффективных модулей K и G будут выражены в долях от их значений по Фойгту:

$$K_F = (1 - c)K_m + cK_n; \quad G_F = (1 - c)G_m + cG_n \qquad (16)$$

и для сравнения будут сопоставлены с оценкой Рейсса:

$$K_R = 1/[(1 - c)/K_m + c/K_n]; \quad G_R = 1/[(1 - c)/G_m + c/G_n], \qquad (17)$$

которая также будет выражена в долях соответственно от K_F или G_F.

1. Если $q/p = 1$, т. е. давление извне равно давлению изнутри, то ячейка композита испытывает *сферического сжатия*. При этом согласно (12), (14) и с учетом того, что $G = 0$, объемный модуль

$$K = \frac{(1-\varpi)e_n / 3}{k_e m(1-\alpha) + (\alpha - \varpi)}, \qquad (18)$$

где k_e находят согласно (9). С учетом (15) эта формула примет вид:

$$k_e = \frac{\varpi(1+\theta_n)(1-c) + (1+\theta_m)c\alpha}{m(1+\theta_n n)(1-c) + (m+\theta_m)c\alpha}. \qquad (19)$$

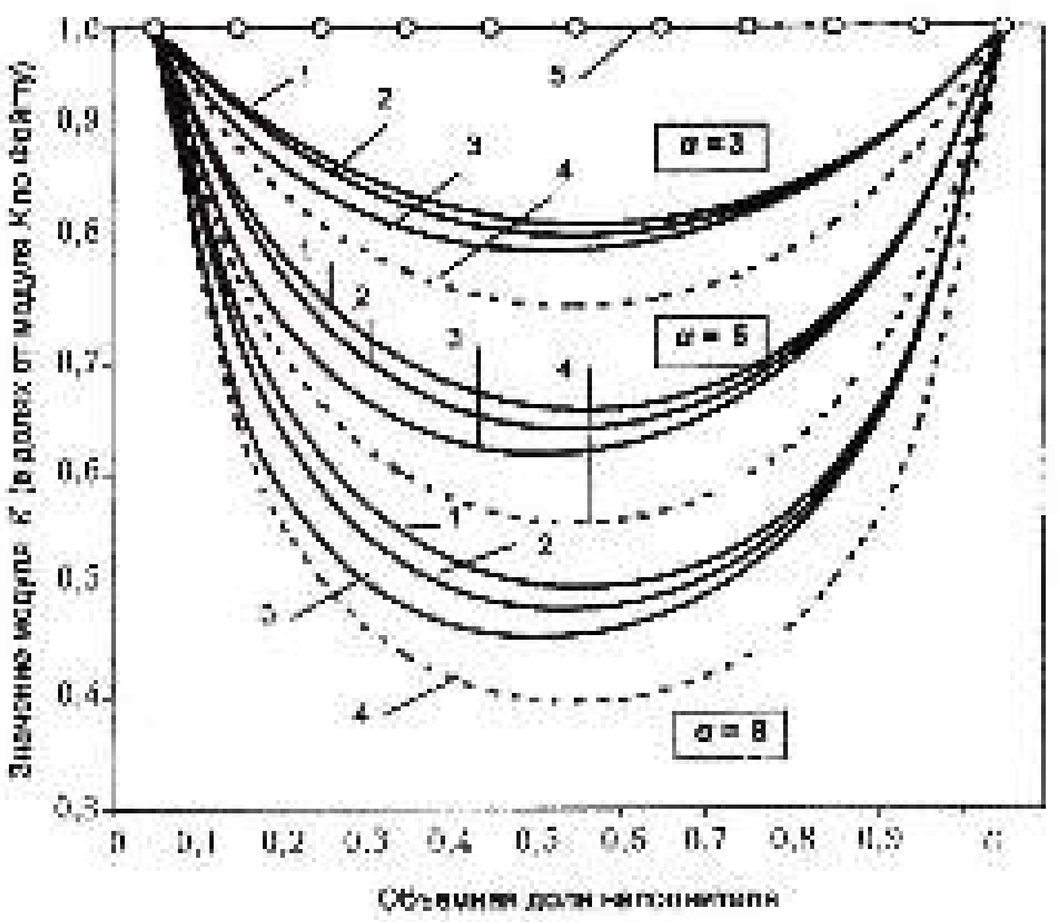
Результаты пробных вычислений представлены графиками (рис. 2), из которых следует, что: а) значения эффективного объемного модуля лежат в пределах вилки Фойгта (прямая 5) — Рейсса (кривые 4) при всех значениях коэффициентов α, c и ϖ; чем больше величина отношения $\alpha = K_n/K_m$, тем ближе K к оценке Рейсса; б) при заданных α и c численное значение K неоднозначно и в общем случае зависит от ϖ (в диапазоне значений, ограниченных кривыми 1 и 3).

2. Если $q/p = \varpi$, то ячейка композита испытывает *сферический сдвиг*. При этом согласно (12) и (14) эффективный объемный модуль $K = 0$, а эффективный модуль сдвига

$$G = \frac{(1-\varpi)g_n / 2}{k_g(\beta - 1) + (1 \quad \varpi\beta)}, \qquad (20)$$

где отношение k_g согласно (9) и с учетом (15) примет вид:

$$k_g = \frac{\varpi[(1+\theta_n)(1-c) + (1+\theta_m)c\alpha]}{m(1+\theta_n n)(1-c) + (m+\theta_m)c\alpha} \qquad (21)$$



Р и с. 2. Сферическое сжатие ($q = p$). Влияние коэффициентов α, c и ϖ на величину эффективного модуля K при значениях $K_m = 1$, $\nu_m = 1/3$ и $\nu_n = 1/4$. Цифры соответствуют: 1 — $\varpi = 0{,}999$; 2 — $\varpi = 0{,}500$; 3 — $\varpi = 0{,}001$; 4 — модуль K по Рейссу (в долях от K по Фойгту); 5 — модуль K по Фойгту, условно равный единице

Анализ результатов вычислений по формулам (20) и (21) показывает (рис. 3): а) значения модуля сдвига (в отличие от объемного) могут как попадать в вилку Фойгта — Рейсса, так и быть вне ее; б) при $\beta = 1$ и $\varpi = 0{,}8333$ значения модуля G в точности совпадают с его значениями, определяемыми по Фойгту (прямая 1), а в случае $\beta = 0{,}625$ и $\varpi = 0{,}75$ — со значениями по Рейссу (кривая 4); в) в обоих случаях ($\beta = 1$ и $\beta = 0{,}625$) при $\varpi \to 1$ значения G/G_F имеют предел (кривые 6 — сплошная и штриховая), при $\varpi = 0{,}999$ это две очень близкие, но различные кривые, кососимметричные относительно значения $c = 0{,}5$; г) в случае $\beta = 1$ и $\varpi < 0{,}8333$ модуль сдвига выше модуля G по Фойгту, а в случае $\beta = 0{,}625$ и $\varpi < 0{,}75$ ниже модуля G по Рейссу.

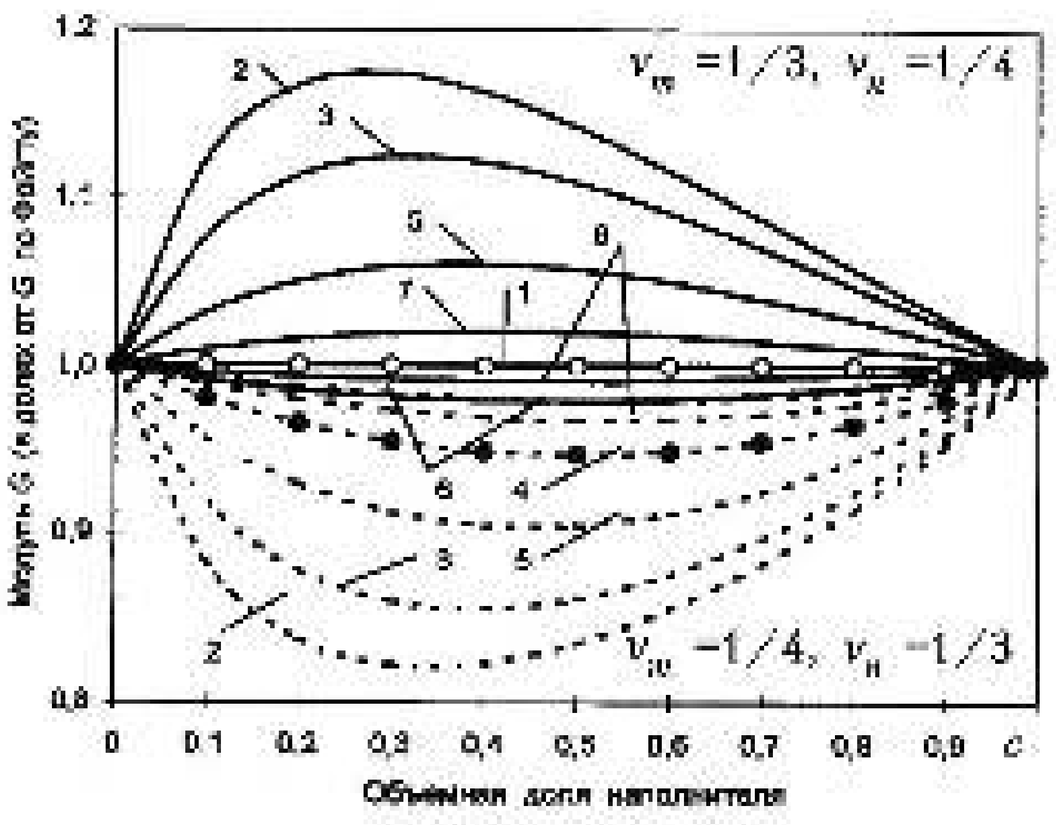
3. При отсутствии давления извне ($p/q = 0$) из (12) и (14) следует:

$$K = \frac{ne_n}{3[k(\alpha - 1) + n]}; \quad G = \frac{g_n}{2[k(\beta - 1) + 1]}, \qquad (22)$$

где

$$k = \frac{\varpi(1+\theta_n)(1-c)}{m(1+\theta_n n)(1-c)+(m+\theta_m)c\alpha} \qquad (23)$$

Данный вариант проще двух первых как в смысле нагружения микроячейки композита, так и по структуре формул (22) по сравнению с (18) и (20). Однако деформированное состояние ячейки является более сложным, поскольку оба модуля (K и G) не равны нулю. Иными словами, этот случай может быть представлен совокупностью двух вышеназванных состояний — сферического сжатия и сферического сдвига.



Р и с. 3. Сферический сдвиг ($q = p\varpi$). Влияние c и ϖ на величину эффективного модуля G двух групп композита с одинаковыми значениями $\alpha = 1$ и $K_m = 1$, но с разными β, равными 1,6 (сплошные линии) и 0,625 (штриховые). Цифры соответствуют значениям коэффициента структуры ячейки: 1 — $\varpi = 0{,}8333$; 2 — $\varpi = 0{,}2$; 3 — $\varpi = 0{,}3$; 4 — $\varpi = 0{,}75$; 5 — $\varpi = 0{,}5$; 6 — $\varpi = 0{,}999$; 7 — $\varpi = 0{,}7$ и 8 — $\varpi = 0{,}9$

4. Если модули сдвига наполнителя и матрицы равны, то $\beta = 1$; из (12) следует, что при этом $g = g_m = g_n$ для всех значений q/p. В случае, когда $q/p = 1$, формулы (18) и (19) сводятся к выражению

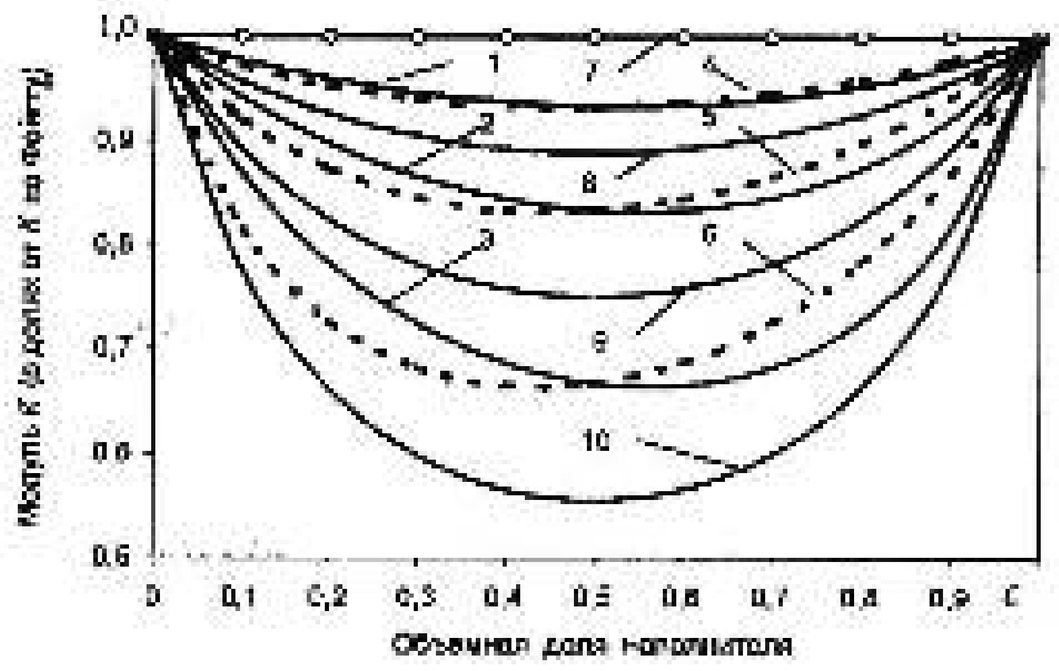
$$K = K_n \frac{\theta_n + (1-c) + c\alpha}{\theta_n[(1-c)\alpha + c] + \alpha} \qquad (24)$$

или, что одно и то же, к формуле Кристенсена [2]

$$K = K_m + \frac{c(K_n - K_m)}{1 + (1-c)(3K_n - 3K_m)/(3K_m + 4G)}. \qquad (25)$$

В формулах (24) и (25) структурный параметр ϖ сократился, и в нашем примере модуль K зависит всего от 4 параметров (вместо 6 в общем случае).

На рис. 4 представлены вычисленные по формуле (22) графики зависимостей величины модуля K от параметра c для трех пар композитов. В композитах каждой пары отношения α выбраны такими, при которых модули K по Фойгту и Рейссу совпадают, а их графики имеют ось симметрии (при $c = 0{,}5$). Графики же каждой пары кривых 1 — 6 кососимметричны относительно названной оси рисунка.



Р и с. 4. Сферическое сжатие ($q = p$). Влияние коэффициентов α и c на величину эффективного модуля K при значениях $K_m = 1$ и $\beta = 1$ для трех пар композитов с параметрами: 1 — $\alpha = 1/2$ и $G = 0{,}375$; 2 — $\alpha = 1/3$ и $G = 0{,}25$; 3 — $\alpha = 1/5$ и $G = 0{,}15$; 4 — $\alpha = 2$ и $G = 0{,}75$; 5 — $\alpha = 3$ и $G = 0{,}75$; 6 — $\alpha = 5$ и $G = 0{,}75$. При этом прямая 7 отвечает значениям K по Фойгту, кривые 8, 9 и 10 — значениям K по Рейссу (для соответствующих трех пар кривых 1 — 6)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Безухов Н. И.** Основы теории упругости, пластичности и ползучести. М.: Высш. шк., 1968. 512 с.

2. **Кристенсен Р. М.** Введение в механику композитов. М.: Мир. 1982. 336 с.

3. **Тюряхин А. С.** Макромеханика сферической ячейки композита // Долговечность строительных материалов и конструкций: Материалы науч.-практ. конф. Саранск. 2000. С. 79 — 85.

4. **Тюряхин А. С., Черкасов В. Д.** Методология целостности в механике композитов // Вестн. Морд. ун-та. 1999. № 1 — 2. С. 112 — 120.

5. **Тюряхин А. С., Черкасов В. Д., Юркин Ю. В.** и др. Модули упругости двухсвязной модели композита // Вестн. Морд. ун-та. 2000. № 1 — 2. С. 135 — 139.

6. **Тюряхин А. С., Черкасов В. Д., Юркин Ю. В.** и др. Эффективный модуль сдвига в двухсвязной модели композита // Вестн. Морд. ун-та. 2000. № 3 — 4. С. 127 — 130.

7. **Соломатов В. И, Черкасов В. Д., Тюряхин А. С.** и др. Объемные модули упругости двухсвязной модели композита // Изв. вузов. Стр-во. [Новосибирск]. 2001. № 4. С. 43 — 48.

8. **Hashin Z.** The elastic moduli of heterogeneous materials // J. Appl. Mech. 1962. Vol. 29. P. 143.

Поступила 19.03.01.

О ДИССИПАТИВНЫХ СВОЙСТВАХ КОМПОЗИТОВ СО СВЕРХВЫСОКИМ НАПОЛНЕНИЕМ

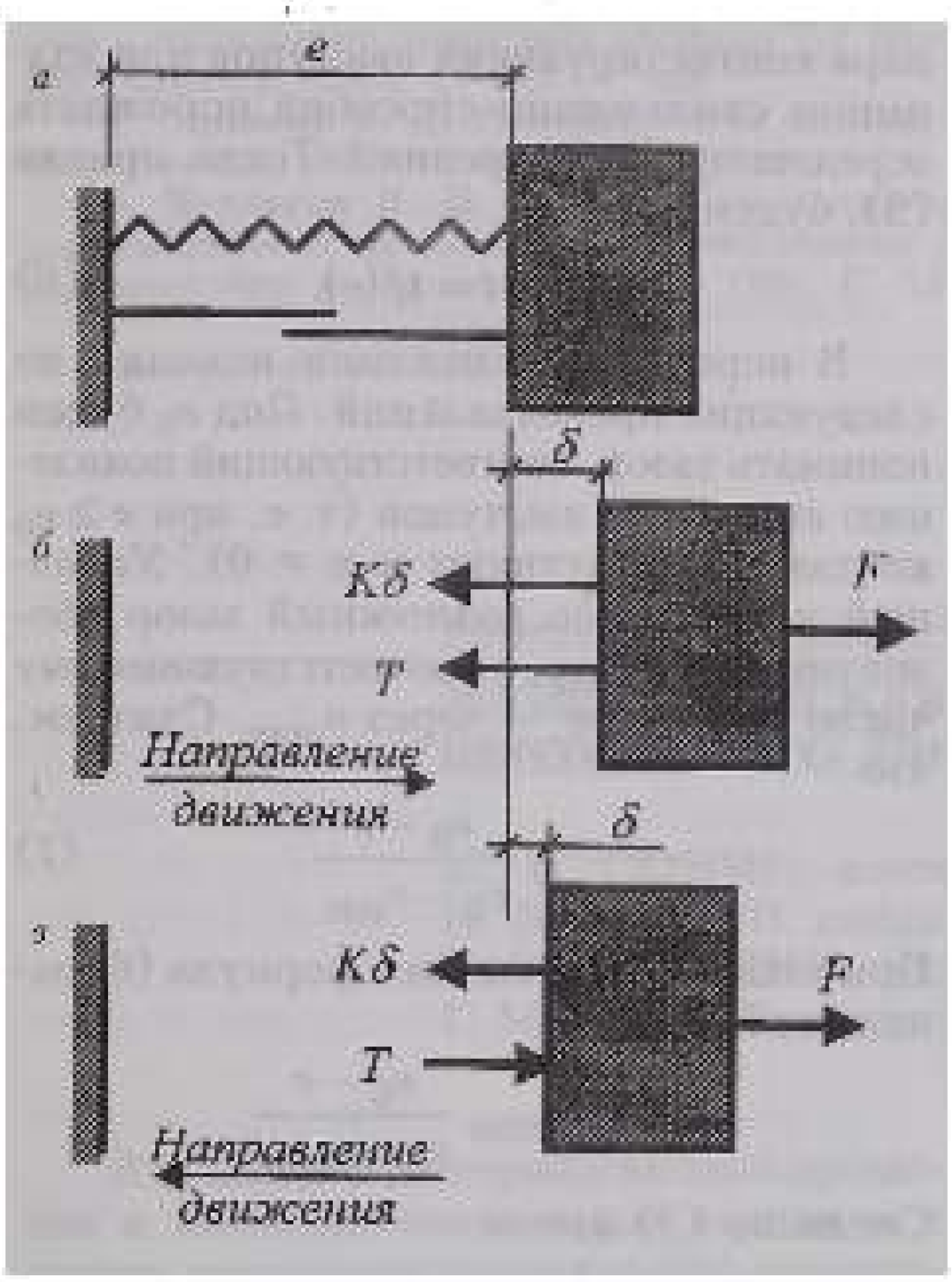
В. Д. ЧЕРКАСОВ, доктор технических наук, член-кор. РААСН,
В. А. КАРТАШОВ, кандидат технических наук

Известно [2; 3], что кривая зависимости коэффициента потерь η от объемного наполнения μ вначале идет вниз, а затем наступает ее рост. Он начинается со значения μ, близкого к 0,5. С точки зрения структурных особенностей композита это объясняется разными условиями работы диссипативной матрицы при разной плотности расположения частиц малодиссипативного наполнителя. Если эти частицы находятся на достаточно больших расстояниях друг от друга, приемлема модель, согласно которой регулярно повторяющаяся ячейка композита представляет собой параллелепипед, в центре которого находится включение — частица наполнителя. Это позволяет, имея в виду большие размеры ячейки по сравнению с включением, пользоваться расчетной схемой шар-включения, окруженного полой сферой-матрицей. По мере роста объемного наполнения, когда частицы наполнителя сближаются, такой подход становится все менее адекватным, а при очень близком расположении включений — совершенно неприемлемым. Работа матрицы приобретает гораздо более сложный характер. Плотное касание одинаковых частиц наступает при объемном наполнении $\mu = 0{,}52$, что соответствует наблюдаемому в эксперименте описанному выше изменению характера кривой $\eta = \eta(\mu)$. С феноменологических позиций композиты, матрица которых имеет коэффициент потерь, зависящий от объемного наполнения, рассмотрена в статье [1].

Ниже предлагается расчетная модель, относящаяся к композитам со сверхвысоким наполнением. При этом используются представления о свободных зонах [2; 3], согласно которым матрица в пространстве между близко расположенными зернами наполнителя рассредоточена в виде отдельных островков. Между этими островками

© В. Д. Черкасов, В. А. Карташов, 2001

зерна наполнителя могут дискретно контактировать своими выступами-шероховатостями. На поверхностях названных выступов при взаимном перемещении зерен возникают силы трения, влияющие на диссипацию энергии.



Р и с. 1

На рис. 1, *а* схематически показаны два зерна с условно плоскими гранями, имеющих выступы (шероховатости), перемещающиеся с трением и олицетворяющие соприкасающиеся неровности. Между зернами расположен упругий элемент — пружина, моделирующая совокупность фрагментов матрицы, находящихся между этими зернами. В свою очередь трущиеся выступы олицетворяют соприкасающиеся неровности зерен.

Предполагаем, что усилие F_M в упругом элементе определяется по формуле $F_M = K\delta$, где K — характеристика упругих свойств элемента, а δ — изменение расстояния между зернами. Предельная величина силы взаимного трения выступов обозначена через T; по ее достижении начинается сдвиг при сохранении того же значения силы трения.

Когда зерна удаляются друг от друга (рис. 1, *б*), для действующей силы F имеем

$$F = F_M + T = K\delta + T \qquad (1)$$

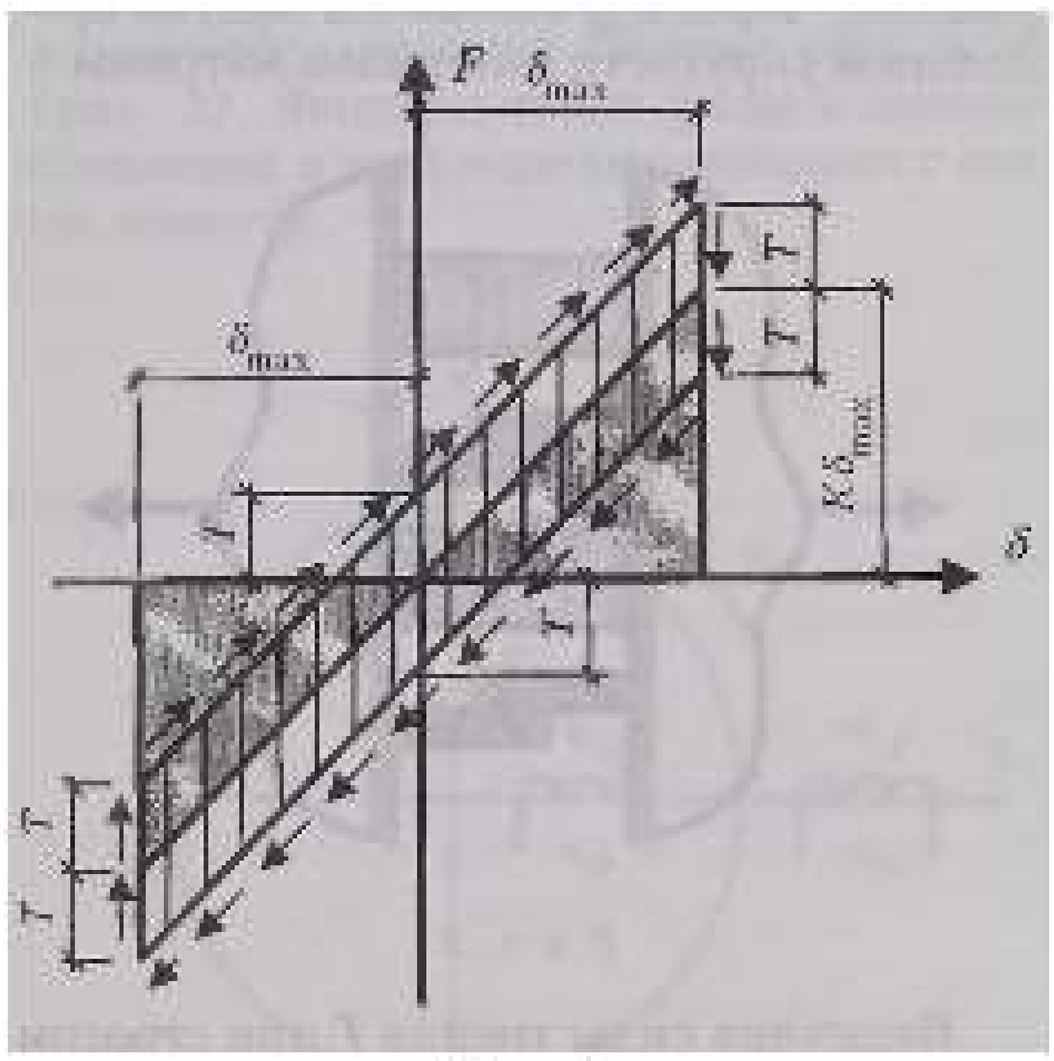
При обратном движении (рис. 1, *в*)

$$F = F_M - T = K\delta - T \qquad (2)$$

Формулы (1) и (2) описывают явления, происходящие при удалении зерен друг от друга и при возвращении их в исходное положение; этот процесс можно считать одной из фаз циклического нагружения. Когда осциллирующая сила получает обратное направление (следующая фаза колебаний), величины F и δ меняют свои знаки на противоположные.

На рис. 2 написанные зависимости интерпретированы графически. Если амплитуда колебаний равна δ_{max}, то упругая потенциальная энергия u, накопленная матрицей за половину полного цикла, равна $0{,}5K\delta_{max}^2$. Соответствующая площадь петли гистерезиса, определяющая потери энергии $u_{пот}$, равна $2T\delta_{max}$. Отсюда получаем величину коэффициента потерь:

$$\eta = \frac{u_{пот}}{u} = \frac{4T}{K\delta_{max}} \qquad (3)$$



Р и с. 2

В теории композитов установлено, что коэффициент потерь почти не зависит от амплитуды колебаний. Формула (3) показывает, что это положение не распространяется на композиты со сверхвысокой

долей наполнения — здесь коэффициент потерь обратно пропорционален амплитуде. Очевидная физическая причина этого обстоятельства состоит в том, что упругая энергия дискретной матричной прослойки пропорциональна квадрату амплитуды, в то время как энергетические потери, равные работе сил трения, пропорциональны пройденному расстоянию, т. е. амплитуде в первой степени.

Запишем значение множителя K, входящего в формулу $F_M = K\delta$, для случаев осевого и тангенциального нагружений. В первом случае пользуемся рис. 3, где в виде столбиков показаны разрозненные участки матрицы, чередующиеся с трущимися выступами зерен. Если расстояние между условными осредненно гладкими поверхностями зерен в ненагруженном состоянии равно e, то $\delta = F_M e / E_M A_M$. Поскольку $K = FM/\delta$, получаем

$$K = \frac{E_M A_M}{e}. \qquad (4)$$

Под F_M и A_M понимаются усилие и площадь сечения, приходящиеся на совокупность элементов матрицы, расположенных в пределах какого-либо характерного участка. Через E_M обозначен модуль продольной упругости материала матрицы.

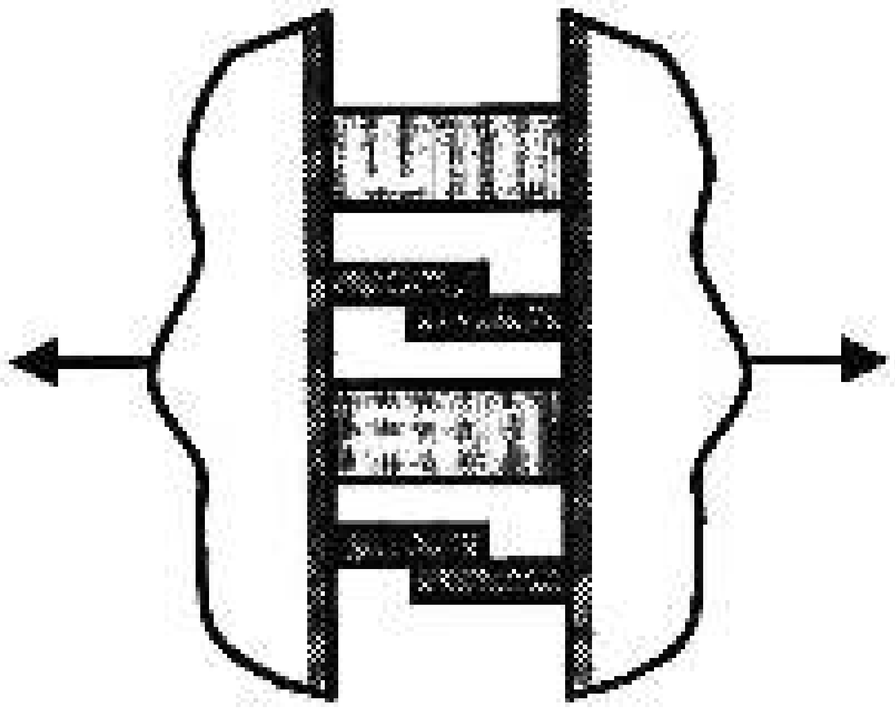


Рис. 3

Величина силы трения T при строгом рассмотрении должна определяться статистическими методами с учетом шероховатости зерен наполнителя. Упрощенно будем полагать, что число взаимно соприкасающихся и трущихся выступов является некоторой функцией зазора e между условно гладкими поверхностями зерен, т. е.

$$n = f(e). \qquad (5)$$

Под n понимается число контактирующих выступов, приходящихся на тот участок, для которого выше определялись F_M и A_M.

Также упрощенно считаем, что каждая пара контактирующих выступов при взаимном скольжении способна порождать осредненную силу трения t. Тогда, приняв (5), будем иметь

$$T = nt = tf(e). \qquad (6)$$

В первом приближении исходим из следующих представлений. Под e_0 будем понимать зазор, соответствующий появлению контактов выступов (т. е. при $e \geq e_0$ контакты отсутствуют и $n = 0$). Условный минимально возможный зазор обозначим через $e_{\min}$, а соответствующее ему число контактов — через $n_{\max}$. Считаем, что

$$\frac{n}{n_{\max}} = \frac{e_0 - e}{e_0 - e_{\min}} \qquad (7)$$

При таких предпосылках формула (6) запишется в виде

$$T = tn_{\max}\frac{e_0 - e}{e_0 - e_{\min}}$$

Согласно (3) имеем

$$\eta = \frac{4tn_{\max}}{K\delta_{\max}}\frac{e_0 - e}{e_0 - e_{\min}} \qquad (8)$$

При тангенциальном нагружении (рис. 4) для K справедлива формула

$$K = \frac{G_M A_M}{e}. \qquad (9)$$

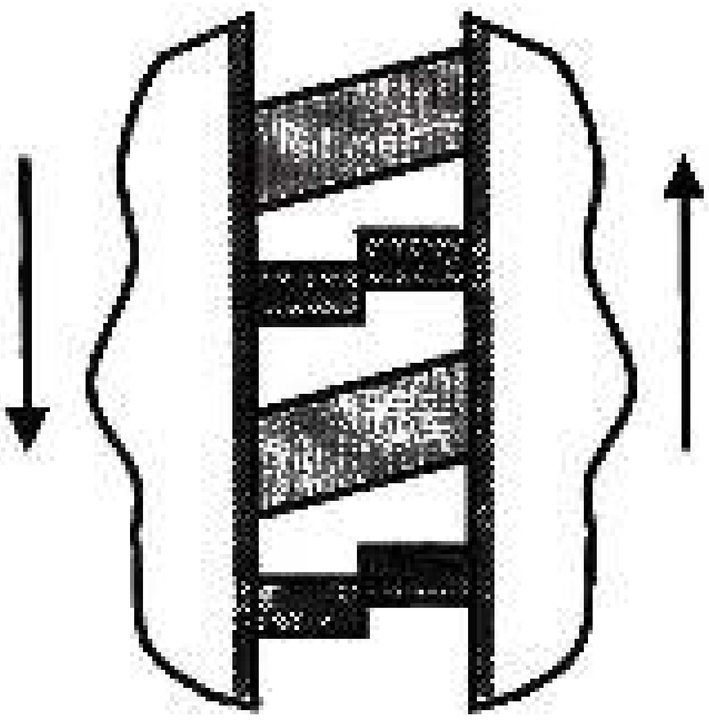


Рис. 4

в которой $G_{\Delta\gamma}$ представляет собой модуль упругости матрицы при сдвиге.

Остальные формулы сохраняют тот же вид, что и при осевом нагружении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Карташов В. А., Тюрякин А. С., Черкасов В. Д., Юркин Ю. В.** Композит, матрица которого имеет коэффициент потерь, зависящий от объемного наполнения // Критические технологии в регионах с недостатком природных ресурсов // Материалы региональной научно-практической конференции. Саранск, 2000. С. 165 — 169.

2. **Черкасов В. Д.** Демпфирующие свойства полимерных композиционных материалов // Вестн. Морд. ун-та. 1993. № 1. С. 70 — 74.

3. **Черкасов В. Д.** Выбор и исследование полимерных связующих для вибропоглощающих композиционных материалов // Современные строительные композиты и их технология: Проблемы и перспективы развития. Саранск, 1994. С. 141 — 150.

Поступила 08.11.01.

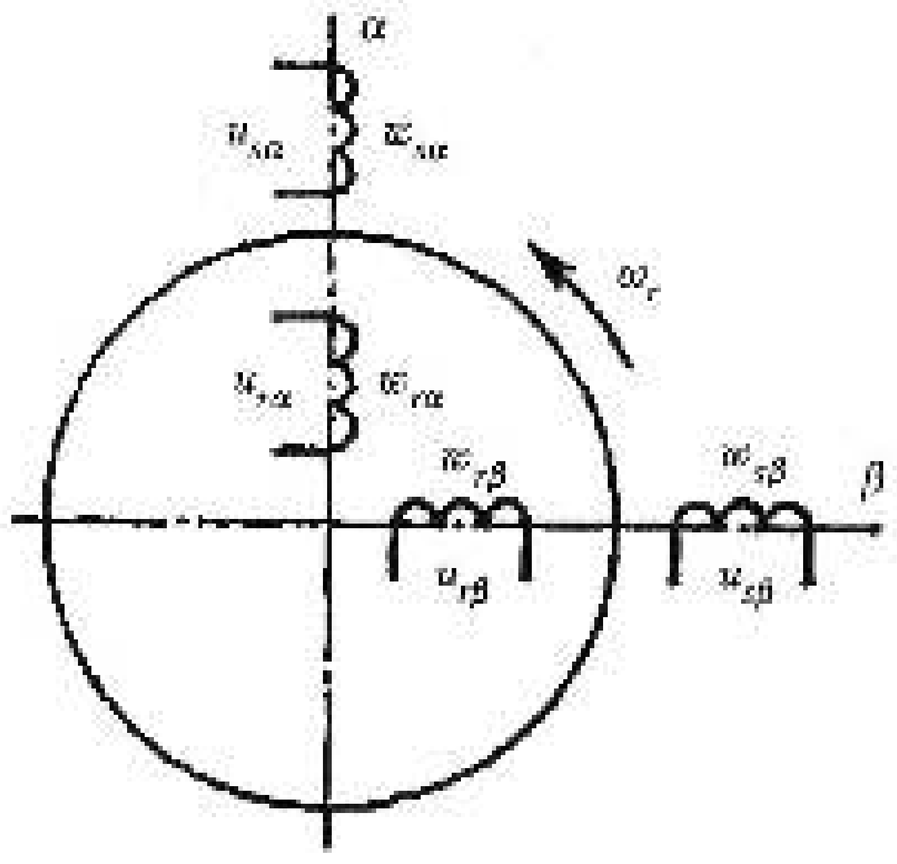
МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ АСИНХРОНИЗИРОВАННОГО ВЕНТИЛЬНОГО ДВИГАТЕЛЯ

Ю. П. СОНИН, доктор технических наук,
И. В. ГУЛЯЕВ, кандидат технических наук,
В. В. НИКУЛИН, старший преподаватель,
Г. М. ТУТАЕВ, старший преподаватель

Для анализа электромагнитных процессов в машинно-вентильных системах в теории электромеханики широко применяется понятие обобщенной электрической машины.

Обобщенная электрическая машина — двухполюсная двухфазная симметричная идеализированная машина, имеющая две пары обмоток на роторе и статоре (рис. 1). Здесь $w_{s\alpha}$, $w_{s\beta}$ — число витков обмотки статора по осям соответственно α и β; $w_{r\alpha}$, $w_{r\beta}$ — число витков обмотки ротора по осям соответственно α и β; $u_{s\alpha}$, $u_{s\beta}$, $u_{r\alpha}$, $u_{r\beta}$ — напряжения по осям соответственно α и β на статоре и роторе; ω_r — угловая скорость ротора.

В идеализированной двухфазной двухполюсной электрической машине обмотки ротора вращаются, а обмотки статора неподвижны. Совместив с осями обмоток ортогональные системы координат статора a_s, b_s и ротора a_r, b_r, получим машину в непреобразованной системе координат (рис. 2). Векторы токов фазы и потокосцеплений в этой модели совпадают с осями обмоток.



Р и с. 1. Пространственная модель обобщенной электрической машины

© Ю. П. Сонин, И. В. Гуляев, В. В. Никулин, Г. М. Тутаев, 2001

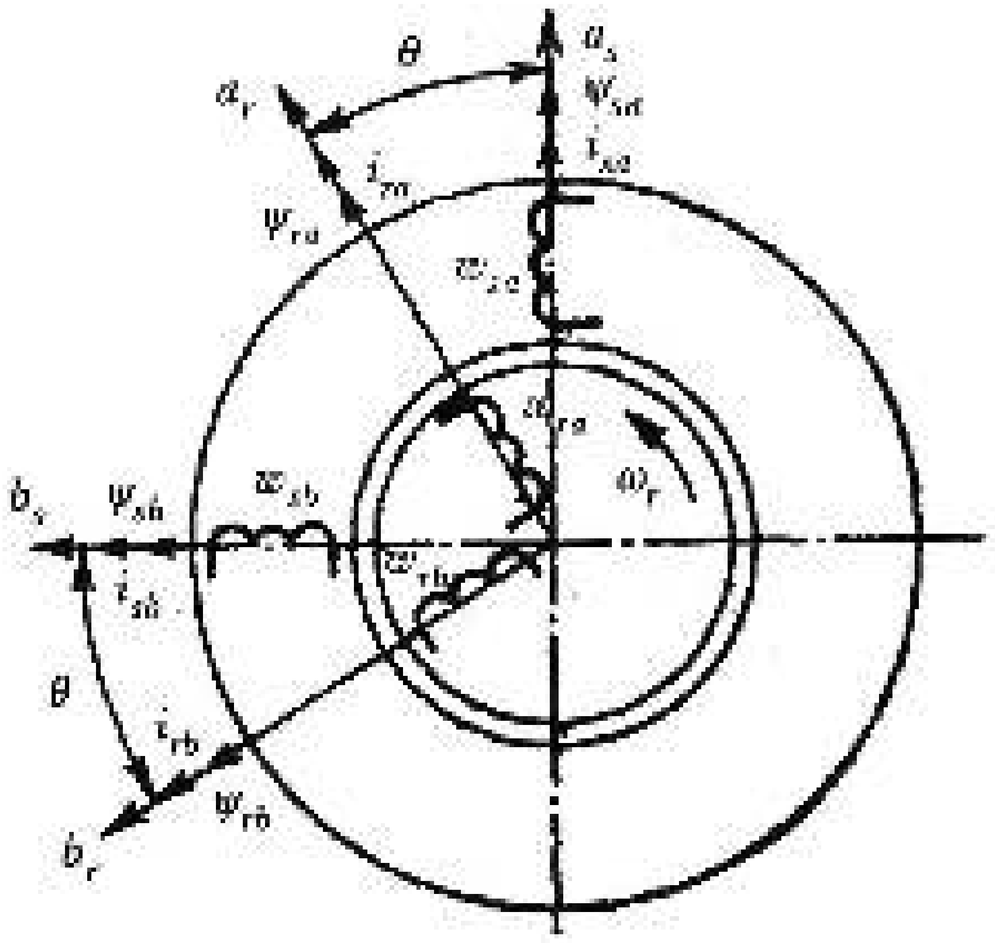


Рис. 2. Пространственная модель машины в непреобразованной системе координат

Системы координат ротора и статора перемещаются относительно друг друга, при этом изменение угла Θ между осями определяет относительную угловую скорость:

$$\omega_r = d\Theta/\mathrm{dt}. \qquad (1)$$

Дифференциальные уравнения напряжений в естественных или непреобразованных фазных координатах для модели машины (см. рис. 2) имеют вид:

$$\begin{cases} u_{as} = r_{as}i_{as} + d\Psi_{as}/\mathrm{dt}, \\ u_{bs} = r_{bs}i_{bs} + d\Psi_{bs}/\mathrm{dt}, \\ u_{ar} = r_{ar}i_{ar} + d\Psi_{ar}/\mathrm{dt}, \\ u_{br} = r_{br}i_{br} + d\Psi_{br}/\mathrm{dt}. \end{cases} \qquad (2)$$

Частоты токов (2) в статоре и роторе различны.

Потокосцепления обмоток в (2)

$$\begin{cases} \Psi_{as} = L_{as}i_{as} + M\cos\Theta i_{ar} + M\sin\Theta i_{br}, \\ \Psi_{bs} = L_{bs}i_{bs} + M\cos\Theta i_{br} + M\sin\Theta i_{ar}, \\ \Psi_{ar} = L_{ar}i_{ar} + M\cos\Theta i_{as} + M\sin\Theta i_{bs}, \\ \Psi_{br} = L_{br}i_{br} + M\cos\Theta i_{bs} + M\sin\Theta i_{as}. \end{cases} \qquad (3)$$

Если подставить значения (3) в (2), то получатся громоздкие уравнения с периодическими коэффициентами. Для упрощения уравнения необходимо, чтобы токи в статоре и роторе имели одинаковые частоты и обеспечивалась инвариантность мощности, т. е. сохранение мощности на валу, потерь, потребляемой мощности в приведенной машине такими же, как и в реальной.

Уравнения напряжений результирующих векторов, полученные для координатных осей, вращающихся с произвольной скоростью, представляют собой наиболее простой и общий вид уравнений Кирхгофа для обобщенной машины:

$$\begin{cases} U_s = R_s I_s + d\Psi_s/\mathrm{dt} + j\omega_k\psi_s, \\ U_r = R_r I_r + d\Psi_r/\mathrm{dt} + j(\omega_k - \omega_r)\psi_r. \end{cases} \qquad (4)$$

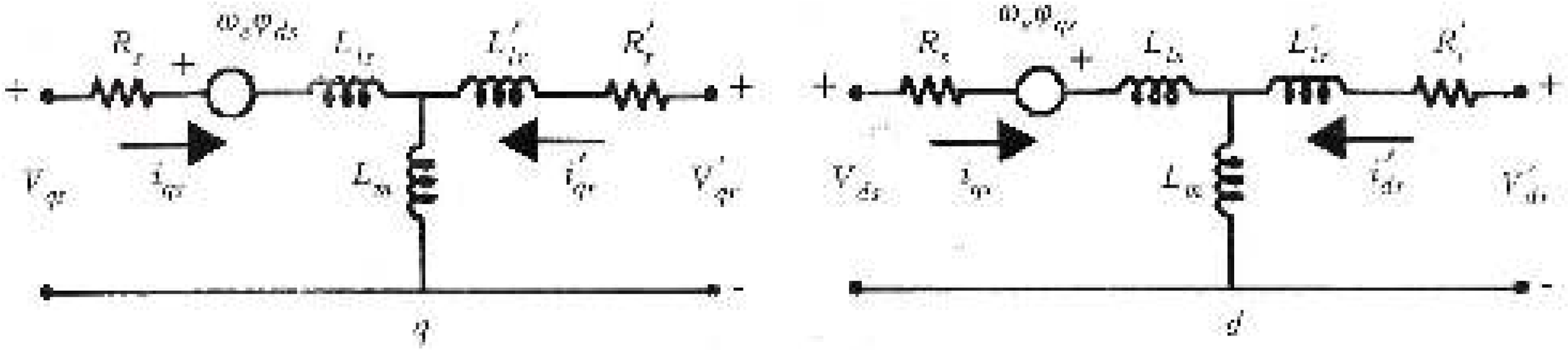
В таком виде уравнения применяются редко. Наибольший интерес представляют уравнения в координатных осях α, β, когда $\omega_k = 0$, и в координатных осях d, q, когда $\omega_k = \omega_r$, т. е. оси координат неподвижны относительно ротора. В общем случае можно считать, что в электромеханике существует бесчисленное множество систем координат. Выбор координатной системы для анализа переходных процессов в электрических машинах зависит от условий поставленной задачи — схемы соединения обмоток статора и ротора, необходимости получения фазных токов, простоты схемы модели и т. д. [1].

Будем вести моделирование переходных процессов в системе координат d, q, что позволяет упростить в дальнейшем построение системы регулирования асинхронизированным вентильным двигателем (АВД).

Схема замещения АВД в системе координат d, q представлена на рис. 3.

В модели параметры ротора приведены к параметрам статора. На это указывают знаки (′) в уравнениях. Использованы следующие обозначения: d — проекции векторов на ось d; q — проекция векторов на ось q; r — роторная величина; s — статорная величина; l — индуктивность рассеяния; m — взаимная индуктивность; R_s, L_{ls} — соответственно активное сопротивление и индуктивность рассеяния статора; R_r', L_{lr}' — соответственно активное сопротивление и индуктивность рассеяния ротора; L_m — взаимная индуктивность; L_s', L_r' — соответственно суммарная статорная и роторная индуктивность; V_{qs}, i_{qs} — проекции векторов соответственно статорного напряжения и тока на ось q;

V'_{qr}, i'_{qr} — проекции векторов соответственно роторного напряжения и тока на ось q; V_{ds}, i_{ds} — проекции векторов соответственно статорного напряжения и тока на ось d; V'_{dr}, i'_{dr} — проекции векторов соответственно роторного напряжения и тока на ось d; φ_{qs}, φ_{ds} — проекции векторов статорных потоков соответственно на оси d и q; φ_{qr}, φ_{dr} — проекции векторов роторных потоков соответственно на оси d и q; ω_r — угловая скорость вращения ротора; p — число пар полюсов; ω_e — электрическая угловая скорость вращения ротора $(\omega_r \times p)$; $M_э$ — электромагнитный момент; M_c — момент сопротивления; θ — угол поворота ротора; J — комбинированный момент инерции ротора и нагрузки.



Р и с. 3. Схема замещения АВД

Уравнения напряжений статора и ротора в непреобразованной трехфазной системе координат имеют вид:

$$\begin{cases} U_A = R_A I_A + \dfrac{d\Psi_A}{\mathrm{dt}}, U_B = R_B I_B + \dfrac{d\Psi_B}{\mathrm{dt}}, U_C = R_C I_C + \dfrac{d\Psi_C}{\mathrm{dt}} \\ U_a = R_a I_a + \dfrac{d\Psi_a}{\mathrm{dt}}, U_b = R_b I_b + \dfrac{d\Psi_b}{\mathrm{dt}}, U_c = R_c I_c + \dfrac{d\Psi_c}{\mathrm{dt}} \end{cases} \quad (5)$$

В двухфазной системе координат составляющие напряжений статора и ротора по осям

$$\begin{cases} V_{As} = R_A I_{As} + \dfrac{d\Psi_{As}}{\mathrm{dt}}, V_{Bs} = R_B I_{Bs} + \dfrac{d\Psi_{Bs}}{\mathrm{dt}}, \\ V_{ar} = R_a I_{ar} + \dfrac{d\Psi_{ar}}{\mathrm{dt}}, U_{br} = R_b I_{br} + \dfrac{d\Psi_{br}}{\mathrm{dt}} \end{cases} \quad (6)$$

Переход от трехфазной системы координат к двухфазной осуществляется следующим образом:

$$\begin{cases} V_{As} = \dfrac{2U_A - U_B \quad U_C}{3} = U_A, V_{Bs} = \dfrac{U_B - U_C}{\sqrt{3}}, \\ V_{ar} = \dfrac{2U_a - U_b - U_c}{3} = U_a, V_{br} = \dfrac{U_b - U_c}{\sqrt{3}}. \end{cases} \quad (7)$$

Машина считается симметричной, т. е. $R_A = R_B = R_R$, $R_a = R_b = R_r$.

Тогда в заторможенной системе координат ротора d, q проекции напряжений статора примут вид:

$$\begin{cases} V_{ds} = R_s i_{ds} + \dfrac{d\Psi_{ds}}{\mathrm{dt}} - \omega_e \Psi_{qs}, \text{ где } V_{ds} = V_{As}\cos\Theta - V_{Bs}\sin\Theta; \\ V_{qs} = R_s i_{qs} + \dfrac{d\Psi_{qs}}{\mathrm{dt}} - \omega_e \Psi_{ds}, \text{ где } V_{qs} = V_{As}\sin\Theta + V_{Bs}\cos\Theta. \end{cases} \quad (8)$$

После приведения параметров ротора к параметрам статора

$$\begin{cases} V_{dr}^{'} = R_r^{'} i_{dr}^{'} + \dfrac{d\Psi_{dr}^{'}}{\mathrm{dt}}, \text{ где } V_{dr}^{'} = V_{ar}^{'} K_u; \\ V_{qr}^{'} = R_r^{'} i_{qr}^{'} + \dfrac{d\Psi_{qr}^{'}}{\mathrm{dt}}, \text{ где } V_{qr}^{'} = V_{br}^{'} K_u. \end{cases} \tag{9}$$

Параметры K_u, K_i, $R_r^{'}$, $L_{lr}^{'}$ определяются из опытов холостого хода и короткого замыкания.

Составляющие напряжений статора и ротора по осям в заторможенных координатах

$$\begin{cases} V_{ds} = R_s i_{ds} + \dfrac{d\Psi_{ds}}{\mathrm{dt}} - \omega_e \Psi_{qs}, \; V_{dr}^{'} = R_r^{'} i_{dr}^{'} + \dfrac{d\Psi_{dr}^{'}}{\mathrm{dt}}; \\ V_{qs} = R_s i_{qs} - \dfrac{d\Psi_{qs}}{\mathrm{dt}} - \omega_e \Psi_{ds}, \; V_{qr}^{'} = R_r^{'} i_{qr}^{'} + \dfrac{d\Psi_{qr}^{'}}{\mathrm{dt}}. \end{cases} \tag{10}$$

С учетом того, что $L_s = L_{ls} + L_m$, $L_r^{'} = L_{lr}^{'} + L_m$, выражения для потокосцеплений статора и ротора примут вид:

$$\begin{cases} \Psi_{ds} = L_s i_{ds} + L_m i_{dr}^{'} = L_{ls} i_{ds} + L_m (i_{ds} + i_{dr}^{'}), \\ \Psi_{qs} = L_s i_{qs} + L_m i_{qr}^{'} = L_{ls} i_{qs} + L_m (i_{qs} + i_{qr}^{'}), \\ \Psi_{dr}^{'} = L_r^{'} i_{dr}^{'} + L_m i_{ds} = L_{lr}^{'} i_{dr}^{'} + L_m (i_{dr}^{'} + i_{ds}), \\ \Psi_{qr}^{'} = L_r^{'} i_{qr}^{'} + L_m i_{qs} = L_{lr}^{'} i_{qr}^{'} + L_m (i_{qr}^{'} + i_{qs}). \end{cases} \tag{11}$$

Для моделирования в среде MATLAB необходимо привести уравнения (10) к форме Коши. Тогда

$$\begin{cases} \dfrac{d\Psi_{ds}}{\mathrm{dt}} = V_{ds} + \omega_e \Psi_{qs} - R_s i_{ds}, \; \dfrac{d\Psi_{dr}^{'}}{\mathrm{dt}} = V_{dr}^{'} - R_r^{'} i_{dr}^{'}, \\ \dfrac{d\Psi_{qs}}{\mathrm{dt}} = V_{qs} - \omega_e \Psi_{ds} - R_s i_{qs}, \; \dfrac{d\Psi_{qr}^{'}}{\mathrm{dt}} = V_{qr}^{'} - R_r^{'} i_{qr}^{'}. \end{cases} \tag{12}$$

Здесь

$$\begin{cases} i_{ds} = \dfrac{\Psi_{ds} - \Psi_{dm}}{L_{ls}}, \; i_{qs} = \dfrac{\Psi_{qs} - \Psi_{qm}}{L_{ls}}; \\ i_{dr}^{'} = \dfrac{\Psi_{dr}^{'} - \Psi_{dm}}{L_{lr}^{'}}, \; i_{qr}^{'} = \dfrac{\Psi_{qr}^{'} - \Psi_{qm}}{L_{lr}^{'}}; \\ \Psi_{dm} = L_m (i_{dr}^{'} + i_{ds}), \; \Psi_{qm} = L_m (i_{qr}^{'} + i_{ds}); \\ \Psi_{qm} = \left(\dfrac{\Psi_{qr}^{'}}{L_{lr}^{'}} + \dfrac{\Psi_{qs}}{L_{ls}} \right) L_a, \; \Psi_{dm} = \left(\dfrac{\Psi_{dr}^{'}}{L_{lr}^{'}} + \dfrac{\Psi_{ds}}{L_{ls}} \right) L_a, \end{cases} \tag{13}$$

где L_a – эквивалентная индуктивность АВД,

$$L_a = \frac{L_m^{'} L_{lr}^{'} L_{ls}}{L_{lr}^{'} L_{ls} + (L_{lr}^{'} + L_{ls}) L_m} \tag{14}$$

Уравнения движения ротора:

$$\frac{d\omega_r}{\mathrm{dt}} = \frac{1}{J}(M_э - M_c);\ \omega_e = p\omega_r;\ \frac{d\Theta}{\mathrm{dt}} = \omega_r. \tag{15}$$

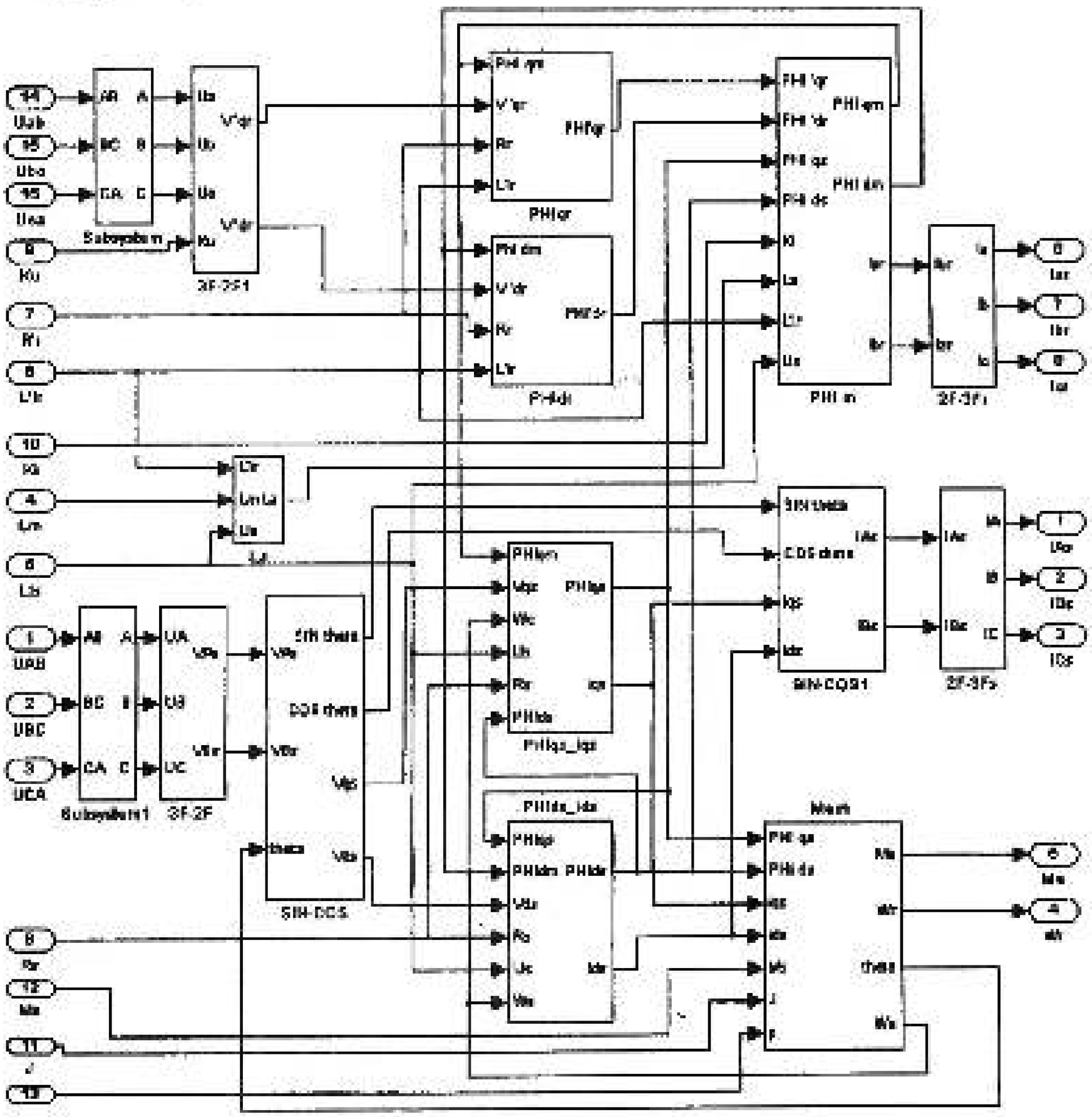
Обратные преобразования для возврата к вращающейся двухфазной системе координат и нахождения действительных токов ротора:

$$\begin{cases} I_{As} = i_{qs}\sin\Theta + i_{ds}\cos\Theta,\ I_{ar} = i'_{dr}K_i; \\ I_{Bs} = i_{qs}\cos\Theta - i_{ds}\sin\Theta,\ I_{br} = i'_{qr}K_i. \end{cases} \tag{16}$$

Для возврата в естественную трехфазную систему координат необходимо выполнить следующие преобразования:

$$\begin{cases} I_A = I_{As},\ I_a = I_{ar}; \\ I_B = \dfrac{\sqrt{3}}{2}I_{Bs} - \dfrac{1}{2}I_{As},\ I_b = \dfrac{\sqrt{3}}{2}I_{br} - \dfrac{1}{2}I_{ar}; \\ I_C = -I_A - I_B,\ I_c = -I_a - I_b. \end{cases} \tag{17}$$

По представленным уравнениям (5) — (17) средствами SIMULINK разработана модель АВД (рис. 4).

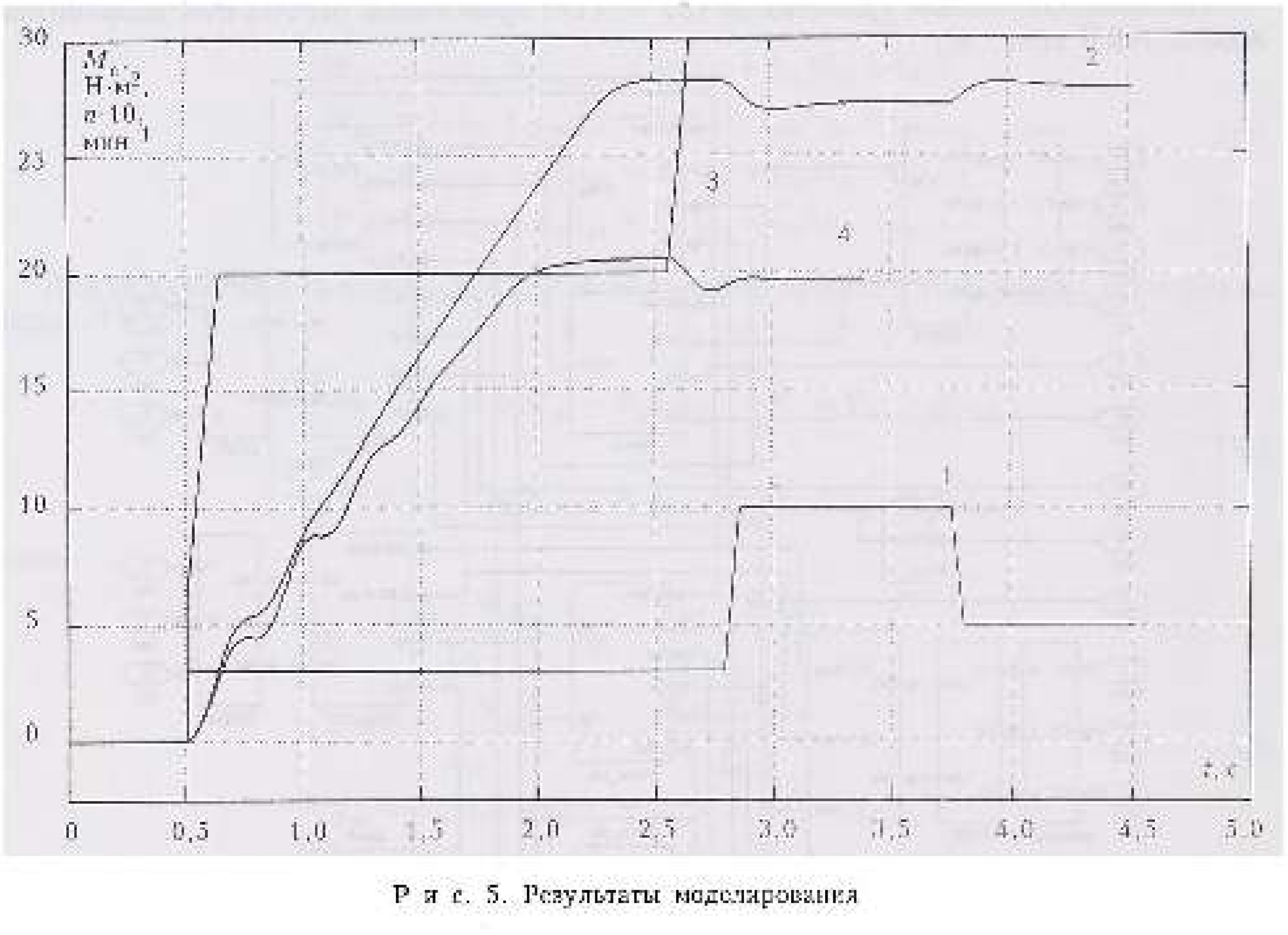

Ubc
Uca
Ku
Ki
L'r
Km
Ls
UAB
UBC
UCA
Ia
Ib
Ic
Ua
Ub
Uc
Ur
Ur
Ur

Питание АВД осуществляется от двух преобразователей частоты — АИН с ШИМ в цепи ротора (возбуждения) и инвертора тока в цепи статора. Выходное напряжение АИН с ШИМ синусоидально, и его гармонический состав определяется конкретным схемотехническим решением. Поэтому моделирование силовой схемы не имеет смысла, и в модели машинно-вентильного каскада АВД применен управляемый источник синусоидального сигнала. Моделирование ИТ проводилось также средствами SIMULINK на основе алгоритмов работы системы управления и силовой части реального преобразователя.

Результаты моделирования пуска и разгона двигателя с постоянным моментом на валу с последующими набросом и сбросом нагрузки показаны на рис. 5. При моделировании использовались параметры двигателя МТН-411—8У1.

На рис. 5 пуску с различными моментами сопротивления на валу 1, 3 соответствуют кривые разгона 2, 4. С ростом момента на валу заметно ухудшается качество переходных процессов: возникают колебания и увеличивается время переходного процесса. Для улучшения динамических свойств машинно-вентильной системы необходимо применение замкнутой системы регулирования, компенсирующей инерционность статора и ротора.

Предложенная реализация математической модели позволяет исследовать переходные процессы в электрической машине при пуске и разгоне, а также при изменении нагрузки на валу.



Р и с. 5. Результаты моделирования

* * *

1. **Копылов И. П.** Математическое моделирование электрических машин. М.: Высш. шк., 1994. 248 с.

Поступила 07.08.01.

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

В. П. ФУРМАНОВА, доктор педагогических наук

Рассмотрим роль и место иностранных языков в системе гуманитарного образования университета, напомнив для начала слова Петра I: «Младые отроки всегда должны говорить иностранные языки», которые не утратили своей актуальности до сих пор. В условиях постоянно расширяющихся контактов на различных уровнях все более ощутимой становится потребность в специалистах, владеющих иностранными языками. Поэтому представляется логичным посмотреть, каким образом решается эта задача в Мордовском университете с учетом традиций, научно-практического потенциала профессорско-преподавательского состава и противоречий, имеющихся в учебном процессе.

Традиция обучения иностранным языкам является давней в нашем университете. Она восходит к образованию первой межфакультетской кафедры иностранных языков (1945), затем утверждается в рамках историко-филологического факультета и, пройдя достаточно долгий путь развития, обретает свою специфику на факультете иностранных языков. Не стремясь к строгой хронологической последовательности в изложении истории вопроса, хотелось бы не предать забвению имена тех замечательных людей и преподавателей, которые стояли у истоков развития систем обучения иностранным языкам: М. Т. Кругляк, М. М. Давыдов, Ю. С. Гусев, П. С. Рабинович, С. Я. Писчасова, О. Л. Харламова, К. П. Мочалкина, М. С. Крайнова, А. А. Федоров, Р. В. Климкина, Т. Г. Кабанова, В. А. Колосов, Р. М. Алуева, А. Н. Рюмина, Л. М. Молокова, Г. М. Степанов. То обстоятельство, что преподаватели иностранных языков обладают ярко выраженными коммуникативными способностями, не вызывает сомнений. Вероятно, поэтому многие из них и передали этот дар — общаться с представителями других языков и культур — своим ученикам.

Однако в условиях развития университета этого оказалось недостаточно, и преподаватели иностранных языков всех специальностей активно включились в научную работу. В настоящее время научный потенциал кафедр достаточно высок. Преподаватели, занимающиеся научной работой, продолжают традиции российской науки: МГУ им. М. В. Ломоносова и МПГУ (профессора Ю. М. Трофимова, В. П. Фурманова, Ю. К. Воробьев), лингвистического университета (А. И. Узойкин, А. Н. Рюмина), Санкт-Петербургской школы (Л. А. Долбунова, Н. Е. Переплетчикова, О. М. Киушкина, Н. Н. Гаваева), университета Тарту (доцент А. С. Егорова). Интересные лингвистические исследования провели доценты Н. В. Буренина, Н. П. Макарова, А. И. Сергеев, Н. В. Шестеркина. В числе наших учителей — лингвисты Ю. В. Рождественский, Н. Г. Комлев, С. Г. Тер-Минасова, Л. М. Михайлов, И. Б. Хлебникова, психологи и психолингвисты А. А. Леонтьев, И. А. Зимняя — имена, известные в отечественной и мировой науке. Серьезные основы научного исследования языка были заложены на кафедре английского языка Ю. П. Зо-

© В. П. Фурманова, 2001

товым. Доцент А. Н. Злобин с увлечением занимается переводом художественной и научно-технической литературы. Под руководством и при активном участии координатора программы Дж. Сороса доцента Е. А. Комкова складываются исследования по компьютерной лингвистике. Большой вклад в подготовку специалистов по иностранным языкам вносят преподаватели А. Г. Гаврилова, Р. М. Кулешова, Г. В. Левкина, Т. К. Боброва.

В последних научных работах все больше прослеживается интерес к языку и культуре в аспекте реконструкции языковой ментальности эпохи (профессор Ю. М. Трофимова), обращения к теоретическому и прикладному анализу языковых явлений в структуре межкультурной коммуникации (профессор В. П. Фурманова). На кафедрах английского и немецкого языков действует аспирантура, складываются научные направления по исследованию поэтики художественного текста и межкультурной коммуникации.

Большую работу проводят преподаватели кафедры иностранных языков под руководством доцента А. И. Узойкина по профессиональному обучению, т. е. ориентации на использование языка для специальных целей. С. А. Баукиной проведено исследование по обучению тактике делового общения на немецком языке студентов экономического профиля. Исследуется проблема понимания «чужого» в межкультурной коммуникации «американцы — русские» (С. Г. Грачева). Складывается направление по преподаванию иностранных языков для экономистов (доценты А. И. Сергеев, Н. В. Буренина, Л. И. Кавун, М. В. Аникина) по президентской программе.

Интенсивно развиваются международные связи. На кафедре английского языка преподают носители этого языка. Доцент Н. В. Буренина получила 2 гранта на поездки в Великобританию и Венгрию, использовав пребывание в стране для проведения психолингвистического эксперимента по гендерной лингвистике. На кафедре французского языка проводятся интересные встречи (например, с атташе по культуре Ж. Буларна), прошла презентация городского общества французского языка и культуры «Альянс». Кафедра немецкого языка поддерживает активные контакты с Институтом им. И. В. Гете, Немецкой службой академических обменов и Интерпатиопес. За последние 5 лет преподаватели кафедры немецкого языка получили 15 стипендий на прохождение языковых курсов и участие в научно-методических семинарах в ФРГ (Дюссельдорф, Мюнхен, Берлин, Геттинген, Гейдельберг). Преподаватели кафедры участвовали в Международном конгрессе «Интернет в образовании, экономике и искусстве» (Москва, 2000), в 12-м Международном конгрессе преподавателей немецкого языка (Лусерн, Швейцария).

В научно-методических семинарах принимают участие сотрудники и референты Института им. И. В. Гете (г. И. Кайзель-Метц, г. Райлс, доктор Вибера, К. фон Руктешель). Лектор ДААД г. В. Берид провел серию занятий по межкультурной коммуникации для студентов немецкого отделения. В настоящее время на кафедре ведется разработка совместного образовательного проекта, направленного на подготовку мультипликаторов, распространяющих передовой опыт преподавания и новые технологии. Особую активность проявили аспиранты кафедры И. А. Рассохина и Е. Д. Пахмутова. И. А. Рассохина, получив сертификат мультипликатора, проводит занятия вместе с немецкими коллегами для преподавателей немецкого языка в других городах (Липецк, Кузнецк). Е. Д. Пахмутова провела серию научно-методических семинаров «Интернет и преподавание немецкого языка», которые во многом способствовали активной работе преподавателей в использовании компьютера и получении дополнительной информации через Интернет.

На кафедрах проводятся международные и межрегиональные конференции. Большими достижениями являются получение гранта на проведение конференций «Язык. Культура. Коммуникация. Контексты современности», «Подготовка преподавателя-словесника в университете», проведение методической конференции на английском языке (по инициативе доцента О. Г. Клигерман), различных встреч с носителями языка и научно-методических конференций.

Вместе с тем, воздавая должное раз-

витию научной мысли, нельзя не отметить, что некоторые исследования носят узкопрофильную направленность, а главное, не находят должного применения в вузовской дидактике. Между тем зарубежная и отечественная практика показывают, что теоретические проблемы тесно связаны с их применением в практике преподавания. Это требует целенаправленного изучения процессов речевого общения представителей различных языков и культур, моделирования речевого / неречевого поведения в условиях определенного культурного контекста.

В этой связи хотелось бы остановиться на некоторых проблемах. В настоящее время на факультете пять кафедр, которые не являются простым структурным образованием в рамках факультета, их объединяют общие научно-исследовательские, дидактические и методические задачи по направлениям: а) *иностранные языки как специальность*; б) *иностранные языки для специальности*.

В первом случае речь идет о подготовке преподавателей с учетом различных профилей обучения иностранным языкам: 1) раннее обучение; 2) обучение в общеобразовательной школе; 3) преподавание в школах повышенного типа — лицеях, гимназиях и классах с углубленным изучением иностранных языков; 4) профильное обучение иностранным языкам за счет введения интегративных курсов страноведения, культуроведения, языка делового общения в средних школах и техникумах; 5) профильное преподавание в вузе; 6) поствузовское обучение. Данные профили свидетельствуют о широком диапазоне профессиональной сферы деятельности и ее разграничении для выпускников пединститутов (профили 1, 2, 3) и для выпускников с университетским дипломом (2, 3, 4, 5). Подготовка специалистов осуществляется за счет введения дополнительных специализаций, в том числе и по переводу, что дополняет филологическое образование преподавателя.

Во втором случае речь идет об обучении иностранному языку для профессиональных целей, которое позволяет использовать язык как средство общения и инструментарий для получения новой информации. В соответствии с этим большое значение приобретает обучение профессиональному переводу.

Однако в вузовской практике преподавания иностранных языков намстились противоречия между: а) социальным характером языка и системой обучения; б) функциями, выполняемыми им в реальном общении и обучении; в) гуманитарным потенциалом иностранного языка и развитием личности студентов. Обозначенные противоречия требуют переосмысления методологического подхода к научному описанию языка как социального и культурного феномена в лингводидактике и методике преподавания. Обусловлено это прежде всего тем, что язык, являясь компонентом духовной культуры и пронизывая общество по «вертикали» и «горизонтали», обладает способностью выступать хранителем и передатчиком информации через слово и текст в аспекте диахронии, а также как средство общения между представителями одного поколения в аспекте синхронии. Представители культурной антропологии и этнографии речи акцентировали мысль на том, что коммуникативная деятельность является звеном, в котором пересекаются и взаимодействуют язык как система элементов разных уровней и культура, в которой он существует. К тому же изучение иностранных языков невозможно без представления о его носителях и их менталитете, что не нашло должного отражения в практике преподавания. Сказанное свидетельствует о сочетании лингвистического, культурного и социального компонентов, а следовательно, о диалектическом единстве языка, культуры и личности.

В реальном общении с помощью иностранного языка культура выступает определяющим фактором для понимания представителей различных лингвокультурных общностей. При этом культурное взаимодействие получает свою экстериоризацию через: а) язык, выступающий для одной из сторон как иностранный и одновременно как форма культурного поведения; б) личность, эксплицирующую конкретное культурное содержание.

Из вышеизложенных соображений вытекает необходимость изменения традиционной парадигмы преподавания и введения социокультурной, доминантой которой является *культурно-языковая личность*.

способная выполнять функцию посредника культур и готовая к выходу в межкультурное общение. Главным при этом является перенос проблемы развития личности как объекта психолого-педагогического и методического исследования в процесс преподавания иностранных языков. Культурно-языковая личность — это прежде всего субъект, обладающий знаниями языка и способный на речевые поступки. Ее характеризуют языковое и культурное сознание и способность адаптироваться в новых условиях.

Мы предлагаем *концепцию культурно-языковой подготовки специалиста по иностранным языкам*, теоретическую основу которой составляют деятельностно-ориентированный подход к языку и культуре и когнитивно-коммуникативная модель преподавания, базирующаяся на принципах коммуникативности, когнитивности, контрастивности, междисциплинарной направленности и аксиологической ориентации. Ядро данной модели представляет инвариант, который обретает свою вариативность в виде многоступенчатой структуры с различной адресной направленностью и уровнями обученности.

Первая ступень — развитие культурно-прагматической и коммуникативной компетенции, т. е. овладение языком для его использования на коммуникативно-достаточном уровне. В процессе реального межкультурного общения в дополнение к коммуникативной большое значение приобретает культурно-прагматическая составляющая, связанная с учетом целого ряда прагматических факторов (темой, социальными ролями коммуникантов, интенцией и степенью воздействия на партнера по коммуникации, характером межличностных отношений, культурным контекстом, ситуацией и т. д.). Эта ступень дополняется знаниями микрокультуры повседневной коммуникации, использованием форм речевого этикета, правил вступления и завершения контактов, выражения благодарности, извинения, обращения, принятых в другой культуре.

Вторая ступень связана с профессиональным уровнем, т. е. умением использовать язык в сфере профессиональной деятельности. Так, для преподавателей — это дальнейшее совершенствование коммуникативной компетенции, лингвистическое и филологическое образование, для изучающих иностранный язык по другому профилю — понимание текстов по специальности с извлечением основного содержания, глобальное и селективное понимание. На этой ступени важны владение основами профессиональной культуры, использование языка делового общения, умение вести дискуссии, аргументировать высказанные положения и т. д.

Третья ступень — креативный уровень, т. е. владение иностранным языком для выполнения различного рода творческих работ, написания стихов, рассказов и т. д.

Все эти ступени дополняют межкультурная компетенция, знание иноязычной и собственной культуры, их сравнение, идентификация и самоидентификация и обогащение собственного социокультурного опыта. На каждой ступени культура выступает как способ коммуникации и объект сравнения: на первой — это микрокультура повседневной коммуникации, на второй — профессиональная культура, на третьей — художественная.

Изучение языка как средства межкультурного общения открывает возможности для прикладного характера исследований культуры речи и речевого поведения, риторики, что позволяет преодолеть узкопрофильную направленность некоторых исследований и обеспечить функционально-прагматический и антропоцентрический подход к описанию языка, в связи с чем лингвистика перестает быть чисто академической наукой, оторванной от практических потребностей образования.

Программа формирования культурно-языковой личности включает поэтапность ступеней, которые могут быть описаны через различные пороговые уровни владения языком и культурой, т. е. стратегии общения. Последнее предполагает введение новой аспектизации и таких форм обучения, как техника речи и письма, культурно-языковая прагматика, коммуникативный практикум, теле- и мультимедийный практикум, практическое культуроведение, межкультурная герменевтика.

Поступила 31.08.01.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ: ГОДЫ И ЛЮДИ

Э. Н. АКИМОВА, кандидат филологических наук,
Г. С. КОМАРОВА, кандидат филологических наук

Филологический факультет — старейший и крупнейший факультет МГУ им. Н. П. Огарева, празднующий в 2001 г. 70-летний юбилей. Свое летосчисление он ведет с осени 1931 г., когда в первом в Мордовии агропедагогическом вузе была открыта кафедра мокшанско-эрзянского языка, заведующим которой был назначен И. Я. Бондяков.

История факультета — это история страны, история становления и развития мордовской государственности, культуры и образования.

В 1930-е гг. формирование преподавательского корпуса шло в большой степени за счет приехавших в Мордовию специалистов-филологов. Это были Митрофан Алексеевич Петракеев, Аркадий Андреевич Савицкий, Нина Дмитриевна Хрымова, Алексей Иванович Панферов (брат знаменитого писателя), Михаил Михайлович Бахтин, Матвей Иванович Пигин, Евфалия Дмитриевна Пигина, Алексей Михайлович Бихтер, Василий Васильевич Трубицын, Фрума Исаковна Бресткина, Наталья Юльевна Шведова — филологи, хранившие традиции русской академической школы, обладавшие исследовательским опытом и обширными познаниями.

В эти годы делала первые робкие шаги зарождающаяся мордовская наука.

В 1933 г. при МГПИ был открыт учительский институт для ускоренной подготовки кадров для школы. Преподавание вели Михаил Никитич Колядёнков, Павел Сергеевич Шишканов, Александра Ивановна Чикина — первые крупные исследователи в области мордовской филологии.

В 1934 г. вместо отделений в институте были созданы 4 факультета, в том числе факультет языка и литературы с мокшанской, эрзянской и русской секциями, деканом которого стал В. А. Андрофанов. Профессор Анатолий Павлович Рябов возглавил кафедру мордовских языков.

В 1930-е гг. институт, как и вся страна, был заражен вирусом подозрительности, вульгарного понимания культуры. Был репрессирован и расстрелян первый декан факультета. В группу мордовских «националистов» и «контрреволюционеров» попал А. П. Рябов. Он был арестован, обвинен в несовершенных преступлениях против Советской власти и приговорен к расстрелу.

В 1937 г. на партийном собрании факультета рассматривался вопрос о беспартийном М. М. Бахтине. Было вынесено решение о немедленном его увольнении. Филолог с мировым именем вернется на кафедру только после войны.

Но и в это остродраматическое время торжествовали идеи просвещения, традиции великой русской культуры. Люди умели сохранить человеческое достоинство, относительную автономию от агрессивного давления идеологии, обратить общество к высоким идеалам. Авторитет знания, образованности, науки в обществе был высок. Выпускники педагогического института определяли культурный облик Саранска и республики.

Мирное течение жизни было прервано войной. Саранск не знал войны «в лицо», с ее страшными артиллерийскими обстрелами, бомбежками и окопами, но она прошла по судьбам людей, которые больше всего на свете любили книги, стихи, детей, школу. Ушли на фронт студенты факультета языка и литературы Виктор Высоцкий, Николай Курзанов, Алексей Котлов.

Среди нынешних преподавателей и сотрудников факультета есть люди, про-

© Э. Н. Акимова,
Г. С. Комарова, 2001

шедшие кровавые дороги войны, вернувшиеся к любимому делу и не утратившие гуманного отношения к жизни, великодушия, оптимизма. Это Сергей Иванович Морозов, Дмитрий Васильевич Цыганкин, Леонид Георгиевич Васильев, Герман Дмитриевич Терентьев.

В самом начале войны факультет вместе со всем институтом был эвакуирован в город Темников. Занятия шли как обычно, но студенты должны были выполнять обязанности на трудовом фронте (в основном по заготовке дров). В Темникове учились ставшие впоследствии преподавателями факультета Тамара Васильевна Михалева, Людмила Константиновна Чикина, Валентина Митрофановна Забавина.

Когда закончилась война, в аудиториях института, как и во всех других вузах страны, можно было наблюдать такие сцены: за кафедрой стояли и нежными голосами читали лекции молоденькие выпускницы вуза, а за партами сидели зрелые фронтовики в гимнастерках, увешанные наградами.

Стосковавшиеся по мирной жизни, книгам, интеллектуальным разговорам студенты-переростки интенсивно работали, готовили себя к научным исследованиям и скоро образовали новое поколение педагогов и ученых, защищая диссертации один за другим.

Во время войны защитили диссертации Иван Дмитриевич Воронин и Матвей Иванович Пигин, в послевоенные годы — Владимир Федорович Вдовин, Федор Иванович Петербургский, Леонид Георгиевич Васильев, Николай Федорович Цыганов, Николай Иосифович Чесноков, Адель Григорьевна Сердцева, Валентина Митрофановна Забавина. В 1945 г. в Саранск возвращается М. М. Бахтин и в следующем году защищает диссертацию «Рабле в истории реализма»

На факультете в те годы работали Борис Васильевич Маков, А. М. Пашковский, Михаил Никитич Коляденков, Павел Сергеевич Шишканов, Виталий Захарович Радаев.

Продолжала меняться структура факультета (тогда он был историко-филологическим): самостоятельно начали функционировать кафедры немецкого и английского языков, укрепилась научными кадрами кафедра мордовских языков.

В 1957 г. на базе педагогического института был создан Мордовский университет.

Факультет обретает новый статус. Филологическое образование становится более академичным, широким и полноценным. Теперь факультет не только готовит квалифицированных учителей, но и становится научным центром, в котором идут серьезные исследования по разным направлениям лингвистики и литературоведения, создаются научные школы.

Трудно перечислить все научные идеи, направления, которые разрабатывались учеными факультета. Мировая слава Михаила Михайловича Бахтина делает научные достижения филологов более весомыми и известными. Самоотверженная просветительская деятельность Ивана Дмитриевича Воронина способствовала самопознанию и самоуважению всех жителей нашего края. Семен Семенович Конкин, осуществляя активный научный поиск, своими книгами оставил значительный след в истории отечественной науки. Николай Иосифович Черапкин, Андрей Иванович Маскаев, Кирилл Тимофеевич Самородов, Василий Владимирович Горбунов, Дмитрий Васильевич Цыганкин, Михаил Васильевич Мосин, Александр Павлович Феоктистов, Евгений Игнатьевич Чернов известны в финно-угорском мире как ученые, разработавшие грамматику мордовских языков и историю становления и развития мордовских литератур. Преподавателями кафедры русского языка уже много лет ведется кропотливая работа по созданию «Словаря русских народных говоров на территории Мордовии», начало которой положила Тамара Васильевна Михалева.

На кафедрах факультета читали и читают лекции крупнейшие ученые других вузов: Пауль Аристэ, Владимир Владимирович Кусков, Вадим Валерьянович Кожинов, Сергей Георгиевич Бочаров, Николай Дмитриевич Русинов, Юрий Владимирович Рождественский, Василий Николаевич Немченко, Геннадий Васильевич Жирков, Галина Сергеевна Лапшина и др.

Налажены научные связи как внутри

страны с Московским, Санкт-Петербургским, Нижегородским, Марийским университетами, так и с университетами Англии, Франции, Германии, США, Финляндии, Венгрии, Эстонии.

На факультете проходили стажировку студенты из Афганистана и Вьетнама, изучают русский язык для овладения своей специальностью студенты из Индии и Пакистана.

Преподаватели и студенты ездят на стажировку за рубеж, а специалисты из Финляндии, Венгрии, Эстонии, США преподают на факультете.

В 1974 г. состоялась первая защита диссертации А. М. Шаронова в открывшемся совете по мордовской филологии. С тех пор многие преподаватели защитили в нем кандидатские диссертации.

В 1979 г. была организована кафедра журналистики, а в 1989 г. — отделение журналистики. Возглавляли кафедру Семен Семенович Конкин, Виктор Миронович Макушкин, Вера Ефремовна Соколова, в настоящее время ею руководит Петр Николаевич Киричёк.

Невозможно переоценить роль факультета в общественной и культурной жизни Саранска и республики. В середине 1960-х гг. по инициативе доцента кафедры русской и зарубежной литературы А. Г. Сердцевой был организован городской Университет культуры, который преобразовался впоследствии в Институт общественных профессий при Мордовском университете. Студенты получали здесь дополнительное образование по специальностям «Искусствоведение», «Гиды-переводчики» и «Организаторы комсомольской работы». Филологи, в частности, стажировались в качестве экскурсоводов в Эрмитаже и Болдинском музее-заповеднике, а также гидов-переводчиков сербохорватского и болгарского языков.

Современный филологический...

Сегодня это крупный научный, учебный и культурный центр, известный далеко за пределами Мордовии. Он объединяет 6 кафедр (русского языка, русской и зарубежной литературы, эрзянского и финно-угорского языкознания, мокшанского языка, финно-угорских литератур, журналистики), на которых работают 88 преподавателей, 14 профессоров (в том числе 11 докторов наук) и 69 кандидатов наук (в том числе 52 доцента). Контингент студентов составляет около 1 300 человек.

Факультет развивается и крепнет, пополняясь за последние годы новой генерацией докторов наук: М. В. Мосин, Н. Л. Васильев, В. В. Шигуров, А. И. Брыжинский, Т. М. Шеянова, П. Н. Киричёк, В. И. Демин, А. В. Лемов. Именно им определять направления научного развития факультета в XXI столетии.

Факультет знает, любит и ценит своих ветеранов — людей, много сил отдавших образованию и воспитанию студентов. Это Валентина Борисовна Евстифеева, Нина Петровна Кудряшова, Софья Ивановна Ипполитова, Наталья Михайловна Живаева, Эра Сергеевна Большакова, Любовь Ивановна Молодых, Аза Кузьминична Мельник, Людмила Константиновна Чикина, Галина Семеновна Бояринцева, Сергей Иванович Морозов и многие другие.

К сожалению, годы и обстоятельства делают свое скорбное дело: некоторых из наших коллег мы потеряли, но навсегда сохраним в памяти их имена: Тамара Васильевна Михалева, Петр Григорьевич Черемисин, Александр Михайлович Куканов, Фаина Григорьевна Расстегаева, Павел Степанович Кудаев, Евгения Викторовна Назарова, Юрий Федорович Басихин, Раиса Александровна Заводова, Владимир Гобов, Тамара Матвеевна Тихонова, Степан Ильич Липатов, Пантелей Григорьевич Матюшкин.

Факультет живет традициями, безмерной преданностью филологов — преподавателей и студентов — своей профессии. Филологию трудно назвать профессией — это состояние души, это полет мечты и радость от общения с миром искусства. Вот почему родители, закончившая вуз, приводят на родной факультет своих детей. На факультете работали и работают семейные династии, супружеские дуэты: супруги М. А. и О. П. Петракеевы и их дочь В. М. Забавина, И. Д. Воронин и его дочь Н. И. Воронина, доктор философских наук, супруги М. Г. и В. М. Имярековы, супруги Н. Е. и П. С. Алушкины, Л. Г. Васильев и его сын Н. Л. Васильев, С. С. Конкин и его дочь Л. С. Конкина, мать и дочь С. И. и Н. Б. Ипполитовы, отец и дочь

А. М. и Е. А. Шароновы, мать и дочь Т. Г. и С. А. Кабановы, мать и дочь Л. В. и Э. В. Агаповы, А. В. Диалектова и ее внук В. С. Голышенков.

Но, конечно, главное достояние факультета — его выпускники. Почти вся культурная элита республики — учительство, журналисты и издатели, библиотекари, работники музеев, театров, клубов, преподаватели средних и высших учебных заведений — в свое время прошла через аудитории филологического факультета.

Учительством жива духовность России. Нет такого уголка республики, где бы ни работал филолог, учитель русской или мордовской словесности, выпускник факультета. Это заслуженные учителя России и республики, директора и завучи, новаторы педагогического труда. Они помогают формировать новые поколения учителей, сохраняя традиции высокого профессионализма и безупречной порядочности. Нина Федоровна Фирстова, Тамара Сергеевна Трушина, Людмила Ильинична Гущина, Эмилия Васильевна Козырева, Майя Степановна Колганова, Галина Вячеславовна Долматова, Наталья Владимировна Долматова, Нина Николаевна Канеркина, Лидия Николаевна Якупчева, Галина Васильевна Решетова, Алла Николаевна Лапшина и бесконечный ряд скромных, увлеченных и преданных своему делу учителей.

Осознавая в полной мере особые условия, складывающиеся в многополярном, полиэтническом пространстве России, коллектив факультета — преподаватели, сотрудники, студенты — разрабатывает новую концепцию филологического образования, которая определит гуманитарную культуру XXI в.

Поступила 10.04.01.

КАЛЕЙДОСКОП ТЕМ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
(РЕЦ. НА ЕЖЕГОДНИК КАФЕДРЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА «ФЕНИКС», 2000)

Вышел в свет ежегодник кафедры культурологии Мордовского университета «Феникс». Сборник — воплощение творчества кафедры (руководимой Н. И. Ворониной) и сформированного на ее основе диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций.

Объект творчества кафедры — вся полнота русской духовной культуры (провинциальной и общерусской), ее отношения с мировой культурой.

Темы, по которым творит коллектив кафедры, таковы: 1) русская провинциальная культура, архитектура, градостроительство, музеи и т. п.; 2) русское православие в истории и современности; 3) взаимоотношения культуры и языковых процессов; 4) русский человек, его ментальность и космо-психо-логос, отношение к европейской культуре; 5) мифология, литература, искусство, песня, газета и книга и т. п. Таков глубоко научный и духовный взгляд кафедры на полотно русской культуры. По этим темам защищено множество диссертаций, и их идеи стали основой сборника и каркасом для привлечения идей гостей кафедры. Сборник представляет собой тематическое единство, хотя внешне очень разнороден. Он содержит полифонию культуры, дискуссии, хронику культурной жизни, рецензии, информацию о конгрессе эстетиков, идеи аспирантов (молодежный образ культуры), исследования гостей кафедры, историко-культурные изыскания, описания исторических городов Мордовии.

Систематическая идея, которая утверждается в сборнике, — надэтническое цивилизационное единство славян, тюрок, угро-финнов, кавказских народов (по ме-

сторазвитию их духовности), саморазвитие этого единства при интегрировании основ западной культуры на общероссийском и провинциальном уровнях при их взаимоопределении.

Как шовинизм квалифицируются малограмотные попытки зачисления великих художников России в узкие националистические кланы (Н. Воронина). В России, утверждают авторы сборника, не может быть славянского, татарского, угро-финского, кавказского и тому подобного патриотизма (это суть национализм), но должен быть общерусский патриотизм, ибо без целого — России — не было бы и не будет ни славян, ни татар, ни мокши и эрзи (И. Сиротина).

Может ли выжить тело, которое считает, что желудок — эксплуататор и от него следует избавится?! Конечно, нет!

Полифония 1. В подсознании всех авторов сборника человек прекрасный в различных мелодиях, гармониях, ритмах, тембрах, но всегда именно особенно прекрасный. Это средневековый человек костюма (Ю. Кондратенко); человек пластический — Айседора Дункан (И. Клюева, Н. Атитанова, Т. Сидоркина); соборный человек русского хора (И. Клюева, В. Желудкова), мифологически-циклический человек Г. С. Кнабе (М. Каргина); человек, наслаждающийся отвратительным (К. Корсмейер, США); русский человек как воплощенная антиномия и абсурд (О. Прокаева, Т. Злотникова) и человек диалога (В. Пивоев); положительный и прекрасный человек Р. Вагнера — Парсифаль и Лоэнгрин и Ф. М. Достоевского — князь Мышкин, Христос, Алеша, Зосима (Н. Девятова); романтический человек Ш. Бодлера (Л. Новикова), О. Уайльда (А. Лянина, Н. Дубовик), А. Ч. Суинберна (Н. Дубовик); синтетический человек поэзии, музыки, живописи, эстетики (Н. Борисова); пессимистический и постмодернистский человек (М. Логинова, А. Азов); играющий человек Т. Манна (Ю. Каликанова); духовный человек вообще (О. Прокаева); становящийся биографический человек (А. Лянина); молодой человек (С. Бахмустов); семейный человек (А. Казанцева, Т. Корнеева); святой человек (Л. Шумихина); человек в русско-французских отношениях (Л. Новикова, И. Самойлова); человек понимающий (Н. Крюкова); выдающиеся люди русской провинции — И. Д. Воронин, В. Д. Хрымов, В. Г. Рябов (Н. Воронина, О. Беломоева); древнерусский исторический человек — славянин, тюрок, угро-финн, ирано-алан в единстве (А. Гагаев, П. Гагаев). Таковы модели целостной музыкальной перцепции, осуществленной авторами сборника как единой музыкальной личностью. Симфония этой музыки создает целостный образ русского духовного человека.

Идеи всех авторов я объединяю в пять смыслов — художественных идей.

1. Антиномичность и абсурдность души русского человека и его жизни.

2. Глубокая духовность русского человека, основанная на любви к Богу, понимаемой как любовь к ближнему.

3. Романтико-утопическое восприятие абсурдности жизни и бесконечная борьба со злом в душе и внешнем мире.

4. Синтетичность русского человека, имеющего душу поэта, музыканта и живописца, но трагически разрываемого антиномией оптимизма — пессимизма в отношении к жизни.

5. Высыхание души и духа русского человека как шагреневой кожи и простукивание в прекрасном человеке сущего Дориана Грея.

Авторы не хотели показать деградацию русского человека, но сама система статей и смыслов порождает из своей символики этот трагический вывод.

Отмечу идею Н. Девятовой (и критики в целом): ни Р. Вагнер, ни Ф. М. Достоевский, пытаясь примирить себя с миром зла и ища основы этого в религии, не смогли этого сделать; нельзя принимать мир с полнотой таким, каков он есть, но только относительно, оставляя место его неприятию и активному сопротивлению злу. Близка она и к другой идее — в России основной фигурой является утопический человек, какой бы политической направленности он ни был, — и это приводит к краху любых реформ.

Нельзя согласиться с идеей абсолютизации языка как основы духовности В. Гумбольдта, Л. Шумихиной и других. Язык — статистически формируемая историческая программа формилизации воз-

можного типа духовности, а не сама духовность. Разумеется, не права Л. Шумихина и в предположении, что с православием связаны только успехи духовности. Есть истина и в сомнениях Г. Шпета, что хорошо видно из «Истории Русской православной церкви» А. В. Карташова.

А. Гагаевым и П. Гагаевым создана динамическая модель космо-психо-логоса древнерусского человека в полноте его дистоний и недостатков; показано, что он — продукт интериоризации им и средой византийско-русского государственного православия.

Полифония II. Русская провинциальная культура, архитектура, музеи, градостроительство, история города, информация.

В провинции вот уже два столетия идет процесс формирования провинциального сознания (И. Чвалов, А. Петрусевич), однако, как я полагаю, его реально не было и нет, ибо факт наличия подобного сознания предполагает движение собственных объектов познания и переинтерпретацию всей общерусской духовной жизни, представляемой узурпаторскими репрезентациями столицы, то есть столичной культурой, давно утратившей русскость (А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский).

Фактически деградируют провинциальные музеи, хотя их экспозиции относительно обновляются. Но беда в том, что они следуют за модой, а не воспроизводят историко-культурную истину (Л. Филатова, И. Клюева, Н. Лысова). Но появляются и новые музеи — историко-православные.

В истекшие два столетия наблюдался градостроительный процесс, но основой его были и остаются потребности власти и хозяйства, а не собственно эстетический интерес архитектуры как застывшей музыки (Л. Лемайкина, А. Еремеев).

Развивается в Мордовии и библиотечное дело. Однако необходимого темпа формирования фондов библиотек не наблюдается. Наоборот, библиотеки отстают от российского и мирового уровня обеспеченности книгами и информацией (А. Казанцева).

Необходима ситематическая работа по сохранению архитектурного наследия исторических городов Мордовии. Идея, которая проводится в сборнике в отношении архитектуры, — архитектурный текст суть воплощение менталитета определенной нации (Н. Воронина, Т. Куликова). Но если в Англии это так, то в России, в провинции воплощаются политические идеи власти и хозяйственные соображения малограмотных представителей власти и бизнеса. Это все уродует города. Архитектура провинциального города утверждает культ власти и собственности, но не прекрасного, не гармонии, не человечности. В архитектуре провинциального города, например, вообще отсутствует интенция на индивидуальное развитие.

Нельзя пройти мимо вечкусских преданий С. Бахмустова. В них воспроизводится память о Троеручицкой церкви. Замечу, что в этих преданиях нет памяти о школе!

Полифония III. Православные основания русской культуры.

В. Богословским (Ярославль) защищена прекрасная диссертация, посвященная динамике богородичной символики и проблеме соответствия ее текстам Святого писания, фактически — учению Христа. Разумеется, соответствия полного нет, и очевидна необходимость церковной реформы.

С. Бахмустовым защищена диссертация «Монастыри Мордовии как историко-культурный феномен». Автор глубоко прав, обосновывая идею цивилизационного воздействия монастырей на культуру России. Вместе с тем должен сказать, что это воздействие, во-первых, противоречиво. Форма аскезы в русских монастырях в отличие от Бенедиктинского монастыря и даже в отличие от монастыря св. Феодора Студита не содержала требования аскезы в истине, науке, просвещении. И это стало причиной того, что РПЦ не строила школ, а первая типографская школа создается государством в 1679 г., тогда как на Западе — в V в. н. э. Во-вторых, РПЦ к 1764 г. владела 1/3 всех земель и более чем миллионом крепостных, имела доходы, которые совершенно не тратились на школу. Поэтому акт секуляризации земель не был насилием, а был необходимым и вынужденным в силу принятия РПЦ к 1501 г. догмата об анафемствовании всех, кто стремился вернуть

се земли обществу. Этот акт делал возможным рыночно-демократическое развитие России и сосредоточивал РПЦ на вопросах веры, а не собственности.

Развитие культуры в модели храма, роль монашества в русской культуре анализируются А. Петрусевичем, Л. Шипакиной. Православный храм, аскеза монаха — основы русской культуры.

В русских иконах воплощается стремление русского человека увидеть Бога лицом к лицу (С. Антипкина).

Исключительно острыми по постановке являются две дискуссионные статьи: В. Махаева и Н. Лысовой «Православный храм на рынке идеологии» и ответ С. Бахмустова «Собор — не товар на рынке, или о «смыслах» храма Христа Спасителя». В. Махаев и Н. Лысова осуществляют критику православия, РПЦ за синтез с началами власти и собственности и профанацию идеи веры, идеи Христа. С. Бахмустов полагает, что хотя в критике есть истина, на данный момент важнее, что люди обращаются к вере, приходя в храм, даже если он построен на украденные у народа деньги. Он пишет: «Чья позиция верней — книжная или всеисповедальная? Для меня лично этот вопрос уже не существует». Его позиция скорее полемическая, ибо сам С. Бахмустов отмечает, что поле, которое РПЦ предстоит пахать, — огромно, а плугов и людей для этого нет. И я, не включаясь в данный момент в эту полемику, отвечу словами Сираха: «Что заклающий на жертву сына пред отцом его, то приносящий жертву из имения бедных. Хлеб нуждающихся есть жизнь бедных: отнимающий его есть кровопийца. Убивает ближнего, кто отнимает у него пропитание, и проливает кровь, кто лишает наемника платы. Когда один молится, а другой проклинает, чей глас услышит Владыка?» (Сир. 34:20 — 24).

Я скажу так. Все храмы в истории России, которые были построены на деньги, отнятые бизнесом и властью, дворянством у народа, были разрушены. И все храмы в будущем, которые будут построены с использованием ворованных денег, будут разрушены или будут пусты по причине исчезновения русского народа вообще. Надо осознать, что здесь Тот, Кто больше Храма!

Полифония IV Художественное мышление, абстрагирование, культура и язык.

Проблеме языка как одной из формальных основ культуры посвящены диссертации Ю. Елисеевой (коммуникативный универсум детского чтения), М. Пац (коммуникативный универсум языка), исследования М. Логиновой (языковая реальность больше реальности), Н. Ковериной (абсолютизация языка как носителя духовности), Н. Леткиной (гипотеза лингвистической относительности языков Э. Сепира и Б. Уорфа), Л. Шумихиной, редуцирующей духовность к языку.

Язык, конечно, одна из структур этнокультурной картины мира, но не основная, не постоянная, а переменная структура в истории. Между тем язык и языковая картина мира только момент:

1) культурно-типического сознания;

2) языковой картины мира, выражающей систему рефлексий мозга доязыкового характера;

3) коммуникативного универсума языка (М. Пац);

4) коммуникативной картины мира, научной картины мира, вненаучной картины мира;

5) переменная в космо-психо-логосе как форме культуры. Менталитет и этосы — моменты космо-психо-логоса.

М. Логинова, Е. Целма, Н. Крюкова анализируют основания художественного мышления в неклассическом мышлении, постмодернизме, метафорическом абстрагировании. Их исследования показывают, что наблюдается кризис искусства, хотя принцип художественности еще жив. М. Логинова абсолютизирует имморализм Ф. Ницше — это вообще иллюзия, ибо он утверждает не отказ от морали, а право человека самостоятельно, вне символик судить о добре и зле. Н. Крюков отмечает сходство метафорического моделирования жизни у различных народов, то есть тождество в переживаниях и жизненных примерах, в логике обоснования суждений. В. Богословским обосновывается необходимость развития культуры логического мышления студенчества.

Идея виртуальной книги (Ю. Елисеева) суть идея самостоятельной смысловой жизни знаковых систем, очень часто продуцирующих смыслы, которые сами

авторы в книгу и не вкладывали. М. Картиной анализируются модели пространственно-временного мышления в мифологии мордвы и христианстве (стрела времени, политическое время, макровремя, время больших циклов, время событий). Замечу, что христианское время — время, которое течет не из прошлого в будущее через настоящее, а из будущего в настоящее — прошлое и из него в настоящее.

Н. Борисовой анализируется синтетическое художественное мышление М. Волошина. С. Исаева моделирует целостность музыкальной рецепции и ее историческое изменение.

Однако должен заметить, что уровень сложности и абстрагирования в искусстве XX в. существенно ниже, чем в искусстве XIX в. И в целом наблюдается, без сомнения, тенденция деградации художественности.

Полифония V. Мифология, литература, музыка, театр, песня, книжная культура.

В. Брыжинским, И. Зубовым моделируется панорама театра Мордовии, А. Бурнасевым ставится проблема синтеза этнической традиции и современной техники в танце, О. Беломоева, И. Галкина воспроизводят хронику вернисажей и музыкальной жизни в связи с юбилеями А. С. Пушкина и христианства. Е. Николаева анализирует сатиру в частушках, комическое в юродстве, Н. Юрченкова — космогонию мордвы, а И. Пронина — основания праздника-карнавала.

Такова сложнейшая структура, глубоко творческого труда обобщенного человека — автора данного сборника. Его выход, безусловно, крупное событие в духовной жизни России. Пусть же он будет первым, но не последним, а коллектив авторов подобных калейдоскопических трудов увеличивается, расширяя разнообразные идеи тем русской культуры.

В заключение скажу следующее. Абсурдность русской жизни, о которой идет речь в сборнике, дала себя знать и в отношении творчества кафедры культурологии. Москва ликвидировала диссертационный совет, а это был яркий центр духовности России и Мордовии.

А. А. ГАГАЕВ,
доктор философских наук

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА А. И. ПОЛЕЖАЕВА
(РЕЦ. НА КН. П. Л. ВАСИЛЬЕВА «СЛОВАРЬ ЯЗЫКА А. И. ПОЛЕЖАЕВА»)

Доктор филологических наук, профессор Мордовского университета, член Союза писателей России П. Л. Васильев более двадцати лет занимается изучением творчества известного русского поэта XIX в. А. И. Полежаева. Результатом многолетних поисков и наблюдений ученого стала уникальная книга «Словарь языка А. И. Полежаева» (Саранск, 2001). Основой картотеки словаря послужили как опубликованные, так и не печатавшиеся произведения поэта-земляка, уроженца села Рузаевка Инсарского уезда Пензенской губернии. К примеру, Н. Л. Васильевым учтена лексика двух юношеских стихотворений поэта — «Дженни» и «Калиса», до настоящего времени не публиковавшихся по причине их некоторой фривольности.

Следует отметить, что во второй половине 1990-х гг. заметно усилился интерес к языку русских писателей. В 1995 г. были опубликованы словарь неологизмов Велимира Хлебникова, словоуказатель к «Сказкам» М. Е. Салтыкова-Щедрина. В 1996 г. увидели свет алфавитно-частотный и частотный словарь комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», первый том словаря поэтического языка Марины Цветаевой. Существенный резонанс вызвали публикация в 1997 г. словаря языка басен И. А. Крылова, выход в 1998 г. первого тома словаря языка К. Г. Паустовского, издание в 1999 г. частотного словаря рас-

сказов А. П. Чехова. Наконец, в 2001 г. начался выпуск «Словаря языка русской поэзии XX века» под редакцией В. П. Григорьева.

Вместе с тем язык писателей, живших в период «золотого века» русской поэзии, и поныне изучен очень слабо. Современной науке крайне необходимы фундаментальные исследования языка Жуковского, Батюшкова, Баратынского, Рылеева, Вельтистова, Языкова, Козлова, Дениса Давыдова и др. Почти полное отсутствие работ в этом русле связано с расхожим мнением о том, что после появления четырехтомного «Словаря языка Пушкина» (1956 — 1961) изучать язык ближайших современников великого поэта неперспективно и бессмысленно. Да, Пушкин действительно отличался языковой всеядностью, употреблял заметно больше слов и словоформ, нежели его современники. Но язык каждого поэта, сопричастного пушкинской эпохе, все же индивидуален, самобытен. И доказательство тому — научный труд Н. Л. Васильева, обнаружившего в поэзии А. И. Полежаева 1 200 слов, не употребленных в письменной речи Пушкина.

«Словарь языка А. И. Полежаева» важен не только для изучения индивидуального стиля, но и в целях формирования базы для сопоставительных исследований и обобщений. Ученым определен круг слов, употребляемых А. И. Полежаевым, выявлены их количество и частота употребления, отмечены наиболее частотные, а следовательно — эстетически значимые лексемы в словаре писателя. Труд Н. Л. Васильева позволил ощутить демократизацию и интеллектуализацию литературной речи пушкинской эпохи, а также «прозаизацию» поэтического самовыражения.

Словарь состоит из двух основных частей — общего алфавитно-частотного указателя слов и рейтинга наиболее употребляемых лексем. Словарь включает 8 922 единицы, в том числе обычные лексемы (8 360), имена собствен-ые (540) и варваризмы (22). 4 857 единиц полежаевского лексикона (58 %) употребляются два раза и более, тогда как остальные — «одноразовые» слова. Н. Л. Васильев убедительно показал, что именно малочастотные лексемы определяют языковое богатство поэзии.

Справедливо считая необходимым контекстный анализ каждого словоупотребления, исследователь лишь отчасти опирался в своей работе на возможности компьютера. В результате удалось лингвистически корректно решить проблемы тождества слова, разграничения омонимов, вариантов слов и т. д.

Помимо трудностей, связанных с построением словаря, перед Н. Л. Васильевым стояли две существенные проблемы — было необходимо отобрать источники для словаря и сформировать принципы фиксации лексем. При отборе источников ученый стремился учесть все известные полежаевские тексты (в том числе переводы и письма), однако принципиально не учитывал лексику, встречающуюся в вариантах произведений, а также сочинениях, приписываемых А. И. Полежаеву. Такой подход, на наш взгляд, является наиболее правильным и объективным, ибо позволяет избежать существенных погрешностей, способных привести к неточным выводам и заключениям.

Отбор лексики осуществлялся Н. Л. Васильевым в основном в соответствии с принципами, принятыми в «Словаре языка Пушкина». Вместе с тем исследователем предложены и некоторые новшества, появление которых представляется оправданным. Автор словаря отказывается от ранее принятой фиксации сравнительных и превосходных степеней прилагательных и наречий (типа «аккуратнее», «алей», «бдительнее») в качестве самостоятельных словарных единиц. Н. Л. Васильев принимает во внимание все имена собственные, тогда как прежде учитывались лишь те единицы ономастикона, которые имеют либо мифологическое происхождение, либо переносное или нарицательное употребление. Создатели «Словаря языка Пушкина» не учитывали слов, употребляющихся в иноязычной графике, тем самым обедняя представление о языковом богатстве произведений великого русского поэта. Считая подобный подход ошибочным, Н. Л. Васильев учел в своем словаре все полежаевские варваризмы.

Конечно, в большой и многотрудной работе по составлению словаря исследователю не удалось избежать определенных шероховатостей и банальных опечаток. Так, в полежаевском ономастиконе наряду с «Андреевой горой», «Андреевским аулом», «Девичьем полем» и т. п. почему-то на с. 71 фиксируется «Вал Земляной» (вместо «Земляной Вал»), в чем мы видим нарушение однообразия, затрудняющее пользование словарем. На с. 75 имеются два нарушения порядка перечисления слов в «Рейтинге наиболее употребляемых лексем». В примечании на с. 85 исследователь языка М. А. Шолохова, ростовский ученый И. А. Федосов указан как лицо женского пола. Однако эти неточности даже в малой степени не умаляют большого подвижнического труда саранского ученого.

Книга Н. Л. Васильева «Словарь языка А. И. Полежаева» — достойное исследование, ценный вклад в филологическую науку, который, несомненно, будет по достоинству оценен специалистами в области языка пушкинской эпохи. Словарь объединяет в единое целое разрозненные лингвокультурологические примечания, позволяет существенно облегчить понимание текстов А. И. Полежаева, содержащих немало просторечной, архаичной и заимствованной лексики.

Д. Н. ЖАТКИН,
кандидат филологических наук

ВОСПИТАТЬ НА ТРАДИЦИЯХ РОДНОГО НАРОДА
(РЕЦ. НА КН. Н. Ф. БЕЛЯЕВОЙ «ТРАДИЦИОННОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ У МОРДВЫ»)

По решению редакционно-издательского совета Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева издана монография кандидата исторических наук доцента Н. Ф. Беляевой «Традиционное воспитание детей у мордвы» под общей редакцией доктора исторических наук профессора В. И. Козлова. Исследование выполнено в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда «Волжские земли в истории и культуре России».

Книга Н. Ф. Беляевой — первый и нужный опыт исследования традиционной системы воспитания детей у мордвы. В ней впервые в мордовской исторической науке и педагогике так подробно рассматриваются вопросы, касающиеся традиционных приемов воспитания мордовского народа, роли обрядов и обычаев в народной культуре, в приобщении детей к социуму.

Особое внимание уделяется методам и средствам физического и нравственного воспитания детей, формированию у них умственных и трудовых навыков. Выясняются отдельные прогрессивные стороны традиционного воспитания, показывается их роль в возрождении национальной культуры, в современной педагогической практике. Делается смелая попытка рассмотрения религиозно-этнических представлений в воспитании нравственности и духовности.

Следует отметить, что обращение исследователя к данной проблеме не случайно. Дело в том, что в сложившейся социокультурной ситуации проблема воспитания детей на народных традициях является весьма важной. Кризисные явления в экономике, бедственное состояние отечественной культуры, распространение бездуховности, ухудшение межнациональных отношений ученые разных отраслей науки, в том числе социологи, экономисты, психологи и педагоги, связывают с игнорированием традиций национальной культуры воспитания как источника духовности, нравственности и практического опыта прошлых поколений. Сохраненный в традициях народа многовековой опыт, по мнению автора, способен обогатить содер-

жание и методику воспитательной работы, способствовать построению национально ориентированных воспитательных систем, опирающихся на духовную и материальную культуру родного народа. В этом смысле руководящее методологическое значение для данного исследования имело принципиальное положение К. Д. Ушинского о том, что «...воспитательные идеи каждого народа проникнуты национальностью более, чем что-либо другое». В своей работе Н. Ф. Беляева также опирается на основные положения этнопедагогических работ Г. Н. Волкова, М. И. Стельмаховича, Я. И. Ханбикова и некоторых других ученых. Вслед за ними она рассматривает народную педагогику как богатый источник педагогических знаний, как сумму педагогических идей, в которых отражены многовековой опыт и воспитательные традиции, как сферу особой культуры народа. Не случайно в работе Н. Ф. Беляевой четко прослеживаются три подхода к рассмотрению этнопедагогических традиций: народная педагогика представляется как сумма воспитательного опыта, как педагогическая практика и как сумма педагогических идей. Исходя из этого, Н. Ф. Беляева рассматривает народное воспитание как целенаправленный процесс освоения норм и ценностей нравственности, составляющих этнические основы жизни. А результатом этого воспитания, по ее мнению, является формирование эмоциональной, волевой и нравственной сфер личности.

Работа Н. Ф. Беляевой состоит из двух глав «Дети и мир детства в системе мордовского этноса» и «Народные традиции воспитания детей». В каждой из них выделяется несколько параграфов, что способствует логически последовательному раскрытию содержания исследования.

В первой главе автор подробно останавливается на вопросах традиционного демографического поведения мордвы и др. Все это анализируется через изучение мотивов создания семьи, ее количественного состава, уровня разводов и их причин. На основе богатого полевого и архивного материала, а также анализа произведений мордовского устного народного творчества справедливо отмечается, что традиционные нормы демографического поведения мордвы согласовывались с условиями крестьянской жизни и составляли неотъемлемую часть системы культурных норм и ценностей. Особенности социально-экономического развития жизни мордвы во многом определяли место и роль обрядов в системе культуры этноса. В первой главе монографии на основе большого фактического материала рассматриваются обряды, которые способствовали становлению первоначальных нравственных понятий, оценок, норм, идеалов и принципов в жизни ребенка.

Ценностное восприятие социокультурных связей, человеческих качеств, позиций осуществлялось через отношение к отеческим традициям. С этой целью в первой главе монографии автором подробно рассматриваются традиции родильной обрядности, обряды включения новорожденного в социокультурную структуру, детские лечебно-предохранительные обряды и предметный мир детей. На основе глубокого анализа обрядности мордвы исследователь приходит к выводу, что жизнь людей получала смысл постольку, поскольку участвовала в сакральном, следуя установленным нормам поведения. Она лишалась характера случайности и быстротечности, включалась в вечность. Традиции составляли аспект духовной памяти и заключали в себе эмоциональную сторону духовности, которая была наиболее важна для моральной жизни. К отеческим традициям, по мнению Н. Ф. Беляевой, относятся культ предков, уважение и почитание сородичей, авторитет старших в семье и родне, принцип взаимопомощи, почтительность, гостеприимство, что воспитывалось в детях с раннего детства.

Проведенные исследования позволили ученому сделать вывод о том, что все обряды, проводимые мордвой в традиционном воспитании детей, способствовали выдвижению на первый план таких ценностей, как доблесть, толерантность, почтительность и др. Наиболее предосудительными формами поведения народная мораль считала пьянство, измену, зависть, лень, непочтение, своенравность, гордыню и т. д. Исследование показывает, что основные нравственные ценности воспи-

тания жизнеспособны и на современном этапе.

Вторая глава работы посвящена вопросам физического, трудового, умственного и нравственного воспитания детей в прошлом. Следует отметить, что народные традиции воспитания детей мордовского этноса практически не изучены, хотя ее этноэтика и мораль так или иначе затрагивались этнографами, историками и философами в исследованиях по истории и теории духовной культуры. Между тем потребность в такого рода разработках резко возросла в связи с активизацией процессов национального возрождения народов России, в том числе и мордовского — одного из крупных этносов нашей страны. Поэтому изучение вопросов физического, трудового, умственного и нравственного воспитания детей, выявление системы и, особенно, структуры ценностных ориентаций, обеспечивающей своеобразие народной жизни, значимо и актуально для развития современной педагогической науки как в теоретическом, так и в практическом плане.

Прослеживается большой личный вклад Н. Ф. Беляевой в исследуемую проблему. Она приводит многочисленные цитаты известных исследователей и выдержки из архивных источников, а также материалы, собранные в ходе этнографических экспедиций, как на территории современной Мордовии, так и за ее пределами. Хотелось бы отметить, что содержание параграфов «Традиции физического воспитания» и «Развитие умственных способностей» носит описательный характер и нуждается, на наш взгляд, в дальнейшей проработке в силу разнообразия затронутых вопросов.

Во второй главе автор подробно останавливается на традициях трудового воспитания детей. Дело в том, что стержнем всей народной педагогической системы воспитания является трудовое воспитание, а труд — основным фактором воспитания. Труд, по мнению исследователя, — начало воспитания в подлинном смысле этого слова, трудолюбие — окончательный результат воспитания и формирования подрастающего поколения.

В монографии прослеживается мысль о том, что в основе трудового воспитания, как и умственного, физического, нравственного, также лежат традиции. Закрепляя опыт многих поколений и передавая его потомкам для дальнейшего развития, традиции служат механизмом накопления духовных ценностей, одним из способов передачи информации между поколениями. Н. Ф. Беляева в своей работе показывает, что в трудовых традициях мордовского народа запечатлен пройденный им исторический путь. Наиболее значимые в педагогическом плане традиции отражают основные занятия мордовского народа — бортничество, земледелие, скотоводство. Приобщение детей к трудовым традициям, по мнению автора, способствовало формированию у них устойчивой ориентации на трудовой образ жизни, нравственно-психологическую готовность к труду, развивало качества, присущие человеку труда (трудолюбие, добросовестность, ответственность, настойчивость, смекалку и т. д.), обогащало необходимыми для самостоятельной трудовой жизни знаниями и умениями.

Педагогическая мудрость мордовского народа воплотила в себе основные принципы трудового воспитания: раннее включение в труд по самообслуживанию, постепенное приобщение к трудовой, бытовой и хозяйственной деятельности с учетом психофизиологических особенностей детей разного возраста, их наклонностей и способностей с целью выработки соответствующих умений и навыков; предоставление возможности участия в разнообразных видах труда; руководство со стороны взрослых, направленное на последующее формирование и развитие самостоятельности, активности и творческого начала; половозрастная дифференциация с учетом различных социальных ролей девочек и мальчиков во взрослой жизни. Взаимосвязь, взаимодействие и взаимообусловленность этих принципов, по мнению автора, придавали традиционной культуре трудового воспитания системный характер. Не случайно педагогика мордовского народа содержит богатый запас источников, средств, форм, методов и приемов трудового воспитания и обучения. В работе раскрыта педагогическая сущность устного народного творчества, трудовых обрядов и праздников, детских

игр и игрушек, мордовских народных ремесел и декоративно-прикладного искусства, обоснованы возможность и пути их использования в трудовом обучении и воспитании детей. Как верно отмечает Н. Ф. Беляева, важно при этом найти такие формы использования народных традиций, которые бы снимали национальный эгоцентризм, выступая условием освоения общечеловеческих ценностей и формирования культуры межнациональных отношений. Проведенное исследование показало, что народные трудовые традиции несут в себе огромный педагогический потенциал и являются важнейшим средством воспитания детей.

В заключении работы справедливо делается вывод о том, что в педагогической практике мордовский народ использовал широкий спектр воспитательных методов и приемов. Своеобразными уроками служили обычаи и обряды. Под их воздействием формировались личностные ориентации, национальное самосознание, нормы морали, система ценностей. Сегодня с изменением всей ситуации в стране произошла переориентация взглядов на роль обычаев, обрядов, пришло понимание их исключительной важности и значимости в жизни народа. Поэтому автор правильно считает возможным использование отдельных традиций в современной жизни. На наш взгляд, введение утраченного в современный культурный аспект необходимо представить в виде целенаправленной программы государства, в которой должны быть намечены конкретные пути в гуманистической, педагогической деятельности и просвещении.

Конечно, не все бесспорно в книге Н. Ф. Беляевой. Так, отдельные параграфы первой главы носят фрагментарный характер, потому что в них в большей степени нашли отражение естественно-исторические и краеведческие вопросы. Можно поспорить с исследователем по отдельным положениям демографического поведения мордвы, детской лечебно-предохранительной обрядности, физического и умственного воспитания. Не прослеживаются в работе тенденции нравственного развития подрастающего поколения в настоящее время. Хотелось бы увидеть исследование этих и других проблем в контексте проблем культурологии. Указанные замечания не умаляют ценности выполненного Н. Ф. Беляевой исследования и носят лишь рекомендательный характер.

М. И. ЛОМШИН,
доктор педагогических наук,
Н. Б. НАЗАРОВА,
кандидат педагогических наук

НОВОЕ ИМЯ В ПОВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОЙ ЭТНОГРАФИИ
(РЕЦ. НА КН. Е. Н. МОКШИНОЙ «ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В МОРДОВИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»)

В современном мире многие социальные процессы в условиях кардинальных преобразований и реформ приобретают не только этническую форму, но и этническое содержание. Живой отклик на актуальные вызовы эпохи — одна из существенных черт развития отечественной этнографии. Рассмотрение вопросов, имеющих прикладное значение, становится постоянным элементом современных этнографических исследований и разработок. К числу таких исследований относится монография Е. Н. Мокшиной «Этническая ситуация в Мордовии на современном этапе». Автор анализирует локально-исторические особенности этнических процессов за 1991 — 1997 гг. Несмотря на хронологическую краткость, этот качественно новый период насыщен множеством неординарных процессов и событий, в корне изменивших прежнюю этническую ситуацию. В мордовской, да, пожа-

луй, и в поволжско-уральской этнографии пока нет работ, которые бы ставили столь широкий круг вопросов: здесь и анализ этнической структуры населения республики, этнодемографических процессов и экологического фона, этнических и этноязыковых процессов, этнополитической и этноконфессиональной ситуации, современного социально-политического положения.

Актуальность работы Е. Н. Мокшиной обусловлена не только остротой современных этнических процессов, этнологических конфликтов, но и сугубо интеллектуальными процессами в постсоветском пространстве, ибо за последние десятилетия многие устоявшиеся мировоззренческие, теоретические, этнические подходы к ключевым вопросам истории многократно подвергались переосмыслению с разных, часто диаметрально противоположных позиций. В этом отношении попытку автора представить объективную картину этнических процессов в РМ можно назвать смелой и мужественной.

В работе над темой использовалось сочетание принципов микро- и макроуровневого подходов: этническая ситуация в РМ исследовалась на фоне этнической ситуации в Российской Федерации в целом. Подготовка монографии потребовала применения сравнительно-исторического, количественного, структурного, комплексного и некоторых других методов исследования, в том числе таких традиционных, как метод непосредственного наблюдения и метод пережитков, переписка с некоторыми из информаторов («эпистолярный метод»).

В первой главе книги Е. Н. Мокшина характеризует этнический состав, экологическую обстановку и этнодемографическую ситуацию в Мордовии, отмечая, что «из ныне населяющих РМ народов (мордвы, русских, татар) аборигенным является только мордва» (с. 21), относящаяся к финно-угорской группе уральской (или, по одной из последних классификаций, уральско-юкагирской) языковой семьи. Присоединение мордовских земель к Московскому государству, завершившееся в основном к концу XV в., имело большое позитивное значение для обеих сторон. «Мордва, — отмечает Е. Н. Мокшина, — была первым крупным народом, вошедшим в состав России, народом, хорошо известным в евразийской этносфере. Это оказало немалое воздействие на этнополитическую ориентацию других народов Поволжья, последовавших ее примеру. Можно с уверенностью говорить о том, что присоединение мордовского народа к Российскому государству стало, по существу, основополагающим этапом его формирования как полиэтнического государства» (с. 24).

Говоря об экологической обстановке в РМ, автор акцентирует внимание читателя на том, что мордва исстари была «народом лесным» (с. 29) и эта географическая среда наложила свой отпечаток на хозяйство, культуру и быт, этническую историю и представления мордвы о родной земле. Но постепенно этническая территория мордвы из преимущественно лесной в результате стихийного освоения и нерационального природопользования превратилась в территорию с преимущественно разреженными ландшафтами, и в настоящее время леса покрывают лишь 27,55 % территории РМ, а облесенность водосборов едва достигает 9 %. С ликвидацией лесов на территории Мордовии мордва оказалась в принципиально другой эколого-хозяйственной нише, что стимулировало отток исконного населения в города не только Мордовии, но и всей страны. Как полагает Е. Н. Мокшина, восстановление привычного, векового лесного ландшафта и по возможности связанных с ним традиционных форм хозяйственной деятельности на современном уровне могло бы способствовать возрождению народа, сохранению и развитию его самобытной материальной и духовной культуры (с. 31).

В последнее время экологические «страсти» в РМ стали нарастать в связи с намеченным строительством на реке Мокше близ мокша-мордовского села Новое Мамангино Ковылкинского района крупного промышленного объекта — Государственной районной электрической станции (ГРЭС), затраты на сооружение которой соизмеримы с несколькими годовыми бюджетами Мордовии. Предполагается, что эта станция будет работать на твердом топливе — канско-ачинском угле из

Красноярского края. Властные структуры РМ всецело одобряют и поддерживают этот проект, надеясь с его помощью решить многие общереспубликанские проблемы. «К сожалению, — констатирует автор, — пока остаются без внимания этнические последствия возведения Мордовской ГРЭС, которые могут быть во многом негативными, особенно для аборигенного населения региона, а именно мордвы-мокши. Строительство таких мощных гигантов индустрии, как свидетельствует практика, сопровождается притоком иноэтнической рабочей силы и специалистов со стороны, что влечет за собой изменение этнической ситуации в регионе, усиление процесса ассимиляции мордвы, которая и без того уже чрезмерна» (с. 34).

Анализ этнодемографической ситуации в РМ позволил автору заключить, что в последние годы здесь падает рождаемость, увеличивается смертность, усиливается процесс старения населения. Стала падать абсолютная численность мордовского народа. Наивысший показатель его численности был зафиксирован Всесоюзной переписью населения 1939 г. — 1 млн 456 тыс. человек. После этого траектория этнодинамического процесса у мордвы стала опускаться: в 1959 г. — 1 млн 285 тыс., в 1970 — 1 млн 263 тыс., в 1979 — 1 млн 192 тыс., в 1989 — 1 млн 154 тыс. (с. 37). Е. Н. Мокшина верно замечает, что уменьшение воспроизводства этноса, превращение его из расширенного в простое, а затем и суженное, т. е. его депопуляция, не может не вызывать серьезной тревоги. «Это симптом, — говорит она, — свидетельствующий о необходимости глубоко задуматься над перспективой развития мордовского народа, проанализировать причины, приведшие к таким результатам, бесспорно, негативно отражающимся на этническом самочувствии мордвы» (с. 38). Автор приходит к выводу, что этнодемографическое развитие мордовского народа должно быть нацелено на преодоление тенденций его депопуляции, возрождение традиций национальной семьи.

Вторая глава книги посвящена рассмотрению этнических и этноязыковых процессов, в ряду которых существенное место занимает ассимиляция мордвы, выступающая главным образом в виде обрусения, которое, судя по материалам автора, особенно заметно за пределами РМ, в мордовской диаспре. Вместе с тем изучение динамики численности мордовского народа в Российской империи, проведенное автором, показывает, что нельзя считать верными высказывания о том, что мордва в условиях царизма была обречена на вымирание. Численность ее в то время постоянно росла (с. 56).

Изучение этноязыковой ситуации позволило автору сделать вывод о том, что в настоящее время ведущую роль в языковой жизни Мордовии играет русский язык. Именно он в наиболее полной мере, по сравнению с мордовскими и татарскими языками, выполняет общественные функции. Одна из особенностей этноязыковой ситуации заключается в том, что русский язык служит средством внутримордовского общения, особенно между мордвой-мокшей и мордвой-эрзей, хотя в принципе как те, так и другие могут объясняться с помощью родного языка, не прибегая к услугам переводчика. В то же время, как убедительно показывает автор, широкое распространение русского языка не означает фронтальной замены им родного языка.

Статья 13 Конституции РМ гласит: «Государственными языками Республики Мордовия являются русский и мордовский (мокшанский, эрзянский) языки». В 1998 г. Государственное Собрание РМ приняло Закон «О государственных языках в Республике Мордовия», призванный служить правовой основой создания условий для сохранения и равноправного развития государственных языков в Республике Мордовия. В РМ сегодня фактически во всех школах с преобладающим контингентом учащихся из мордвы или татар изучаются мордовские и татарский языки. Расширяется сеть школ с преподаванием мордовских языков и литературы и за пределами республики. Их в Российской Федерации насчитывается около 100. Министерство образования РМ осуществляет строгий контроль за преподаванием родного языка. Проводятся проверки качества знаний учащихся путем тестирования, посещения уроков, написания сочи-

ний, диктантов. Что касается русских детей, то для них предусмотрена возможность добровольного посещения уроков мордовского языка и литературы.

Рассмотрению этнополитической ситуации в Мордовии на современном этапе Е. Н. Мокшина посвятила третью главу книги. Она освещает этнополитические и этнокультурные движения, анализирует национальную политику в республике. Хотя этнополитическая ситуация в РМ в настоящее время относительно стабильная, эта стабильность может быть нарушена, ибо в последние годы здесь, как свидетельствует автор, появились этнополитические движения, ставящие своей целью изменить существующее положение, дестабилизировать не только межэтнические, но и внутриэтнические отношения, особенно внутримордовские (между мордвой-эрзей и мордвой-мокшей), развернуть эрзю из субэтноса мордовского этноса в самостоятельный этнос (народ) и навязать такую же линию этнического поведения мокшанскому субэтносу.

Однако, как убедительно показывает Е. Н. Мокшина, опираясь в том числе и на материалы массовых полевых исследований, деструктивная позиция ряда эрзянских национал-сепаратистских организаций хотя и доходит до этнической глубинки, но не получает сколько-нибудь значительной поддержки, и процесс эрзя-мокшанской интеграции, консолидации мордовского народа продолжает доминировать, сдерживая стремление к эрзянской парциации. Вместе с тем анализ этнополитической ситуации, проведенный автором, свидетельствует о необходимости считаться с субэтническими интересами, в том числе и в кадровой политике, не допускается перекосов в ту или иную сторону. Только такая этнополитика сможет оказать позитивное воздействие на этнопсихологические установки мокши и эрзи как двух составляющих единого мордовского народа, оптимизирует процесс его консолидации в современных условиях, ослабит межэтническую и внутриэтническую напряженность.

Экономические трудности реформ и кризисные явления в социальной сфере проанализированы Е. Н. Мокшиной в четвертой главе книги. Она верно отмечает, что кризисные явления в социально-экономической сфере, ухудшение условий жизни большей части многонационального народа Мордовии способствуют нарастанию межэтнической напряженности. Причину такого положения кроме действия общероссийских факторов лидеры РОМа (Русской общины Мордовии) видят в «мордовском засилье», неумении мордовских властных структур управлять республикой, их стремлении к суверенизации, дистанцированию от федерального центра. Лидеры же мордовских и татарских национальных движений корни этих социально-экономических неурядиц ищут в унитаристско-имперской, русификаторской политике правящих кругов как самодержавной России, а затем СССР, так и нынешней Российской Федерации, которая якобы мало чем отличается от прежней, в неспособности русских управлять государством, навести порядок, наладить нормальные, цивилизованные отношения с ее народами (с. 112).

В пятой главе Е. Н. Мокшина освещает современную этноконфессиональную ситуацию в Мордовии, акцентируя внимание на характеристике религиозности населения в республике в советское время, росте влияния религии и церкви в постсоветский период и месте религии в национальных движениях в настоящее время. На базе обширного полевого этнографического материала, собранного в последние годы экспедициями Мордовского университета, в организации и проведении которых автор принимала непосредственное участие, показана существенная и все более возрастающая роль религии в общественной жизни республики, рассматривается не только многообразие религиозных направлений и течений, но и отношение к ним народов Мордовии, как мордвы, так и русских, татар. Учитывая то обстоятельство, что мордва уже более трех веков является православной, распространение в ее среде лютеранства, а такие попытки, как показывает автор, предпринимались, вряд ли можно считать перспективным.

Радетели этой разновидности христианства своей наиболее сильной стороной считают богослужение на мордовском-мокша и мордовском-эрзя языках, упре-

кая Русскую православную церковь в игнорировании ею мордовских языков, в обрусительных устремлениях. Как полагает автор, ей стоило бы уделять больше внимания внедрению мордовских языков в практику церковного богослужения, переводам на мордовские языки духовной литературы, подготовке кадров священнослужителей из мордвы, что «больше отвечало бы нуждам мордовского населения и уменьшило бы его интерес к лютеранству» (с. 157).

Наконец, нельзя не сказать и о языческом, попытки возврата к которому также предпринимаются ныне. Однако, как справедливо подчеркивает автор, опираясь при этом на оценки данного феномена массой мордовских респондентов, «мордовское язычество во многом ушло безвозвратно в историю, стало архаикой и его реанимация была бы равнозначна реставрации эпохи лапгей и лучины» (с. 157). Вместе с тем Е. Н. Мокшина не без основания считает, что было бы недальновидным торможение местных инициатив по использованию некоторых сторон язычества в современной жизнедеятельности мордовского народа, особенно тех, которые нацелены на воспитание рационального отношения к окружающей среде, упрочение устоев народной жизни.

Н. Ф. БЕЛЯЕВА,
кандидат исторических наук

ПАМЯТИ МАРКА МИХАЙЛОВИЧА ГОЛУБЧИКА

25 ноября 2001 г. ушел из жизни доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии МГУ им. Н. П. Огарева, член-корреспондент Российской академии естествознания, заслуженный деятель науки Республики Мордовия Марк Михайлович Голубчик.

Я хочу поделиться с читателями заметками об одном из лучших своих друзей — Марке Михайловиче Голубчике. И не только для того, чтобы воздать должное его научным и педагогическим заслугам. Его знали, восхищались его трудолюбием ученые-географы. Его высоко ценили коллеги — сотрудники географического факультета Мордовского университета, где он проработал много лет. Мне

кажется, что его жизнь — пример беззаветного служения людям и любимой географии.

Марк Михайлович скончался на 68-м году жизни. Последнюю треть его короткого века мы поддерживали с ним тесные отношения, хотя нас всегда разделяли большие расстояния. Он жил и работал в Саранске, я — сначала в Саратове, потом в Ленинграде-Петербурге. Но мы регулярно переписывались (у меня хранятся многие десятки его писем), часто выступали соавторами публикаций, встречались на различных совещаниях и конференциях — в Москве, Ленинграде, Саратове, Саранске, Иркутске, Курске, Перми, Рязани, Смоленске. И главное — мы были единомышленниками в науке и в преподавательской деятельности.

Наше знакомство первоначально было заочным. Познакомила нас наш старший друг Елизавета Всеволодовна Миронова, ушедшая из жизни тремя днями раньше Марка Михайловича. Многие десятилетия Е. В. Миронова проработала на географическом факультете Саратовского университета, заведовала там кафедрой экономической географии, а потом возглавляла Головной совет по географическим наукам Минвуза Российской Федерации. Как-то из командировки в Саранск она привезла солидную рукопись М. М. Голубчика, о котором я знал только как об авторе брошюры о Камеруне. Рукопись (опубликовать ее удалось много позже и в ином виде) произвела впечатление не только своим содержанием, но и тональностью — автор доступным языком знакомил читателя-студента с очень сложными понятиями.

Уважение вызывали трудолюбие Марка Михайловича, ответственное отношение к любимому делу. Он любил и умел писать — для школьников, студентов, учителей географии. Полагаю, что эта работа доставляла ему удовольствие и никогда не утомляла. Но столь же скрупулезно он выполнял и текущую административную работу заведующего кафедрой, аккуратно отвечал на письма. Доброму он относился к своим аспирантам, втягивал молодых коллег в работу над учебными пособиями в качестве соавторов, столь же охотно помогал с публикациями молодым географам из других городов.

Список подготовленных М. М. Голубчиком лично и с соавторами (чаще всего в качестве редактора) учебных пособий велик и многообразен. Это «Введение в социально-экономическую географию» с «Хрестоматией» к этому курсу, курсы истории географии, политической географии, географии мирового хозяйства, прекрасный справочник «Политическая карта мира», книги по географии России, Мордовии, занимательной географии.

В наследии М. М. Голубчика есть и научные монографии, статьи, рецензии. Его научные интересы были связаны преимущественно с географией мирового хозяйства и зарубежных стран (темы его кандидатской и докторской диссертаций).

Марк Михайлович отличался постоянно внимательным отношением к людям — был очень добрым человеком. Создавалось впечатление, что он не мог обижаться на кого-либо, только огорчался.

Он был хорошим другом, неизменно с благодарностью относился к тем коллегам, кто на разных этапах его жизненного пути помогал ему, — М. С. Розину, Е. В. Мироновой, Ю. Д. Дмитревскому, А. И. Чистобаеву.

И еще одна черта, которая отмечается всеми, кто даже не очень близко знал Марка Михайловича, — его скромность. Он был и доктор наук, и профессор, и заведующий кафедрой, и член-корреспондент РАЕ, и заслуженный деятель науки РМ, и автор многих известных книг. Но все это никак не отражалось на его поведении, отношении к людям любого общественного положения и любого возраста. А ведь для молодежи он был, безусловно, мэтром. Приятно было наблюдать, как девушки, поступившие в аспирантуру Московского университета, восхищались, что им довелось познакомиться с Марком Михайловичем во время экскурсии в Звенигород в конце сентября 2001 г. (последняя наша встреча с ним).

Жить без Марка Михайловича будет грустно. Еще выйдут из печати написанные им книги и статьи, застрявшие в издательствах и журналах. Продолжат работу его ученики — дай бог им превзойти своего учителя. Но не будут приходить

его дружеские письма, не будет личных встреч, обсуждения новых совместных замыслов. Думаю, что такое же чувство у всех, кто знал М. М. Голубчика.

Э. Л. ФАЙБУСОВИЧ, профессор
(г. Санкт-Петербург)

* * *

Марк Михайлович Голубчик оставил после себя богатое творческое наследие. Он является автором концепции экономико-географического анализа лесных ресурсов и лесного хозяйства развивающихся стран. Его научное творчество включает около 200 статей, учебно-методических, научно-популярных работ, 17 монографий и учебных пособий для высшей школы.

Некоторые из работ Марка Михайловича, в том числе и находящиеся в печати, мы приводим ниже.

1. Федеративная Республика Камерун: экономико-географический очерк (монография), 1968 г.
2. География Мордовской АССР (учебное пособие), 1983 г. Отв. редактор.
3. География лесных ресурсов и лесного хозяйства развивающихся стран (монография), 1986 г.
4. География Мордовской АССР: Учебное пособие для учащихся 7 — 8 классов, 1986 г. Соавт.: Нарежный В. П., Салищев А. И.
5. Введение в экономическую и социальную географию (учебное пособие), 1993 г. Соавт.: Файбусович Э. Л., Логинова Н. Н., Ковшов В. П.
6. Хрестоматия по курсу «Введение в экономическую и социальную географию», 1993 г. Соавт.: Файбусович Э. Л.
7. Самый, самое, самая в природе земного шара, 1994 г. Соавт.: Ковшов В. П.
8. Россия в современном мире: Сб. материалов в помощь учителям географии, 1994 г. Редактор.
9. География мирового хозяйства (учебное пособие в 2 частях), 1995 г.
10. Использование природных ресурсов и охрана природы (учебное пособие), 1996 г. Соавт.: Ковшов В. П., Носонов А. М.
11. Политическая география мира (учебное пособие), 1998 г.
12. История географии (учебное пособие), 1998 г. Соавт.: Евдокимов С. П., Максимов Г. Н.
13. География в современном мире (учебное пособие по курсу «Введение в географию»), 2000 г. Соавт.: Евдокимов С. П.
14. Экономическая и социальная география: Пособие для поступающих на экономические и географические специальности высших учебных заведений, 2000 г. Соавт.: Носонов А. М.
15. Политическая карта мира: Справочное учебное пособие, 2001 г.

Находящиеся в печати:

1. Экономическая и социальная география (основы науки). Соавт.: Файбусович Э. Л., Носонов А. М., Макар С. В.
2. Теория и методика географической науки. Соавт.: Евдокимов С. П., Носонов А. М., Максимов Г. Н.
3. Общая география (учебник для старших классов). Соавт.: Евдокимов С. П.

Редактор *Т. М. Кильдюшкина*
Корректор *Т. А. Сальникова*

Сдано в набор 26.11.01. Подписано в печать 28.12.01. Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Петербург. Усл. печ. л. 13,98. Уч.-изд. л. 14,11.
Тираж 200 экз. Заказ № 319.

Издательство Мордовского университета
Типография Издательства Мордовского университета
430000, Саранск, ул. Советская, 24

ISSN 0236—2910.
ВЕСТН. МОРД. УН-ТА. 2001. № 3 — 4. С. 1 — 172.